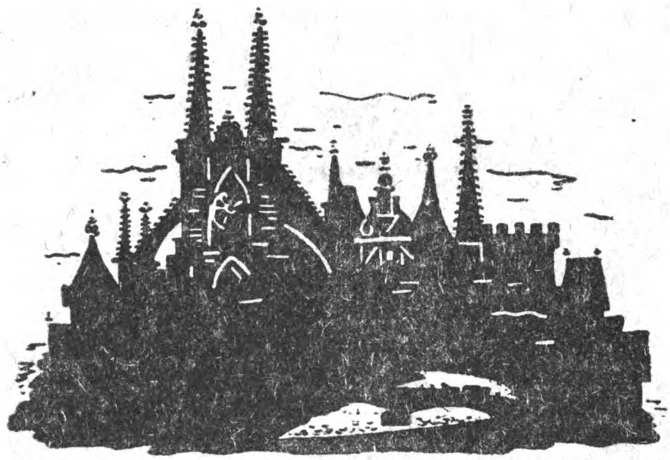
Н. и Т. АНЦИФЕРОВЫ

КНИГА О ГОРОДЕ

ГОРОД КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ СМЕНЯЮЩИХСЯ КУЛЬТУР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БРОКГАУЗ
ЕФРОН
ЛЕНИНГРАД
1926

Н. и Т. АНЦИФЕРОВЫ

ГОРОД,

КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ СМЕНЯЮЩИХСЯ КУЛЬТУР

КАРТИНЫ и ХАРАКТЕРИСТИКИ

> Все пути в город ведут...
>
> . . . .
>
> ... Отовсюду идут к нему,
> От полей, от дальних селений,
> Идут испокон веков, из незапамятных далей
> Нити вечных дорог —
> Свидетели их стремления.
> Этот живой поток — сердца его биение.
>
> *Верхарн.*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1926

ТИПОГРАФИЯ ОБЩЕСТВА
„СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ"
ЛЕНИНГРАД, ПРАЧЕШНЫЙ, 6.

Ленинградский Гублит № 14.735. Напечатано 5.000/12.

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Все пути в город ведут. Города — места встреч. Города — узлы, которыми связаны экономические и социальные процессы. Это — центры тяготения разнообразных сил, которыми живет человеческое общество. В городах зародилась все возростающая динамика исторического развития. Через них совершается раскрытие культурных форм. В ландшафте города мыслящий взор найдет материальное выражение всей сложности культуры данного времени. Никакие научные изыскания не могут его заменить. Без этого восстановляемые исследованиями ученых образы сменяющихся культур останутся для нас навсегда бледными тенями. Мы никогда не сможем достигнуть полноты знания, даже ограничив задачу изучения социальных процессов, одной установкой причинно-следственных связей. Все эти процессы останутся абстракцией — отвлечением от потока целостной жизни.

Город выразитель культуры.

Здесь, конечно, не имеется в виду пессимистическое — „ignoramus et ignorabimus“ (не знаем и не узнаем). Мысль человеческая, опираясь на скопляющийся и совершенствующийся опыт поколений, — все более изощряется в борьбе с неизвестным и сможет раскрыть еще многое на пути определения причинно-следственных рядов и отношений. Но этим не исчерпать полноты бытия. Целокупное знание — цель работы историка, всегда далекая и всегда манящая.

Чтобы приблизиться к возможно более четкому представлению сменяющихся в историческом процессе культур, следует уделить как можно больше внимания тем городам, которые являются наиболее полными выразителями (а может быть, и создателями) этих культур.

Так, например, резкое классовое деление, свойственное обществам с дифференцированным хозяйством и сложной культурой, должно найти свое выражение в облике города. Характеристика социального ландшафта — тема весьма благодарная для изучающих город. Это в полной мере, конечно, приложимо и к городам глубочайшей древности. Читатель встретит здесь интересное описание плана недавно раскопанного египетского города.

Кагун, город эпохи среднего царства, разделен на две части непроницаемой стеной: так господствующий класс ограждался от подвластного ему населения. — Ландшафт города дал возможность многим мыслителям, историкам, художникам сказать самое существенное о культуре, в нем отраженной.

В приведенном ниже отрывке, который посвящен описанию египетских Фив, читатель найдет образ города мертвых (Некрополя). Египтяте создали беспримерный в истории культ умерших; они вложили в него огромный запас трудовой энергии и воплотили в нем свое понимание жизни. В их городах должна была найти выражение эта столь своеобразная и характерная черта их культуры. Мы, действительно, видим, как на ряду с городом живых возникает особый обширный город мертвых.

Среди городов с особенным вниманием надобно отнестись к тем, которые смогли развить вполне свое местное и временное значение и стали культурными символами, содействовавшими объединению человечества. Различные общества людей со свойственными им культурами в процессе исторического роста соединяются все более тесными связями, подготовляя в веках создание общечеловеческого единства. На таком пути эти города-символы являются вехами, отмечающими этапы пройденного шествия, факелами, освещающими проложенную дорогу. Эти города — Иерусалим, Бенарес, Афины, Рим, Париж. Через них человечество сознало свое единство. Взятие Рима варварами было оценено словами современника: „Факел мира погас“; а Париж был назван „путеводною звездою человечества, сердцем мира, мозгом истории“. Не суждено ли и Москве стать также городом-символом?

Эти города становились центрами притяжения для паломничеств. Когда мы читаем описание Афин у Павсания, писа-

теля II века нашей эры, мы легко можем определить, что они превратились в ковчег реликвий античного мира уже в ту эпоху. Автором с любовью отмечаются многочисленные памятники, в которых отражено былое Эллады: „Здесь каждый шаг в душе рождает воспоминанье прошлых лет“.

Группировка материала.

Собранные в настоящей книге отрывки заключают в себе образы городов многообразных стран и эпох. Перед составителями сборника возникал трудный вопрос о группировке материала. — Соблазняла возможность распределить его по типам социально-экомической структуры; рядом с этим представлялся план классификации, так сказать, на основе морфологии культурных ландшафтов. Но по зрелом размышлении пришлось отказаться от попытки установить подобные группировки. Вопрос столь сложен и так еще мало освещен в науке, что обобщения подобного рода при установлении разновидности городов в истории человечества должно признать преждевременными. Если итти по пути составления „синхронистических таблиц“ того типа, какие предлагает Освальд Шпенглер в своем „Закате Запада“, в области, столь мало исследованной, — это может привести только к рискованным построениям, которые будут лишены объективной ценности.

Поясним нашу мысль примерами. — В городах, возникающих на почве натурального хозяйства, сохраняется много черт сельского быта. Основная масса населения занимается земледельческим трудом. Это — села, превращенные в крепости, в которых обитают землевладельцы и жрецы. Такого рода образ города мы узнаем и в описании „щита Ахиллеса“ в Илиаде Гомера, в характеристике средневекового Рима и нарождающегося Парижа. Такие города можно было бы объединить в одну группу, не считаясь с хронологическим принципом.

Другой пример — „полисы“ в античном мире, „города-государства“ — Афины, Коринф, Сиракузы. В социально-экономической структуре их всех есть, несомненно, много общих черт с торговыми республиками и тираниями Италии в эпоху возрождения (Венеция, Флоренция), и с нашими „северными народоправствами“ (Новгород, Псков). — Нечто общее можем найти и между „мировыми центрами“ древности — Александриею

египетскою, Римом во времена поздней республики и ранней империи с одной стороны, и всемирными столицами современности — Парижем, Лондоном, Нью-Иорком — с другой.

Такие сопоставления и делались часто. Но при этом упускались и затирались столь существенные черты отличия, как, например, политическое господство Рима над „земным кругом" (orbis terarum) в течении столетий, в конце республики и начале империи, или же роль того же Рима в последующие века, как седалища папства. — Сопоставления „типологического характера" очень ценны: они дают богатый материал для дальнейших социологических обобщений. Отрывки, собранные в нашей книге, дают возможности для подобного рода опытов. Но их можно ставить и производить независимо от принятой здесь системы группировки материала. Пусть только при этом не теряются из вида изменения, вытекающие, как последствия из особенностей места и времени в развитии изучаемых городов и их культуры.

Другим возможным принципом классификации представляется — главенствующая функция города, как социального организма (его „доминанта"). Можно объединять города-столицы, города-порты, города-крепости, города-рынки и т. д. Этот способ группировки привлекает с первого взгляда своей простотой. Однако, и в нем обнаруживаются значительные трудности, которые в конце концов заставляют признать этот способ мало плодотворным. В самом деле, далеко не всегда легко определить бесспорно доминанту данного города. Например, куда отнести старый Петербург? Какая его функция самая существенная (столица, порт, центр просвещения)? — Кроме того, если остановимся на таком начале распределения, в одной и той же группе окажутся столь различные культурные организмы, как Иерусалим, Теноктитлан, Лондон, Гельсингфорс: они ведь все столицы. Что же даст объединение такого рода?

В виду всех указанных затруднений, мы пришли к решению держаться принципа историко-географического (когда и где?). Собранный матерьял распределен по эпохам и по странам.

Что же принять за основу деления на эпохи и страны? Что признать наиболее существенным фактором рождения,

роста и увядания городов? — Таким фактором следует назвать **экономику**. Все города, игравшие крупную роль в судьбах народов, возникали на **торговых путях**. В зависимости от тех связей, какие устанавливались между городами в различные эпохи, мы получим возможность произвести их более наглядную группировку.

Мало того, экономические связи, как основа деления на группы, облегчает и дальнейшее объединение материала не только в плоскости пространства (районы, объединенные торговыми отношениями), но и в плоскости **времени** (смена хозяйственных форм): первобытный город — село, феодальный город; город эпохи развития торгового капитала и, наконец, (во втором отделе) город эпохи промышленного и финансового капитала. Намеченная линия может быть четко выдержана по понятным причинам, только применительно к так называемому средневековью и новому времени.

Эволюция большого города.

Первым наиболее крупным районом или областью, определившею торговые связи широкого масштаба может быть **бассейн Средиземного моря**. Завладеть им экономически и политически стремились все народы древнего мира. Одна гегемония сменяла другую, пока Риму не удалось на несколько веков объединить под своею властью весь Средиземноморской бассейн со всеми тяготевшими к нему странами.

Старейшими городами этого периода (древней истории) были быстро возникавшие, но нередко и скоро погибавшие или терявшие первенство столицы воинственных племен классического востока. В государствах современного Судана можно наблюдать картину жизни столиц, которая напомнит эти давно минувшие времена. — Города громадных размеров окружены колоссальными стенами. „Они воздвигнуты и поддерживаются тяжелым подневольным трудом и окружают обширнейшие пространства, которые лишь в ничтожной части застроены храмами, дворцами, деловыми зданиями и жилищами, а в большей части заняты полями, лугами, финиковыми рощами. Единственное значительное сооружение — дворец царя, вблизи которого повседневно кишит народом бурно оживленный рынок“. — Мы можем назвать этот тип городов первыми „великими горо-

дами“ (Grossstädte) деспотов, по классификации немецкого экономиста Карла Бюхера.

Следующим типом в развитии городов Средиземноморского бассейна он считает эллинский полис. Так у него остаются вне поля зрения крупные торговые города древнего востока, как Тир, Карфаген. Выросши на почве культуры востока, они сохраняют многие черты, которые сближают их с грозными столицами первого типа; но иной характер развивавшихся в них хозяйственных порядков придает им сходство с греческими „полисами“: это — промежуточный тип.

Последние же представляют собою государственный союз и „совместное поселение“ (синойкизм) — соединение в одно целое всех жилищ целого округа в городе. — „Племена превращались тогда в города“. — Эллинский полис никогда не достигал особенно значительных размеров. Ни один из них не сумел покорить своих многочисленных конкурентов, спаяв их мощной политической организацией, — как это впоследствии удалось Риму, ни образовать путем федерации прочного союза городов, который способен был бы противостоять враждебным силам, хотя на этом пути было сделано не мало попыток: надобно вспомнить федерации афинскую („делосскую симмахию“), пелопоннесскую, ахейскую, этолийскую.

Эллинские полисы „возиикали в интересах обороны и гражданского единства“. При сильно развитом национальном сознании афинянина, спартанца, коринфянина и т. д. каждый ревниво охранял свои вольности, но создать большое национальное государство они не смогли. Основывая колонии, вступая в живые торговые сношения с другими странами, они оставались политически обособленными единицами. Внутри их не было цельности. Напряженная борьба классов, крупные социальные перевороты — вот, что составляет содержание их внутренней истории, явившейся для них школой гражданственности. А их культурное творчество создало сокровищницу духовных благ, которые оказались неиссякающими, вечно живыми в течение двух тысячелетий.

Попытка Македонии образовать мировую державу дала толчок для возникновения и развития крупных городов нового своеобразного типа, каковы были Антиохия сирийская и

особенно Александрия египетская. Последние утратили национальную выразительность, стали космополитическими центрами, местами встреч и смешения народов. Это были — главные гнезда, так называемой эллинистической (поздней греко-восточной) культуры, которую усвоили (в большей или меньшей степени) все племена Средиземноморского побережья. Эти города эллинистических миров являются как бы прототипами ныне существующих крупных центров, благодаря богато разветвленной промышленности, которая занимала в них многочисленные рабочие руки, благодаря широко раскинутой торговле, которую они вели на западе и на востоке.

Далее: Рим — явление очень сложное. В начальной своей истории он напоминает по своему строю эллинский полис. Постепенно превратившись в „владыку мира", Рим становится гигантским центром потребления (не производства) — в экономическом отношении и средоточием управления великой державою (империею) — в политическом. Он остается силен экономически и развивается как великий городской организм, пока сохраняется его политическая роль столицы мира, в которую текут все богатства подчиненных ему стран. Но когда власть его падает, он как зависящий от производства мира, который его питал, хиреет в величии своей фигуры, как мирового города, теряет население, разоряется, приобретает провинциальный характер.

Так намечается внутри истории древнего мира серия столь разнообразных городов. — В последующие века (IV, V и далее все большую роль начинает играть „варварский север", который, однако, наполовину романизуется. Образуется новая сфера тяготения исторической жизни, где завязываются торговые отношения — это бассейн европейских северных морей. — Вблизи берегов этих морей (Немецкого и Балтийского), недалеко от устьев больших рек возникают новые города. Но сохраняют большое значение и реки, текущие к югу (т.-е. к Средиземному морю), являясь удобными торговыми путями к странам, продолжающим жить там деятельною жизнью, а также к западу.

На берегах всех этих рек развивается много городов, которым суждено было играть влиятельную роль в последующие

века: Бордо, Тулуза, Лион, Париж, Страсбург, Майнц, Кельн. Вспомним и наш великий водный путь „из варяг в греки“: города возникли и на нем—Новгород, Смоленск, Киев.

После разложения римской империи на историческую сцену выступили новые народы. Распад государственных связей, феодальное раздробление в организации новых обществ, оседавших часто на новых, раньше мало затронутых местах,— все это не могло содействовать успешному развитию торговли. Только с XI века усиливаются международные связи, правда, вполне никогда не исчезавшие, и оживляется торговый обмен. Наступает время, которое можно назвать эпохой возрождения городов,—которые в варварскую и феодальную эпохи (пришли в упадок).—Двенадцатый и тринадцатый века проходят в Западной Европе под знаком борьбы городских общин с феодальными сеньерами: это так называемые „коммунальные революции“, начала которых отчасти кроются еще местами в X веке. Целый ряд городов, старых и новых, приобрел здесь общеевропейское значение и установил живые связи с востоком. В этих центрах зародилась и „культура возрождения“.

К. Бюхер находит отличительную особенность средневекового города в том, что он обладает собственным „промышленным классом“.—„Он не только центр потребления, как города греков и римлян, но он средоточие производства, промышленной деятельности в высшем смысле слова, создающей блага“.—„Средневековой город предоставляет свой рынок одним лишь цехам ремесленников и допускает конкуренцию посторонних только в виде исключения“.—В ряду средневековых городов мы найдем такие, которые носят на себе яркую печать феодального строя: они полны замков и монастырей (Рим, Авилла), увидим и такие, в которых преобладают цеховые организации (Нюренберг); наконец, такие, в которых главенствующее значение приобрела торговля (Венеция); последний тип явится преобладающим в эпоху расцвета торгового капитала.—В большинстве названных городов легко вскрыть пережитки сельского быта, почуять воздух полей и лугов (ранний Париж, Милан, Москва).

В XV веке пролагаются океанические мировые торговые пути, но это не первые пути такого (мирового) характера.

Оживленная торговля с далекими центрами Азии сухопутными караванами существовала и поддерживалась много веков и раньше. Происходит теперь смена мировых путей, открываются впервые океанические линии. Европейцы знакомятся непосредственно с раньше неизвестными городами Азии и Америки. В особом отделе настоящей книги сосредоточен матерьял, их характеризующий. Эти города востока и нового света живо напоминают нам описания древнейших городов Египта и Вавилона. Сюда же надо отнести Теноктитлан, столицу старой Мексики.

Крупный экономический переворот переживается Европою в течение XVI—XVIII веков: он был новою эрою создания торгового капитализма. Этот период является заключительным в хронологических рамках первой части нашей книги. В него входят как города нового типа, в которых ключем бьет жизнь своего времени (Антверпен, Амстердам, Лондон), так и города, стоявшие в стороне от действия обновляющих процессов, в которых доживали старые институты, игравшие столь крупную роль в предшествующие эпохи: Рим, город пап, Франкфурт, в котором происходили выборы государей „Священной Римской империи".

Тип новых городов существенно отличается от городов средневековья. Они производят на рынок, который стремится расширяться до бесконечности. В них нет или, вернее, почти нет стеснительных организаций, какими были цехи. Экономической борьбе теперь предоставляется полная свобода. Конкуренция не должна быть ничем ограничиваема. В городах нового времени с особой остротой развилось социальное неравенство и классовая борьба. Таковы бросающиеся в глаза отличия. Эти города, повторяем, сложились под господством торгового капитала. Выросшие из них в дальнейшем „города-спруты" составляют уже явление самого последнего времени, порожденное промышленным и финансовым капиталом. Их образы являются отправными при построении второй части нашей книги.—Периоду промышленного и финансового капитала посвящается таким образом особая часть.

II.

Характеристика собранного материала.

Вошедшие в состав настоящего сборника отрывки очень разнообразны по происхождению, форме, характеру и содержанию. Но все они объединяются одною особенностью. В основу всех собранных описаний положены зрительные впечатления, как исходный момент. Все отрывки включают в себе образы городов различных культур.

Мы встретим здесь и описание планов, и характеристики природной рамы города; сюда включены документы, из которых читатель узнает о хозяйстве городов и их социальной структуре, поскольку они находили выражение в ландшафте. Но чаще всего встретятся синтетические изображения облика городов. Известное внимание уделяется и архитектуре. Тот тип зданий, который являлся доминирующим в ландшафте данного города, иногда отражен в особом отрывке. Для древних культур—это чаще всего храмы. Больше всего поражали сознание и привлекали интерес—празднества. Им уделялось во все века много внимания со стороны тех, кто составлял описания городов.

Авторы собранных здесь отрывков также принадлежат к писателям очень различных категорий: надо сказать о них несколько слов.

Одни из них—современники эпохи, когда город создавался и жил. Они характеризуют город, исходя из направлений мысли, интересов, вкусов и приемов своего времени, отправляясь в оценках от господствовавших тогда критериев. Среди них надобно различать туземцев, граждан и обывателей, изображающих свой город, от путешественников, делящихся впечатлениями от посещения чужих. Описания и характеристика тех и других очень отличаются между собою. Авторы первой группы больше и лучше знают свой город в повседневном быту; в долгом пребывании и общении с ним слагается в их воображении сложный образ, но он трудно поддается передаче, изображение часто оказывается не ярким и разбивается на детали. Чужеземец-путешественник ярче воспринимает индивидуальные особенности нового для

него города, потому что он невольно всегда сравнивает и различает; кроме того впечатления его свежее и им легче усваивается цельный образ. Он знает меньше, но видит больше. Все впечатления воздействуют у него на душу, насторожившуюся, чутко реагирующую на то, что несут ей органы чувств, вызывая эмоции, влияя на воображение.

Из цитируемых нами писателей первой группы можно назвать: автора хвалебного гимна фараону Рамсесу, скрибу, восхваляющего в письме к товарищу свой город, затем описание Гомером города-села изображенного на щите Ахиллеса, Овидия, оплакивавшего Рим в разлуке изгнания, Авзония, воспевающего родную Бурдигалу, Миланского нотариуса Бонвизина да-Риву, парижского школяра Гюи де Базоша. Сюда же можно причислить Гете, Диккенса, Державина, Пушкина, когда они описывают те города, в которых протекала их жизнь. Большинство таких отрывков носит характер панегирический или вообще положительный. К сожалению, в прошлые века уделяли родному городу еще меньше внимаиия, чем в наше время. Нам не удалось найти ни одного отрывка, который был бы посвящен современником описанию городов, вызывавших к себе такую пламенную любовь, как Афины или Иерусалим. „Достопримечательности Эллады“ Павсания носят ярко выраженный характер воспоминаний. Автору дороги памятники славного былого. У Павсания, несмотря на сжатый стиль и неспособность составить синтетическую характеристику, вполне обозначен романтический подход к прошлому. И у Данте в его описании Флоренции доброго старого времени звучит мечта о потерянном рае былого.

Число отрывков, посвященных „своим“ городам, можно было бы, конечно, умножить; но все-таки в общей сложности такого рода описания редки и находятся они с трудом.—Несравненно богаче материал, оставленный путешественниками-чужестранцами. О чужих городах было интересно и приятно порассказать, любопытно и послушать. Нельзя терять из вида и того обстоятельства, что подобного рода рассказы и описания преследовали иногда и коммерческие цели; не даром, видим мы, многие из авторов таких описаний чужих стран и

городов были купцы: вспомним, например, Марко Поло, Афанасия Никитина и других.

В наш сборник включено много отрывков, взятых из литературы странствований. Можно отметить между прочими — Геродота, Павсания, Филиппа де Комина, Марко Поло, Клавихо, Берналя Диаза, Дюрера, Аф. Никитина, кн. Куракина и др. Сюда же мы отнесли и изображение Венеции в „Былом и Думах“ Герцена, хотя он посетил город в новейшее время (в средине XIX в.), но его описание, всецело основанное на зрительных впечатлениях, может вполне служить картиною эпохи расцвета знаменитой морской республики, настолько автор проникся синтетическим образом ее старых памятников.

Описание Шарлем Дилем Родоса и картин Брюгге у Роденбаха несколько иного характера. В них нет цельности описания Герцена: славное прошлое смешивается с печальною современностью, но так как все-таки по этим отрывкам можно представить себе эти города в эпоху их прежнего цветения, мы нашли правильным включить их в тот же отдел.

Следующую группу авторов, которыми мы воспользовались, составляют у ч е н ы е и с с л е д о в а т е л и древностей. Некоторые из них являлись также и путешественниками (как, например, Эрнест Ренан). Их описания иногда ограничиваются археологическими изысканиями (см. отрывки из Эрмана — „Египет“). Иногда такие авторы пытаются воссоздать внешний облик города (можно указать в виде примеров отрывки из Фридлендера, Грегоровиуса, Поэта, Gens'а, Фармаковского).

В некоторых случаях мы встречали попытки оживить картину прошлого сценами уличной жизни, реконструировать давний городской быт (интересны в этом смысле Бецольда — „Пробуждение Ниневии“, Ф. Ф. Зелинского — „Праздник Дионисия“, Аполлинария Васнецова „День в Средневековой Москве“). В таких случаях исследовательская работа ученого сочетается с творчеством художника слова.

Последнею категориею писателей, из сочинений которых мы черпали материал, были б е л л е т р и с т ы и п о э т ы. Среди них можно найти серьезных знатоков истории культуры. Заключающиеся в их произведениях монументальные описания часто представляют большую ценность для воссоздания исто-

рических образов замечательных городов. — Это — богатый источник выразительных картин-пейзажей. У нас помещены очень яркие описания, взятые из сочинений Эберса — беллетриста-египтолога, Гюстава Флобера, Виктора Гюго, Д. С. Мережковского, Валерия Брюсова и многих других. Есть подходящий, иногда замечательно яркий матерьял у чистых поэтов, и потому мы прибегали к стихотворениям Верхарна, Блока, Кузмина и др. В образах стихотворений, иногда вполне интимных, содержится богатая жизненная правда, и весть о былом передается тут нашими современниками, обладающими особым даром исторической интуиции.

Таковы многообразные виды источников, которые открывают нам обильные и драгоценные данные для восстановления и прочувствования образов и жизни замечательных городов, подлинных выразителей сменявших друг друга, но и тесно между собою связанных культур.

Собранный нами материал, к сожалению, не дает полной возможности для постижения соответственных хозяйственных форм на основе анализа ландшафта города. Большинство исследователей недостаточно уделяло внимания характеристике экономических отношений и связанной с ними классовой борьбы. Здесь имеет место и малое осознание этих существенных для цельного понимания города моментов, а также увлечение другими его сторонами (художественными и национально-культурными), что так свойственно писателям и исследователям дореволюционной эпохи. Однако, несмотря на эти пробелы, читатель найдет и в их описаниях выразительный материал для характеристики указанных экономических и социальных отношений. В особенности это относится к описанию городов нового времени. Но и в ландшафте древнего Кагуна, Вавилона, Рима, средневекового Милана при внимательном чтении можно найти обильные и ценные указания для понимания социально-экономических процессов.

III.

Город занимает большое место в современной литературе. Можно сказать, что она насыщена образами города. Город

Распределение материала. вдохновляет поэтов, город приковывает внимание мыслителей и людей науки. Город проклинают, городом восхищаются; его изучают, его изображают.

А. Вступительный отдел. Во вступительном отделе нашего текста мы дали примеры такого страстного отношения к городу вообще, к городу-чудовищу. Мы стремимся таким образом ввести читателя сразу in medias res нашего вопроса. Кроме того эти отрывки дадут материал для любопытных сопоставлений отношения к городу людей современного сознания и представителей других форм культуры, других времен. Среди текста первой части немало документов различных эпох, оценивающих города своего времени. Мы увидим, что прежде эта оценка была существенно иной. Вот как известный историк Лависс описывает требования, предъявляемые великому городу со стороны представителя средневековой культуры.

„Средние века были не требовательны в вопросе о красоте Парижа и других крупных центров. Эта красота заключалась в глазах людей того времени в изобилии припасов, рынков, лавок с большим числом потребителей, в оживленности индустрии и торговли. Их идеал был окружить город надежным валом, нагромоздить дома и церкви в узких улицах. Все остальное — свежий воздух и чистота — мало их интересовало. Эти города, столь прославленные, нам показались бы невозможными для жилья".

Иллюстрацией к этим словам может служить хвалебный гимн Парижу школяра XII в. Гюи де Базоша. Однако, если мы сопоставим его с описанием Бурдигалы у Авзония, а идя еще далее вглубь веков, — с похвалой городу древнего Египта — мы сможем обнаружить много черт сходства во взглядах на преимущества городской цивилизации в эти разные эпохи. Вместе с тем каждая эпоха вносит в эти хвалы характерные черточки. Такое сопоставление может послужить интересной и серьезной темой для самостоятельной работы по материалам нашего сборника.

Б. Города прошлого. В первой части перед нами пройдет ряд городов долгого прошлого. Каждая новая волна культуры будет намывать свое образование, создавать свой город.

Кроме того мы увидим города-остовы, через которые перекатывались волны различных культур и оставляли свои

осадки все на одном месте. Таковы Вечный Рим, Париж и др. И современный город вырисуется как порождение длинного ряда этих волн. Он предстанет перед нами не только как мастерская настоящего и грядущего, но и как хранилище былого. В этой части мы стремились дать смену типов и индивидуальных обликов городов во времени, так сказать в разрезе вертикальном, уходящим в глубь веков.

В. Города современности.

Вторая часть посвящена нами городам современности. Это понятие сложное и требующее раскрытия. Под современностью часто понимают только то, что в наше время является высшей или новой нарождающейся формой. А потому принято „сбрасывать с корабля современности" многое из того, что не только доживает свой век, но что полно жизненных сил, и подчас необходимо для современности. Для России наших дней современны и электроплуг и древняя соха, ибо без нее наше крестьянство при реальных условиях нашего хозяйства обойтись еще не может. Следует ли отрицать ценность для наших дней того, что необходимо еще для сотен миллионов? Но мы идем и дальше. Даже то, что препятствует развитию, но все еще действенно в наши дни, так же должно быть включено в понятие современности, т.-к. без его понимания мы не можем постигнуть содержание текущего момента. В наших селах доживают свой век измеряемые, быть может, десятками тысячелетий суеверия, так или иначе влияющие на хозяйственный и общественный быт нашей деревни.

Однако, при этом всегда нужно уметь распознать господствующую тенденцию нашего дня. Итак, под современностью мы условимся понимать всю совокупность явлений, определяющих бытие и сознание нашего времени.

В виду изложенных соображений мы сочли необходимым включить во вторую часть нашей книги, на ряду с образами городов-гигантов с их небоскребами, и силуэты городов нашего времени, переносящих нас своим обликом, а отчасти и своей жизнью в далекое прошлое. Таковы „Мертвые города"— Брюгге, Равенна, Гренада... Кроме того в тех городах, где полно и мощно бьется пульс наших дней, часто можно,

найти остатки былого. Их не следует терять из виду. Золя, на ряду с картиной нового Рима, запечатлел и обломки старых культур в его облике. Далее, в центре Парижа, претендующего на положение первого города современного мира, Гюисманс вскрывает черты далекого прошлого. Он дает нам портрет старинной улицы в центре Парижа XX века. Еще показательней эта сложность городского ландшафта, когда мы встречаемся с городами, запечатлевшими встречу различных культур, созданных различными расами. Мы увидим Гренаду близкого прошлого, едва ли сильно изменившуюся и в наши дни, где яркие следы оставила старая мавританская культура. В образе столицы Дальнего Востока, изображенной Клодом Фарером, переплетены картины европейской жизни, сложившейся за последние десятилетия, и черты старой Азии,— воспоминание о далеком и славном прошлом.

Но иногда две или несколько культур действенно живут в одном городе, две традиции встречаются и переплетаются в одном узле. Случается, одна подавляет другую, бывает, что они мирно сосуществуют. Город — место встречи разных культур и в прошлом и в настоящем и в будущем. В прошлом образ такого города двух культур дает нам Толедо, в котором в XVI в. еще не вполне отзвучали восточные мотивы на фоне испанской инквизиции и рыцарства. В настоящее время такой двойной жизнью живут Константинополь, Тунис, Нанкин...

Ландшафты таких городов—выразительные документы роста империализма европейских государств и подчиняющей силы европейской культуры последних веков. Этот двойственный характер ландшафта многих внеевропейских городов когда-нибудь исчезнет. Что победит? Когда и как победит? Создастся ли синтез борящихся культур, или же одна исчезнет? Вспомним, что и в Европе есть город двух культур, где восточная являлась более передовой и сильной (Гренада).

Нашим подбором отрывков мы стремимся дать яркие уголки из пестрой ткани современности. По своему типу города нашего века могут быть расположены по их преобладающему характеру в нечто подобное хронологическому ряду (как в первой части). В каждом современном городе

века ведут борьбу между собой. В иных уже смолкли голоса давно минувшего, в других они заглушают звук современности, в третьих ясно слышны тоны многих веков, иногда сливаясь в гармоничные аккорды, иногда давая резкие диссонансы. Но мы должны помнить, что все это существует в наши дни. Что эта борьба веков и есть содержание современности.

Эти города покрывают землю в наши дни. Подбирая их образы, мы даем картину смены культур в разрезе горизонтальном.

Во 2-ую часть [1]) мы включили описание городов последнего столетия, приблизительно с половины XIX века, это тип городов эпохи развития промышленного и финансового капитала.

При подборе материала, мы стремились разрешить и другую задачу: дать образы городов с различными главенствующими функциями, с разными так сказать доминантами. Наиболее богато оказались представлены столицы. Они привлекали наибольший интерес. Надо помнить, что обычно они не только средоточие управления страной (административные центры). Таковыми часто становились они в силу благоприятных условий, выдвинувших их в ряды крупных центров. Обычно они являются и центрами промышленности и торговли и средоточием духовной жизни. Мы стремились подобрать отрывки, характеризующие столицы с разных сторон. Вместе с тем на ряду с образами столичных городов разных стран в этом нашем, по существу главным образом географическом, отделе мы даем картины промышленных центров (крупных: Чикаго, Лион, мелких: Коктауни, наше Сормово), города-порта (Марсель, Антверпен, Одесса), города-курорта (Ялта, Лос-Анжелес), крупных торговых средоточий (Нижний-Новгород) центров духовной культуры (классические немецкие университетские города) и города храмы (Иерусалим и Бенарес). Мы стремимся дать представление о городской жизни глухой провинции с ее столь отличными от крупных городских очагов партриархальным и застойным укладом. Таковы — тихий Руан — город антикваров, мелкие города мел-

[1]) Выходящую отдельной книгой.

кого государства — Швейцарии, индусская глушь — Мангалор, захолустье России — губернское и уездное. Особое внимание мы уделили наиболее полному изображению городских очагов и очажков родной страны, от „Польских задворков России“ до Сибирского горнозаводского уголка. Последний город, заключающий эту часть нашего сборника — последнее слово современной культуры, город „Великого немого“ — кинематографа.

Города будущего. Ко второму отделу мы присоединили отдел городов будущего. Фантазия создается из элементов, которые мы встречаем в действительности; писатели, описывающие вымышленные города, черпают краски из этой действительности. Возможность становится для них реальностью. Их вымыслы играют роль лупы, позволяющей разглядеть в наших городах отчетливо и полно каждую черточку, отталкивающую и манящую. Нью-Иорк Уэллса в будущих веках — прямое развитие возможностей современного крупного капиталистического центра, в частности того же Нью-Иорка нашего времени; город Морриса из „Вестей ни откуда“ — идеализированный портрет городов-парков, их предвосхищающий. Таков смысл привлечения этого материала в наш сборник. Эти предвосхищения будущего мы подразделяем на два отдела, соответственно тенденции авторов — дать картину ужасов будущего капиталистического строя или прелести грядущего социализма...

В этот же отдел городов будущего включили мы и города-парки, как примеры уже осуществляющегося будущего или одной из его возможностей. Читатель найдет здесь и теоретический подход к ним и их практическое воплощение.

IV.

Жизнь города. Итак, наша эпоха обострила интерес к городу. В особенности это следует сказать относительно в н у т р е н н е й ж и з н и г о р о д а. В ней проблемы современности черпают разнообразный и выразительный материал. Художественная литература, чутко реагирующая на биение пульса жизни, создала за последние годы целую серию произведений, посвященных описанию жизни городов, как мощных социальных организмов, полных внутренних противоречий и борьбы. Даже заглавия

книг беллетристического характера отразили этот обострившийся интерес. (Для примера приведем ряд названий: Генри „Что говорит город“, Упт. Синклер „Столица“, Синклер Льюис „Главная улица“, Пуль „Гавань“, М. Дорту „Город“, Ж. Ромэн „Преображённый град“, Федин „Города и годы“, Шаповаленко „Город на копях“ и т. д. Все эти книги вышли в течение нескольких месяцев).

Неправильно было бы думать, что этот интерес исключительно явление последних лет. Еще Лесаж в своем „Хромом бесе“ пытался заглянуть во внутреннюю жизнь города и заставляет своего „беса“ чудесным образом приподнять крыши домов и подсмотреть, что делается там „внутри домов“, теснящихся среди кривых улиц, сжатых стенами старого Парижа. Конечно, хромой бес мог показать только то, что могло интересовать французское общество XVIII века. Не его ли вспомнила группа писателей в середине XIX века, когда выпустила в свет интересно иллюстрированную книгу под странным названием: „Бес в Париже“. В ней мы встречаем наиболее славные имена французских писателей: Ж. Занд, Бальзак, Альфред де Мюссе, Теофиль Готье, Жерар де Нерваль и др. В центре внимания быт города. Здесь мы найдем: „Общий взгляд на Париж“, „Парижский климат“, „Парижский свет и светские люди“, „Умственные работники, или о тех, которые не обедают“, „Эскиз гризетки“, „Неделя из жизни парижской работницы“ и много других очерков с заманчивыми заглавиями. Есть там и статья Бальзака „История и физиология Парижских бульваров“. Вероятно эта статья подала мысль группе русских писателей назвать свой сборник аналогичного содержания, посвященный Северной Пальмире, „Физиологией Петербурга“. Этот сборник вышел в двух частях в 40-х годах под редакцией Н. А. Некрасова, одного из наиболее чутких к жизни города русских поэтов. Сюда вошли: статьи Белинского, Григоровича, Панаева и др. Их заглавия напоминают содержание французского прототипа: „Петербургский шарманщик“, „Чиновник“, Омнибус“, „Петербургские углы“ и др.

Оба сборника стремятся отразить жизнь города как можно полнее. Они выдвигают вопросы социального и экономического характера. В центре их внимания — быт города. Термин

физиология определял задачу русского сборника: дать характеристику природы города как социального организма.

К сожалению, оба сборника лишены единства в плане, выбор тем случаен. Очеркам часто присущ обывательский тон. (Исключение составляют статьи Бальзака „История и физиология Парижских бульваров“ и Белинского „Петербург и Москва“).

Появление этих сборников в половине XIX века явление знаменательное. В Париже завершался процесс трансформации города капиталистического типа, в Петербурге он уже намечался. Интерес к жизни среднего горожанина стоял в порядке дня.

Темы города все более и более завоевывают литературу. В Англии еще до появления этих сборников, как в стране в экономическом отношении наиболее передовой, проявился интерес к жизни города как социального организма. Наиболее глубоко и полно его выразил Ч. Диккенс. Во Франции мы отметим, как представителя этого течения в литературе, уже упомянутого Бальзака. Наиболее продуманно, с приемами ученого исследователя, наиболее систематически раскрыл картину жизни города Э. Золя; в своих писаниях он стремился следовать приемам голландских и фламандских живописцев. Из русских писателей должно отметить на ряду с этим великим именем — Достоевского.

В новейшее время писатели-импрессионисты дали ряд интересных книг, отражающих мимолетные и острые впечатления городской жизни. (Гюисманс. „Парижские Арабески“. Петер Альтенберг. „Как я это вижу“). Мы затрудняемся назвать аналогичные работы русских авторов.

В особенности город овладел творчеством поэтов. Великим певцом города на западе можно назвать Э. Верхарна. У нас хотелось бы ограничиться именем Александра Блока.

Можно с уверенностью сказать, что тема города надолго определит интересы художественной литературы.

В третьей части своего труда, которая выходит отдельной книгой, мы пытались дать нечто аналогичное составителям сборников прошлого века, пользуясь, однако, не оригинальными трудами, как это имело место там, а обратившись к богатой сокровищнице изящной литературы. В основу нашего подбора мы положили идею города, как социального организма,

стремясь дать иллюстрации, характеризующие все главные его функции и его структуру [1]).

Отделу структуры предпослан небольшой отдел, трактующий вопросы рождения и роста городского организма. Недостаток подходящего материала не позволил нам осветить этот вопрос во всей нужной полноте. Однако, думается, что помещенные нами 2 отрывка — один из Фюстель де Куланжа, научного характера, другой из Франса, художественный, могут послужить отправным пунктом для самостоятельных работ над вопросами возникновения городов. Отрывок из „Таис“ А. Франса имеет сатирический уклон. Как всякая сатира он схематичен. Но как мы уже имели случай заметить по поводу „городов будущего“ — преувеличения и отвлеченность часто только ярче подчеркивают сущность явлений и процессов. Поэтому мы решились включить в наш материал эту талантливо набросанную схему.

Три другие отрывка: из Роллана, Ж. Ромена и Германа — говорят сами за себя. Они нарисуют нам картину замены полей — огородами и сельского пейзажа — фабричным ландшафтом, столь обычную в наши дни быстрого роста крупных городов.

Основной мыслью в отделе структуры города является представление о городе, как о большой системе, весьма сложной, в которой можно выделить различные органы, определить их положение и взаимную связь, приспособленность к осуществлению цели социального характера. Мы даем описание улиц как артерий города, и его „легких“ — зеленых насаждений (бульваров, садов общественных и частных); а также и мостов, зачастую определяющих весь характер планировки города. Далее мы переходим к элементам улицы — домам. У нас помещены портреты разных домов. Доходные дома под жильцов, населенные чиновниками и рабочими, зажи-

---

[1]) В нашем Союзе на ряду с городом ярко обозначился интерес к деревне, что, конечно, вполне понятно в земледельческой стране. Появился ряд интересных монографий, посвященных описанию отдельного села (Феноменов „Современная деревня“, Большаков „Советская деревня“, Яковлев „Деревня как она есть“, Дыский „Опыт монографического описания д. Бурцевой“, Алексеев „Опыт монографического описания д. Курово“). Эти опыты имеют несомненный интерес. Город, в виду сложности своего содержания, не скоро дождется подобных монографий.

точными бюргерами и обитателями Гетто, а также особняк чопорного Лондонского купечества.

Дома могут быть рассматриваемы с разных точек зрения; можно взять дом: 1) как техническое сооружение, 2) как помещение для жилья, 3) как художественное произведение. Мы остановились на характеристике дома, как места для жилья: материальный остов города важен нам по преимуществу в связи с жизнью населения.

Вторая часть этого же отдела характеризует население города в связи с его деятельностью, или город, поскольку он пульсирует своими органами через деятельность общества. Прежде всего нами выдвинута экономическая функция. Финансовый капитал играет огромную, часто поглощающую роль в современном городе. Мы дали картину финансовых центров, обычно расположенных в центральных районах, наиболее многолюдных и бойких (Сити в Лондоне, Китай-город — в Москве), финансовых учреждений (биржа), а также окружение биржы — рестораны, в которых часто доканчиваются биржевые сделки или начинаются — за закуской и выпивкой. Далее идут центры торговли — рынки и торговые учреждения, магазины, лавки и окружение рынков — закусочные.

Затем функция промышленная. — Центры промышленности, в противоположность центрам финансовым и торговым, располагаются по преимуществу на окраинах. Это новые клеточки города, поселки разростающиеся вокруг фабрик и заводов за чертой города и постепенно втягиваемые в городскую черту. Мы даем картину ядра этих клеточек — завода и рабочих кварталов вокруг него, а на фоне их несколько наиболее ярких сцен из быта рабочего населения. Кроме того мы даем материал для выяснения условий отживающего кустарного и полукустарного (болтовый кузнечный завод) производства в большом городе, вытесняемого фабрикой.

В этих же фабричных окраинах и закоулках часто гнездятся приюты лумпенпролетарита. Лондонские трущобы, описанные Дж. Лондоном, дают картину необезпеченного существования современного рабочего, готового каждую минуту волею несчастной случайности скользнуть в мрак этих трущоб.

Остальным функциям города: 1) Транспорту, 2) администрации, 3) здравоохранению и 4) просвещению—отведено меньше места за недостатком материала. Здравоохранительная функция взята в широком понимании, хотя и представлена только тремя картинками, т. е. включает и гигиену (больница) и благоустройство (чистка города и клоаки). Думается все же, что из нашего далеко не полного материала можно извлечь много интересных и поучительных черт для характеристики жизни населения в крупных капиталистических городах. Особенно выразителен облик новейшей тюрьмы в Америке, ярко характеризующий жестоко-лицемерную сторону современной цивилизации. Последний заключительный аккорд этого отдела развлечения русского high life (скачки), немецкого бюргерства (курзал) и французского народа (на ярмарке).

Последняя часть отдела, трактующего о жизни города покажет нам город в „его минуты роковые"—в необычной обстановке войны и революции, нарушающей правильное течение его жизни. Нам, пережившим, а отчасти и переживающим еще эпоху великих потрясений, картины эти знакомы и близки не менее, чем повседневная жизнь родного города. Многое из недавнего прошлого уже отошло, но наше поколение воспиталось на этих картинах и будет помнить их всю жизнь. Образом города наших дней, города на пороге какой-то новой жизни кончаем мы наш сборник.

Назначение книги.

В заключение мы скажем, для кого предназначается эта книга. В первую очередь она рассчитана на всех интересующихся вопросами современности. Ведь познание города путь к познанию нашей культуры. Мы надеемся, что эта книга поможет раскрыть, при внимательном чтении, содержание этого сложного понятия. Город в образах литературы, взятый динамически (из далей прошлого в дали грядущего) составляет содержание нашего труда. Удалось ли нам сделать ее удобной для чтения — судить не нам. Неизбежно мозаичный характер картины, составленной из разнообразных отрывков, затрудняет удовлетворительное разрешение этой задачи. Но нам хотелось бы видеть в своем опыте и книгу для занятий.

Мы надеемся, что много удобного материала найдут в ней преподаватели обществоведения в средней школе. Мате-

риал исторической части расположен в порядке смен форм хозяйственных отношений и в общих чертах подходит к схеме принятой в „Программе-минимум единой трудовой школы“ [1]). Нужные параллели для связи с современностью можно почерпнуть из II и III части. Мы даем в каждом отделе ряд тем, могущих быть предложенными для самостоятельной проработки учащимися по нашему материалу в связи с курсом обществоведения. На этот предмет преимущественно рассчитан наш сборник. Но в нем найдет материал и историк культуры во всех трех частях—ибо основная мысль книги — город выразитель ряда сменяющихся культур.

Полезные иллюстрации для своего курса найдет географ. В сущности вторая часть целиком географическая. Перед взором учащихся можно провести ряд картин современных городов Запада и Востока с их характерными особенностями, отчасти обусловленными географическим положением. Найдет нечто нужное в нашем сборнике и экскурсионист. Быть может, ему полезен будет самый метод подхода к изучению разных сторон города, а материал даст хорошие иллюстрации и параллели для предварительных бесед. Может быть, кое что интересное найдет и коммунальный работник. Мы затрудняемся вполне конкретно назвать пригодный для этого материал и указать в какой форме мыслимо использовать наш труд в этой области. Но специалист вероятно сумеет использовать его и в этом направлении.

Вот в общих чертах круг читателей, на который рассчитана наша книга и в интересах кого составлялся ее план и подбирался материал.

Наш опыт имеет несомненно много недостатков. Некоторые из них неизбежно вытекают из неполноты материала, за другие ответственность лежит на нас. Если в этой работе есть достоинства, то мы обязаны этим всем содействовавшим нам советом и в первую очередь нашему учителю в области познания монументального города — Ивану Михайловичу Гревсу. За их готовность нам помочь, приносим глубокую благодарность.

[1]) Города Древней истории могут быть использованы как богатый и выразительный материал для сравнений.

Вступление.

ГОРОД.

... Приводят все дороги в город
Там из туманного дыма,
Громоздя этажи к этажам,
Восхождения лестниц больших к небесам,
Словно со дна сновидения, там
Город вздымается непобедимо.

Кинуты там,
Заплетены из железа, мосты.
Прыжками через провал пустоты;
Глыбы камней и устои колонн
Над пиками страшных горгон,
Над предместьями — башни,
Крыш и коньков
Взлеты кривые над грудой домов.
Град-осьминог,
Грозен и строг,
Встал над равниной и пашней.

Над туманом,
Отсветом рдяным,
С мачт и столбов горят фонари
От зари до зари,
Как ряды золотых непонятных яиц;
Ни солнца, ни ярких зарниц
Лицо и полудня незримо
За клубами сажи и дыма!

Нефть и смола, зыбями реки,
Бьются о сваи и бьют о быки;
Жутки свистки проходящих судов,
В страхе кричащих в глубинах тумана
Зелены светы, — огни их зрачков,
Устремленные в даль океана.

На набережных стук сцепившихся фургонов
И лязганье цепей в движении вагонов;
Там кубы темные железный взносит крюк
И в огненный подвал спускает их упорно;
Мосты вскрываются меж мачт бессчетных вдруг,

Вздымаясь к небу виселицей черной
И буквы медные сверкают в вышине,
На крыше, на карнизе, на стене,
Как в битве неизменной,
Гласят о всех концах вселенной!
А наверху, там кэбов стук, пролеток стон,
Движенье поездов вся полнота усилий;
Полеты дерзкие на мили и на мили
До станций, чей застыл сверкающий фронтон.
Уходят в глубину рельс длинных разветвленья,
То в кратер, то в тоннель, чтоб кверху вновь валететь,
В шум в суету, в смятенье,
Как молний блещущая сеть.
Град-осьминог вершит свои хотенья.

Потоки улиц (как сумрачный канат,
Закрученный вкруг памятников) льются
Излучинами, приходя назад,
И толпы неизменны остаются:
Безумье рук, блеск яростных зрачков
И лихорадочность шагов.
Опережающее время
Хватают зубы их, днем, ночью на заре;
В смятеньи, в страхе, в скорби и в игре;
Бросают наугад они живое семя
Туда, и мчит его мгновенье на простор;
И двери грохают в неодолимом шуме,
Огромных банков и глухих контор,
И по притонам звякает затвор,
Под взрывом ветра роковых безумий.
Наружи — заглушенный свет,
Неверно-рдяный, как лоскут горящий,
От фонаря шлет фонарю ответ.

Захвачен алкоголем мир гудящий.
Как ряд зеркальных скиний, бары
Сверкают окнами на тротуары,
И пьянство буйное отражено в стекле;
Слепая девочка, прильнув к стене во мгле,
Свет предлагает: грош за короб (только б взяли);

Совокупляется блуд с голодом в подвале;
И схватки черные тоски плотской
Повсюду пляшут танец свой.
Но вожделение за мигом миг растет,
И ярость делается бурей,
И жажда золота и фосфора влечет
Давить друг друга эти толпы фурий.
И женщины стремятся все вперед,
Сонм бледных идолов, в чьих косах — знаки пола;
Воспламененно рыжий небосвод
Вскрывается порой какой-то чашей полой.

Тогда, безумен и велик,
К сиянью взносится из общей бури крик;
Дома, отели, площади, все зданья
С таким неистовством ревут, распалены,
Что умирающий напрасно ждет молчанья,
Чтоб мирно взор смежить в минуту тишины.
Таков он днем. Когда ж вечерний час
Ваяет молотом эбеновым, просторы,
Над долом властвуя, Град привлекает взоры,
Безмерностью ночных надежд смущая глаз.

Он высится: желанье, роскошь, чара
Его сияния возносят к небесам,
В бессчетных светах отблеском пожара;
И иглы рельс влекут по дерзостным путям,
К обманчивым, но сладостным мечтам,
Сопровождаемым удачей, упоеньем...
Как войско мощное, стоит громада стен,
И доходящие туманы, дым, и тлен
Призывом радостным являются к селеньям.
То — город-осьминог,
Спрут пламенный, со щупальцами, жадный,
Костяк торжественно громадный.
Со всех дорог
Из бесконечности пути приводят в город.

Эмиль Верхарн. „Город“,

перев. В. Брюсова.

ГОРОД СОЦИАЛЬНЫХ КОНТРАСТОВ.

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.
Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чарователь неустанный,
Ты — не слабеющий магнит.
Драконом, хищным и бескрылым,
Засев, — ты стережешь года,
А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода.
Твоя безмерная утроба
Веков добычей не сыта,
В ней неумолчно ропщет Злоба
В ней грозно стонет Нищета.
Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для женщин, для картин, для книг;
Но сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов — орду,
И шлешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!
И в ночь, когда в хрустальных залах
Хохочет огненный разврат,
И нежно пенится в бокалах
Мгновений сладострастных яд,
Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, иступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки.
Коварный змей, с волшебным взглядом!
В порыве ярости слепой,
Ты нож, с своим смертельным ядом,
Сам подымаешь над собой.

Валерий Брюсов. „Пути и перепутьи. Городу“.

ОСУЖДЕНИЕ ГОРОДА.

...Призраки былых привычек, старых горестей, пережитых антипатий, моих собственных ошибок и чужих заблуждений, призраки прошлого притаились на камнях моего нового пути, вызывая в памяти любимые покинутые лица и слезы их, и угрызения совести...

О, тоска и скука увидеть и услышать снова то, от чего, уезжая, думал избавиться,—все прошлое, воскресающее здесь в старой затасканной внешности фальшивых радостей и сует-ного труда...

Снова город—деньги, конторы, казармы, кабаки, больницы и тюрьмы. Снова город—публичные женщины. Снова город!..

И здесь, как и там вдалеке, мне придется с ужасом видеть, как по утрам ленивые руки служанок вытряхивают пыль от семи грехов из саванов дней и ночей,—пыль накопленную за ночи и дни, за часы бодрствования и сна, за часы наживы и разврата!

А над всем этим, над этим зрелищем обычаев, лжи и пошлости—древняя чистота неба, в глубинах которого чудится сияние утреннего счастия.

О, волны, леса и цветы, обезумевшие от радости жизни и ты, златокожая раса,—о твоей душе, этом прекрасном, душистом и вольном цветке, мечтал я, как об единственной мести!

— Откроешь ли ты мне когда-нибудь твою тайну?

— Да! Быть может, вдали от города, в свободном смехе золотокожих рыбаков! Быть может, вдали от города, в свободном поцелуе золотокожих возлюбленных, на морском берегу.

... Так как Европа утратила понятие о вечности, то она не знает настоящего. Деятельность людей поглощается там заботой о неуловимом „завтра“, когда они имеют немного отдыха,—прошлое со злобной горечью воскресает в их мысли, испепеляемой сожалениями. Сожаления и угрызения, надежды

и желания: они были и они будут. Но их, европейцев, никогда нет.

Я же, на этой Сладостной Земле — подлинный я, обожающий все мельчайшие ежедневные перемены, во всей их глубине. С непосредственностью наслаждаюсь я светом, пока он горит. Я умею жить сегодня.

... С его помощью понимаешь то, что есть, любишь то, что есть: ребенка — в ребенке. Зачем любить будущего человека?

С его помощью приближаешься к вечности, которая не имеет будущего, — и с помощью этого знания радости и любви, которое расцветает в твоих садах, о, Сладостная Земля, я постиг счастье и излечился от западного недуга — надежды.

Поль Гогэн. „Ноа-Ноа".

ГОРОД — КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ.

„Народы ранней культуры постепенно стали народами городов; таким образом, существует специфически: китайский, индусский, аполлоновский [1]), фаустовский [2]) образ города и вместе с тем армянская или сирийская, ионическая или этрусская, немецкая, французская или английская физиономия города. Существует город Фидия, город Рембрандта, город Лютера. Эти обозначения и голые имена: Гренада, Венеция, Нюренберг — сейчас же вызывают образ, ибо все, что производит какая-нибудь культура в области религии, искусства и знания, — все это зародилось в подобных городах.

Крестовые походы вылились еще из духа рыцарских замков и из сельских монастырей, реформация же была по суще-

[1]) По терминологии Шпенглера, аполлоновским называется период культуры, обнимающий собою античный мир до II-го века.

[2]) Фаустовский период культуры — последнее тысячелетие у германо-романских народов.

ству городская и принадлежит узким улицам и домам с крутыми крышами. Великий эпос, что повествует и поет о крови принадлежит пфальцам и замкам, но драма, в которой бодрствующая жизнь заявляет о себе, есть уже поэзия города, а великий роман — это взгляд освобожденного духа на все человеческое — предвещает уже мировой город.

И вот человечество городов, преисполненное зоркости и духовности, включает в свой мир, полный света, громкий голос созданных им форм больших каменных громад, противоположный невнятному голосу самой страны.

Силуэт большого города, крыши со своими трубами, башни и купола на горизонте! Каким внятным языком заговорит один взгляд, устремленный на Нюренберг или Флоренцию на Дамаск или Москву, на Пекин или Бенарес! Что можем мы знать о духе античных городов, когда мы не видели их линий на фоне южного неба, в блеске полудня, под облаками в утренний час, в сияющую звездами ночь! Эти черты лица улиц прямых или кривых, широких или узких, дома низкие и высокие, светлые и мрачные, своими фасадами, — своими лицами взирающие на улицы — во всех городах запада и лишенные окон, закрытые решетками, поворачивающие улицам свои спины в городах востока. Дух площадей и перекрестков, тупики и далекие перспективы, дух фонтанов и памятников, церквей, храмов и мечетей, амфитеатров и вокзалов, базаров, и ратуш, а затем вновь предместья, дачи, скученность казарм среди грязи и пахоты, кварталы парадные и убогие. Суббура в древнем Риме и фобур (предместье) Сан-Жермен в Париже, древняя Байя и современная Ницца, скромные образы городов Роттенбурга и Брюгге — и целое море домов Вавилона Теноктитлана [1]), Рима и Лондона. Все это имеет историю и само является историей. Крупное достижение в политике — и лицо города изменяет свои черты. Наполеон придал другое выражение Парижу Бурбонов, а Бисмарк — малодержавному Берлину.

О. Шпенглер. „Закат Европы“.

---

[1]) Столица древнего Мексико государства ацтеков.

ГОРОД В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ.

Во мгле потонули крыши:
Колокольни и шпили скрыты
В дымчато-красных утрах,
Где бродят сигнальные светы.
По длинной дуге виадука,
Вдоль тусклых и мрачных улиц
Грохочет усталый поезд.
Вдали за домами в порте
Глухо трубит пароход.
По улицам душным и скучным,
По набережным, по мостам,
Сквозь сизый сумрак осенний
Проходят тени и тени —
Толпы живущих там.
Воздух дышит нефтью и серой,
Солнце встает раскаленным шаром,
Дух внезапно застигнут
Невозможным и странным.
Ревность к добру, иль клубок преступлений
Что там мятется средь этих строений?
Или над крышами черных кварталов
Это встают на последней мете
Башни пилонов, колонны порталов
Жизнь уводящих к бессмертной мечте?
О, века и века над ним, —
Великим прошлым своим —
Пламенеющим городом, полным,
Как и в этот утренний час, — призраков!
О, века и века над ним
С их огромной преступною жизнью,
Бьющей, — о, сколько лет! —
В каждое зданье, в каждый камень
Прибоем безумных желаний и гневов кровавых!
Сперва — вблизи двух-трех лачуг —
священник-пастырь
Приют для всех — собор, и сквозь узор
оконниц
Сочится свет церковных догм к сознаньям темным
Стена, дворец и монастырь, зубцы
на башнях,
И папский крест, которым мир овладевает,
Монах, аббат, король, барон, рабы, крестьяне,

Каменья митр, узорный шлем, камзол и ряса,
Борьба страстей: за честь герба, за честь хоругви;
Борьба держав... и короли неполновесный
Чекан монет хотят прикрыть гебрами лилий,
Куют ударами меча свои законы
И суд вершат на площадях слепой и краткий.
Потом рождается — как медленно, —
гражданство:
Те силы, что хотят из права прорасти,
Народа когти против челюстей правителей...
И яростные морды в тени, в подпольях завыванье,
Бог весть, к какому идеалу, скрытому в туманах,
Набаты плавят в вечерах неведомые ярости;
Слова освобожденья и надежды — в атмосфере,
Насыщенной кипеньем мятежей;
Страницы книг, внезапно просветленных,
Жгут чувством истины, как библии когда-то;
Герои светлые, как золотой ковчег, откуда
Выходят совершенья вооруженными и крепкими
Надежда безумная во всех сердцах
Сквозь эшафоты, казни и пожары,
И головы в руках у палачей...
Городу — тысяча лет —
Терпкому долгому городу...
Страстному натиску дней,
Тайным подкопам народов
Не устает он противиться.
Сердце его — океан, нервы его — ураган!
Сколько стянула узлов эта упорная воля!
В счастьи сбиратель земель,
Сломленный — ужас вселенной —
Всюду в победах своих и разгромах
Он остается гигантом:
Гудит его голос, имя сверкает,
Светы его среди ночи пылают
Заревом медным до самого звездного свода.
О, века и века над ним!
В эти мрачные утра душа его
Дышит в каждой частице тумана
И разодранных туч:
Душа огромная, смутная, подобная этим соборам,
Стушеванным дымною мглою;
Душа беспокойная в каждой из этих теней,
Спешащих по улицам мрачных кварталов;
Душа его, сжатая спазмами, грозная,

Душа, в которой прошедшее чертит
Сквозь настоящее смутные лики
наступающих дней,
Мир лихорадочный, мир буйного порыва,
С дыханьем порывистым и тяжким,
Стремящийся к каким-то смутным далям;
Но мир, которому обещаны законы
Прекрасные и кроткие, — они
Ему неведомы, и он добудет их
Когда-нибудь из глубины туманов.
Угрюмый мир, трагический и бледный,
Кладущий жизнь и дух в один порыв,
И день, и ночь, и каждый час несущий
Все — к бесконечности!
О, века и века над ним — городом буйным
Старая вера прошла, новая вера куется.

Верхарн. „Душа города".

ЧАСТЬ I.

Города Средиземноморской культуры древнего мира.

А. Древний Восток.

ГОРОД СРЕДНЕГО ЦАРСТВА.

Сколько-нибудь отчетливое представление о египетском городе имеем мы только, начиная с эпохи Среднего царства. Вблизи современного Иллахуна, непосредственно перед вступлением Бар-Юзуфа (канал) в область Фаюм, открыл Флиндерс Петри на пустынном плато руины города, в котором некогда имел свой дворец фараон Сезострис II [1]). Этот город, ставший известным под именем Кахуна, видимо представляет собою искусственное создание. Он не выростал постепенно, но был создан по единому плану. Кроме того он был только в течение одного века и таким образом выясняется, что его план мог сохраниться до наших дней в существенном не поврежденным.

Город занимал площадь приблизительно в 350—400 квадратных метров и был окружон толстой стеной из кирпича. Эта стена в двух местах, на Юго-Западе и на Северо-Востоке, прорезана воротами, которые открывают доступ к двум совершенно различным частям города. Из них значительно меньшая, к которой ведут западные ворота, прорезана с юга на север улицей в 8—9 метров ширины и с восточной стороны отделена от остального города основательной стеной из кирпича. От улицы ответвляются на восток и на запад в правом углу меньшие, едва в 4 метра ширины переулки, по обе стороны

[1]) Или Сенусерт. XII династия около 2000 лет до нашей эры.

которых расположены маленькие, очень скромные жилища. Домики всегда построены так, что каждые два дома имеют общую заднюю стену. Эта часть города заложенная с величайшей экономией пространства (на площади едва в 240 × 105 метр. стояло до 200—250 домишек!)— видимо была **рабочим кварталом** Кахуна.

Совершенно иной была восточная часть города, занимавшая почти $^3/_4$ всего пространства. По крайней мере в северной своей половине она была видимо предназначена для фараона и для высокопоставленных чиновников двора и государства. Здесь площадка (не многим меньшая, чем весь рабочий квартал) занята всего лишь 10-ью или 11-ью домами с их усадьбами. Эти усадьбы расположены участок к участку так, что разделяющая их стена из кирпича является для них общей.

По обе стороны длинной главной улицы этого квартала, пролегающей по направлению с востока на запад (около 250 м.), доступ к которой открывают ворота восточной стороны стены. В западном конце этой улицы, там, где она упирается в стену рабочего квартала, на правой стороне, на некотором возвышении расположен участок, окруженный особо крепкими стенами (к сожалению при раскопках сильно пострадавший), который заключал дворец фараона. От главной улицы, посреди которой все же один желобок обеспечивал сток воды, отходит в южную сторону, внутри городских ворот, множество переулков, где разместились многочисленные домики, расположенные как в рабочем квартале. Эти переулки, с южной стороны от усадеб знатных, вновь пересекаются переулочками, тянущимися в восточно-западном направлении.

Среди домов можно различить три основных вида: простейшие дома рабочих; несколько более просторные дома, которые вероятно были заняты чиновниками, и виллы знати. Все эти дома в равной мере построены из кирпичей, высушенных на солнце. В то время, как дома двух первых групп имели фасад в 7—11 метров и самое большое насчитывали едва 10 комнат, у особняков знати можно было найти участки в 45—60 (приблизительно) кв. м. с 70-ью комнатами и коридорами, значит в 50 раз больше малых жилищ рабочих.

Erman. „Aegypten“. 1924 г.

ГОРОД ЖИВЫХ И ГОРОД МЕРТВЫХ.

(Фивы).

На восточном правом берегу Нила возвышались улицы знаменитой резиденции фараонов, а у самой реки стояли огромные пестрые храмы Амона; за ними в небольшом отдалении от гор и даже у самой подошвы их были расположены дворцы царей и вельмож, тенистые улицы, где большие и узкие дома граждан в беспорядке теснились один около другого.

Пирамида Древнего царства.

На улицах цветущей резиденции фараонов было пестро и оживленно.

Совершенно иное зрелище представлял западный берег Нила. Хотя и здесь не было недостатка в величественных зданиях, возле которых помещались маленькие дома и хижины, однако, не было того оживления, как по ту сторону реки. Если взглянуть на эти дома с вершины горы, то казалось, что у подошвы расположены деревни одна возле другой с прекрасными домами владельцев, а человек, глядевший с равнины на восточный склон западных гор, открывал там сотни замкнутых ворот, стоявших то отдельно, то друг возле друга. Много было во-

рот у подошвы холма и посредине его, некоторые были даже расположены на значительной высоте.

Как непохожа была правильная почти торжественная жизнь этих улиц на пеструю сторону другого берега. Там все было в движении, а здесь казалось какие-то чары задерживали шаг путника, что-то омрачало его взгляды и прогоняло улыбку с его губ.

Тем не менее и здесь виднелось много разукрашенных лодок и судов; не было также недостатка ни в хорах певцов, ни в больших торжественных процессиях, направлявшихся к горе. Лодки привозили мертвых, а раздававшиеся песни были похоронные гимны и торжественные процессии состояли из людей провожавших саркофаги в мертвый город Фив.

...Погребение усопших и приношения не могли обойтись без служителей божества, и потому мертвый город считался удобным местом для жилища ученых и школ.

В храмах на земле Некрополя были большие общины жрецов, а колхиты имели свои жилища вблизи домов для бальзамирования. Ремесло колхитов переходило по наследству от отца к сыну.

В Некрополе не было недостатка в складах и лавках, в которых продавались саркофаги, пелены для обертывания мумий и амулеты для их украшения, также плоды, овощи, печенья, пряности, эссенции и цветы. Домашние животные и птицы выкармливались на огороженных пастбищах. Родственники, провожавшие покойников, покупали все необходимое для обряда погребения и жертвоприношений. В некоторых лавках сидели служители жрецов и принимали заказы на папирусных свитках. Эти свитки, в особых помещениях храма покрывались священными текстами, для того, чтобы душа умершего могла их прочесть и произнести, как заклинание против духов преисподней, и этим открыть себе врата подземного мира, представ пред Озирисом и сорока двумя членами загробного судилища.

Все происходившее в храмах оставалось невидимым для посторонних глаз, для чего каждый храм был окружен высокою стеною с запертыми воротами, которые отворялись только тогда, когда выходил оттуда хор жрецов для пения священных гимнов богу Горусу, восходящему в виде младенца, и Туму, нисходящему уже старцем.

Как только раздавалась вечерняя песнь жрецов, Некрополь пустел: толпы людей, сопровождавшие покойников, прибывшие из Фив на западный берег, спешили обратно, садились в лодки и отплывали. Продавцы закрывали лавки, колхиты и работники отправлялись в свои дома, странноприимные дома наполнялись приезжими издалека, желавшими переночевать лучше в соседстве умерших, чем в шумном городе Фивах, по ту сторону реки.

Голоса певцов и плакальщиков умолкли, даже песни гребцов на лодках, на восточном берегу, мало-по-малу замерли. Над безмолвным городом мертвых раскидывалось безоблачное небо, по временам омрачаемое легкой тенью; летучие мыши летали над Нилом, шакалы утоляли свою жажду на берегу реки и часто целыми стадами показывались в соседстве загородок для коз и гусей. Охотиться за этими ночными хищниками было строго запрещено, так как они считались священными животными бога Анубиса — стража могил. К тому же животные эти съедали все то, что клалось мясного на могилу, к великому удовольствию жертвоприносителей, которые при виде исчезнувших жертв убеждались, что оно было признано годным и принято жителями преисподней. Шакалы также оказывались хорошими сторожами против непрошенных посетителей могил, которые, пользуясь темнотой могли бы проникнуть к гробницам и обворовать их.

Георг Эберс. „Уарда“.

ХВАЛА ГОРОДУ.

...Воздвиг себе его величество замок великий. Онахту имя его („Великий победой“ — поэтическое имя города). Он между Финикией и Тамери (поэтическое имя Египта), **полон продуктов и запасов**. Он подобен по плану Ермонту; он **долговечен**, как Мемфис; восходит Шу на горизонте его и заходит внутри его. **Оставляют все люди города свои и устраиваются в его** области. Запад его — достояние Амона, юг — Сутеха; явилась Астарта на его востоке, Уадит жительствует на его севере. **А замок, что в центре его** — это горизонт небесный. Рамсес Миамун — это бог Монту, наместник Ра для царей, визирь, сладостный для сердца Египта.

Вся земля стекается к его резиденции; посылает и великий князь хеттов к князю Коди, говоря: „готовься, спешим в Египет, скажем: воля бога (т.-е. фараона) исполнена; отправимся с посольством к Усермара (Осимандию): ведь он дает дыхание тому, кому хочет, и все страны находятся в его распоряжении“. (Написано по случаю прибытия в „Град Рамсеса“ царей хеттов).

...Прибыл я в град Рамсеса, нашел его в хорошем состоянии. Он прекрасен, нет равного ему, он основан, как Фивы. О столица, приятная жизнью! ее поле полно всем хорошим, вкусная пища там ежедневно; ее воды полны рыбами, ее округи — цветами и травой, — (следует описание рыб, вин и всяких явств). Провизия и дары в ней ежедневно. Ликуют живущие в ней; в ней малые подобны великим. Давайте устроим праздник неба и времени года. Обитатели Онахту ежедневно в праздничных одеждах; благовонные мази на их головах и новые парики; они стоят у своих дверей, руки их держат букеты, ветви храма Хатор и гирлянды канала Пахери — в день вступления Рамсеса, как Монту обоих земель утром в праздник Хояка, тогда все равны и говорят друг другу свои просьбы. Сладки напитки в Онахту: там вина и плоды „Ину“, мед, пиво из Коди в гавани, вина в погребах, благовонные мази в области канала Салаби, гирлянды во фруктовом саду, приятные обитательницы у Мемфисских врат. Веселие царит всюду, ничто ему не препятствует“. (Из письма писца (скрибы) своему товарищу).

Б. А. Тураев. „История Древнего Востока“.

ГОРОД ФАРАОНА — РЕФОРМАТОРА.

Для более успешного проведения своей религиозной реформы Эхнатон [1]) оставил Фивы с их жрецами

[1]) Эхнатон (угодный Атону) имя, которое принял фараон XVIII династии Аменхотеп IV, который вводил в Египте культ единобожия. В солнечном диске он видел символ божества единого для всего мира, которое он называл „Атон“.

Хронологически город Аменхотепа предшествует „Городу Рамсеса“ эпохи XIX династии.

и культом Амона, и в Ермопильском номе, в самом центре Египта и всей империи (вместо предания, таким образом, выступают математические соображения), основал новый город, названный им „Яхт-Атон“ „горизонт Атона“ (теперь Tell-el-Amarna). К городу был прибавлен участок, который фараон тщательно отмежевал, поставив пограничные надписи с посвящением Атону и дав клятву никогда не покидать его. Этот город сделавшийся столицей Египта, был построен совершенно не по старому: он отличался широкими улицами, великолепными парками, дворцами и храмами Атона; под влиянием освобождения от рамок религиозной традиции и в связи м. б. с местными школами, там развилось искусство с ярко выраженным реалистическим направлением.

Б. А. Тураев. „История Древнего Востока“ т. I.

Руины известные под именем „Эль-Амарна“ в Центральном Египте знакомят нас с городом конца 18-ой династии, следовательно времени между 1375 — 1350 до нашей эры. Здесь идет речь только о положении города... Территория города, обнесенного рядом стен, со своими предместиями — растянулась на протяжении приблизительно 7-ми к. м. с юга на север и около 1 — 1½ к. м. с запада на восток, — на восточном берегу Нила, в пустыне. Центр его образует большой храм Атона (до сих пор еще планомерно не раскопанный), с которым был видимо связан главный дворец фараона. С севера и с юга прилегали к нему дома знати и народа. И здесь, как в Кахуне, можно различать более простые и более богатые, сложные типы домов. Но в „Эль-Амарне“ видимо не было разделения по разным городским кварталам богачей и бедноты. Скорее можно предположить, что малые простые домики служащего населения были разбросаны среди больших господских усадеб. Подобные жилища были парными с общей стеной. Мы находим главный покой, здесь, очевидно, не двор, но комната больших размеров, крышу которой поддерживает одна колонна, благодаря передней скрытая от взоров входящих, мы находим лестницу, ведущую на крышу и два задних покоя.

Erman. „Aegypten“ 1924 г.

ДРЕВНИЙ ВАВИЛОН В ОПИСАНИИ СОВРЕМЕННИКА.

...Город этот таков. Лежит он в обширной равнине, имеет вид четыреугольника, каждая сторона которого содержит в себе сто двадцать стадий; число всех стадий, составляющих объем города, четыреста восемьдесят. Такова величина города, а устроен он так прекрасно, как ни один известный нам город. Вавилон прежде всего окружен рвом, глубоким, широким и наполненным водою; за рвом следует стена шириною в пятьдесят царских локтей, а вышиною в двести локтей. Царский локоть больше обыкновенного на три пальца.

При этом мне следует сказать еще, на что употреблена была земля, вынутая из канавы, и каким способом сооружена стена. Копая ров, рабочие в то же время выделывали кирпичи из вынимаемой земли; приготовивши достаточное количество кирпичей, обжигали их в печках. Цементом служил им горячий асфальт, а через каждые тридцать рядов кирпича они закладывали в стене ряд тростниковых плетенок; укрепили сначала края рва, а потом таким же способом возвели и самую стену. На стене по обоим краям ее поставлены были одноярусные башни, одна против другой; в середине между ними оставался проезд для четверки лошадей. Стена имеет кругом сто ворот, сделанных целиком из меди, с медными косяками и перекладинами.

...Таким-то образом Вавилон был окружен стеною. Состоит он из двух частей, потому что посередине города протекает Евфрат, большая глубокая и быстрая река; вытекает она из Армении и вливается в Ерифрейское море. Стены обеими своими сторонами доходят до реки; начиная от реки стены изгибаются и тянутся вдоль обоих берегов в виде плотины из обожженного кирпича. Самый город полон домов трех- и четырехярусных и пересекается прямыми улицами, как теми, которые идут вдоль реки, так и поперечными, ведущими к реке. На каждой поперечной улице в плотине, идущей вдоль реки, были ворота, которых было столько же, сколько и улиц; эти ворота тоже медные и ведут к самой реке.

Стена эта, как панцырь, обнимает город. Другая стена тянется кругом внутри первой; она лишь немного слабее наружной и уже ее. В одной части города за большою крепкою стеною находится царский дворец, в другой храм Зевса Бела с медными воротами. Это четыреугольник, каждая сторона которого имеет две стадии; уцелел он до моего времени. Посредине храма стоит массивная башня, имеющая по одной стадии в длину и ширину; над этой башней поставлена другая, над второй третья и так дальше до восьмой. Подъем на них сделан снаружи; он идет кольцом вокруг всех башен. Поднявшись до середины подъема, находишь место для отдыха со скамейками; восходящие на башни садятся здесь отдохнуть. На последней башне есть большой храм, в храме стоит большое, прекрасно убранное ложе и перед ним золотой стол. Никакого кумира в храме, однако, нет.

...Прежде всего течение реки Евфрата, первоначально прямое, проходившее посередине города, царица Нетокрида сделала извилистым с помощью прорытых над городом каналов, так что к одной ассирийской деревне река эта подходит теперь три раза; деревня, к которой подходит так Евфрат, называется Ардериккою. Поэтому, если кто отправляется теперь от нашего моря в Вавилон по реке Евфрату, то он в течение трехдневного плавания трижды подъезжает к одной и той же деревне. Кроме того, царица сделала вдоль обоих берегов реки набережные, достойные внимания по величине и высоте; много выше города она велела выкопать бассейн для озера, очень близко к реке, углубленный до уровня воды, имеющий в объеме четыреста двадцать стадий; из той земли, которую вынимали из канала, она велела сооружать набережные. По вырытии бассейна доставлены были сюда по ее распоряжению камни, и сделана круглая стена по краям озера. То и другое сделала царица, — изгибы в русле реки и бассейн для озера, — с тою целью, чтобы река, изламываясь по многочисленным уклонам, текла медленнее, чтобы путь в Вавилон был кривой, и чтобы плывущие объезжали еще большое в объеме озеро. Сооружения эти царица совершила в той части своих владений, где на-

ходятся проходы в Мидию и кратчайший путь из нее, дабы мидяне не имели сношений с ее страною и не выведывали бы дел ее.

С помощью таких укреплений, вырытых в глубине земли, царица защитила себя от врага; вскоре после этого она сделала другие, дополнительные работы. Так как город состоял из двух частей, и между ними протекала река, то при прежних царях всякий, желавший перейти из одной части города в другую, должен был переезжать на судне, а это было, как мне кажется, затруднительно. Царица позаботилась и об этом. Выкопавши бассейн для озера, она оставила по себе сверх этого еще следующий памятник: велела вытесать большой длины камни; когда камни были готовы и бассейн вырыт, она направила всю воду реки в вырытый бассейн. Когда бассейн наполнился водою, а прежнее русло реки совершенно высохло, она велела прежде всего края речных берегов в городе и спуски, ведшие от ворот до реки, выложить обожженным кирпичем по такому же способу, как была сделана стена; потом велела приблизительно посередине города положить мост из кусков высеченного камня, причем цементом служили железо и свинец. На этом мосту в начале дня, по ее распоряжению, клали четыреугольные бревна, по которым и переходили вавилоняне; на ночь бревна снимались для того, чтобы вавилоняне не переходили через реку и не обворовывали друг друга. Когда вырытый бассейн наполнился водою реки и образовал озеро, и когда постройка моста была кончена, царица снова отвела воду реки Евфрата из озера в первоначальное русло; таким образом оказалось, что бассейн, превратившийся теперь в болото, сделан на случай опасности извне, а для жителей города устроен был мост.

Геродот. „История“.

ПРОБУЖДЕНИЕ НИНИВИИ.

Июльское утро, девятый день месяца Аб.

Ночь и молчание почиют еще на древнем торговом городе Нинивии, который взяла под свой всевышний покров Иштар, богиня любви, и в течение нескольких десятилетий возвысила в великолепную резиденцию могучих своим оружием, победоносных великих государей.

Син, ночное светило, уже несколько часов как зашел. Жертвы, которые были возжены согласно древнему обряду Нинибу и Ван в первые часы ночи — уже угасли. Дрожит только летний жар над пальмовыми рощами, которые изредка гладит дыхание ветра из северного горного кряжа, да под покровом тумана, поднявшегося над каналами Тигра, слышно гудение сонма ночных мошек. Что это движется там внизу, на земле по длинной улице, в мазанках которой ночуют многочисленные лавочники? Словно свет факела колеблется под соседними плоскими кровлями и выбеленными куполами; до нашего слуха доносятся звуки гула. Мы приближаемся и присоединяемся к нескольким мужам в священническом облачении, которые в этот момент вступают в дверь одного из парадных домов. Нас встречают крики, ропот и страшное выражение лица тяжко больного, который окружен плачущими родственниками и равнодушно взирающими соседями. Спешно, пока еще действуют ночные чары, возжигают жаровню, один из спутников священника принимается за одержимого (духом болезни), перед ним держат глиняный идол, священник берет руку больного и начинает над ним творить молитву.

Потом беззвучная тишина. Все собравшиеся набожно склоняются перед нашептываемым заговором ночного божества, который исходит из уст мага.

Мы следуем на улицу, которая понемногу оживляется. Вот первый луч торжественно восходящего над далеким горизонтом солнца падает на верхний зубец целлы храма шамаша, радостно встречаемый священником, который молился перед алтарем с поднятыми руками. Восход был ясен; солнечный бог благоволит; это день прорицаний. Выше и выше поднимается дневное светило и золотит плоскости, покрытые изразцами мощной уступчатой пирамиды. И вот теперь лучи его попадают в кремль и на бронзовые плиты створок роскошных ворот и на светлосерые колоссы портала. В близлежащем великолепном парке переливает свет среди светлой и темной зелени: финиковых пальм, миндальных деревьев и яблонь, и пышные кусты покрываются серебристым блеском. Насекомые танцуют в утреннем свете солнца над поверхностью небольшого пруда, который находится в конце парка, вблизи строений

гарема; его уровень искусственно подерживается из водопровода.

И в улицах торгового квартала наступает оживление. Здесь выгружает водоносец кожаный мех, наполненный у канала, там болтают погонщики ослов и мулов и величаво движется караван тяжело нагруженных верблюдов по направлению западных ворот. Рано поднимается так же, после непродолжительной дрёмы, повелитель гигантской страны, подвластной его скипетру, Сарданапал—царь царей, царь мира... Один кивок царя и открывается дверь в роскошно убранный зал — приемную сановников. Через вымощенный световой двор направляется монарх в удлиненный покой, сквозь верхние галлереи которого падает яркий свет на карниз, отделанный редкими камнями и на пышно украшенные стены. Ковровые узоры с искусными каймами и бахромой в виде эмалированных черепиц спускаются с богато кассетированных потолков, простираются до половины стенной поверхности. Нижняя же часть выложена мерцающими алебастровыми плитами, которые обильно украшены рельефами. У узкой стены зала возвышается сделанный из ценного дерева трон на бронзовых ногах, по бокам которого у стены нанесены рельефы — два красноокрашенных гения хранителя. Длинными рядами тянутся с левой стороны недавно изготовленные рельефы, прославляющие победоносные походы царя в Элам, а напротив лестные воспоминанию могучие военные деяния в далеком Египте.

Bezold. „Ninivie und Babylon".

ПАНОРАМА КАРФАГЕНА.

...Карфаген был хорошо защищен со стороны перешейка прежде всего рвом, затем валом из дерна и наконец, стеной в тридцать локтей вышины из тесанного камня и в два этажа. В ней устроены были стойла на триста слонов, магазины для их попон, пут и корма; далее конюшни на четыре тысячи лошадей, с запасами овса и сбруи; казармы на двадцать тысяч солдат и полный военный обоз. Над вторым этажем возвышались зубчатые башни, амбразуры которых скрывались щитами, повешенными снаружи.

Эта первая линия стен прикрывала собой Малкву, часть города, населенную моряками и красильщиками. Тут видны были шесты с сушившимися на них пурпуровыми парусами и расставленные на нижних террасах глиняные печи, в которых варились рассолы.

За этим нижним кварталом высились амфитеатром городские высокие дома кубической формы, построенные из камня и из досок; попадались и сложенные из валунов, из тростника, из раковин, глины. Леса окружающие храмы, выступали зелеными оазисами на этой каменной глыбе, окрашенной в разные цвета и прорезанной площадями и разбегающимися во все стороны улицами.

Холм Акрополя, в средине Бирзы, исчезал совершенно в целом лабиринте монументальных зданий. Тут были и храмы с витыми колоннами, украшенными бронзовыми капителями и цепями, с каменными корпусами с голубой полоской; были и медные куполы, мраморные переходы, контрофорсы, подобные вавилонским, опрокинутые вершиной вниз обелиски; перистили с колоннами в завитках, гранитные стены, поддерживающие переборки из черепицы; все это, нагроможденное одно на другое, прячущееся, уходящее вдаль и вместе с тем составляющее дивное явление, о котором трудно составить себе понятие. Тут чувствовался последовательный ход веков, напоминавший о канувшем в вечность прошлом.

Позади Акрополя, по глинистой красной почве, от катакомб до самого берега, тянулась прямая дорога, по обеим сторонам которой высились огромные дома, с принадлежащими к ним садами; а третья часть города, Мегара, шла тоже до самого побережья, до того места, где стоял гигантский маяк, далеко освещавший местность по ночам.

Таким образом Карфаген весь был виден солдатам, расположившимся на равнине. Они отлично могли различать и площади, и перекрестки улиц, и храмы с блестящими куполами: Эшмуна с коралловыми украшениями на крыше, черного Молоха, близ цистерн со стороны маяка. Видны были им на углах фронтонов, на стенах, на площадях, одним словом везде, наставленные изображения богов с ужаснейшими головами, колоссального роста, или приземистых, с толстыми

или неестественно приплюснутыми животами, с открытой пастью и широко раскинутыми руками, в которых они держали вилы, цепи или дротики. Издали казалось, что вся эта масса зданий выходит прямо из моря и построена на отвесной крутизне.

Народ с утра до ночи сновал по улицам; мальчишки-банщики звонили в колокольчики на порогах своих заведений; пар так и валил из лавок с горячими питиями; молот стучал на наковальне; белые петухи, посвященные солнцу, перекликались на террасах; быки, обреченные на жертву, жалобно мычали в загородках храмов; спешно пробегали рабы с корзинами на головах; из глубины портика иногда выходил жрец; задрапированный в темный плащ, в остроконечной шляпе и с босыми ногами.

Вид Карфагена раздражал варваров. Они и любовались им, и вместе ненавидили его; им хотелось и уничтожить его, и жить в нем.

Но, что это виднеется там на тройной стене, выше Акрополя, на крайнем конце Мегары... Это дворец Амилькара и глаза Мато беспрестанно обращены на него, но никого не видать, сады пусты и красная дверь с черным крестом ни разу не отворилась.

Г. Флобер. „Саламбо".

ПЕРВОБЫТНЫЙ „ГОРОД — СЕЛО".

(Изображение на щите Ахиллеса).

...Там-же два града представил он ясноречивых народов:
В первом, прекрасно устроенном, браки и пиршества зрелись.
Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают.
Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.
Далее много народа толпится на торжище; шумный
Спор там поднялся; спорили два человека о пене,
Мзде за убийство; и клялся один, объявляя народу,
Будто он все заплатил; а другой отрекался в приеме.
Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.

Граждане вкруг их кричат, своему доброхотствуя каждый;
Вестники шумный их крик укрощают; а старцы градские,
Молча, на тесанных камнях сидят средь священного круга;
Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых;
С ними встают, и один за другим свой суд произносят.
В круге, пред ними, лежат два таланта чистого злата,
Мзда для того, кто из них справедливее право докажет.

Город другой облежали две сильные рати народов,
Страшно сверкая оружием. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане с ними должны разделиться
Всеми богатствами, сколько цветущий их град заключает.
Те не склонялись еще, и готовились к тайной засаде.
Стену стеречь по забралам супруг поставив любезных,
Юных сынов и мужей, которых постигнула старость,
Сами выходят, вождями их идут Арей и Паллада,
Оба златые, одетые оба златою одеждой;
Вид их прекрасен, в доспехах величествен, сущие боги.
Всем отличны они; человеки далеко их ниже.
К месту пришедши, где им казалось удобной засада,
К брегу речному, где был водопой табунов разнородных,
Там заседают они, прикрываясь блестящею медью.
Два соглядатая их, отделясь, впереди заседают,
Смотрят кругом, не узрят ли овец и волов подходящих.
Скоро стада показалися; два пастуха за стадами,
Тешась цевницею звонкой, идут, не предвидя коварства.
Быстро, увидевши их, нападают засевшие мужи;
Грабят и гонят рогатых волов и овец среброрунных:
Целое стадо угнали, и пастырей стада убили.
В стане, как скоро услышали крик и тревогу при стаде,
Вои, на площади стражей стоящие, быстро на коней
Бурных вскочили, на крик поскакали и в миг принеслися.
Строем становятся, битвою бьются по брегу речному;
Колют друг друга, метая стремительно медные копья.
Рыщут и злоба и смуга и страшная смерть между ними
Держит она то пронзенного, то не пронзенного ловит,
Или убитого за ногу тело волочит по сече;
Риза на персях ее обагровлена кровью людскою,
В битве, как люди живые, они нападают и бьются,
И один пред другим увлекают кровавые трупы.

Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханный пар; на нем землепашцы
Гонят яремых волов, и назад и вперед обращаясь;
И всегда, как обратно к концу приближаются нивы,
Каждому в руки им кубок вина, веселящего сердце,

Муж подает; и они, по своим полосам обращаясь,
Вновь поспешают дойти до конца глубобраздного пара.
Нива, хотя и златая, чернеется сзади орющих,
Вспаханной ниже подобясь: такое он диво представил.

Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми в дланях серпами сверкая
Здесь полосой беспрерывною падают горстни густые;
Так перевящики их в снопы перевязлами вяжут.
Три перевящика ходят за жнущими; сзади их дети
Горстая быстро колосья, один за другими в охапках
Вяжущим их подают. Властелин между ними, безмолвно,
С палицей в длани, стоит на бразде, и душей веселится.
Вестники одаль, под тению дуба, трапезу готовят;
В жертву заклавши вола, вкруг него суетятся; а жены
Белую сеют муку для сладостной вечери жнущим.

Сделал на нем отягченный гроздием, сад виноградный,
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти чернелись;
И стоял он на сребряных, рядом вонзенных подпорах.
Около саду и ров темносиний, и белую стену
Вывел из олова; к саду одна пролегала тропина,
Коей носильщики ходят, когда виноград собирают.
Там и девицы и юноши, с детской веселостью сердца,
Сладостный плод носили в прекрасно плетеных корзинах.
В круге их отрок прекрасный по звонкорокочущей лире
Сладко бряцал, припевая прекрасно под льняные струны
Голосом нежным; они ж вкруг него — пляшучи стройно,
С пеньем и с криком и с топотом ног хороводом несутся.
Там же и стадо представил волов воздымающих роги:
Их он из злата одних, а других из олова сделал.
С ревом волы из оград вырываяся, мчатся на паству,
К шумной реке, к камышу густому по влажному брегу.
Следом за стадом и пастыри идут, четыре, златые,
И за ними следуют девять псов быстроногих.
Два густогривые льва на передних волов нападают,
Тяжко мычащего ловят быка; и ужасно ревет он,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и сорвавши огромную кожу;
Черную кровь и утробу глотают; напрасно трудятся
Пастыри львов испугать, быстроногих псов подстрекая.
Псы их не слушают; львов трепеща, не берут их зубами:
Близко подступят, залают на них, и назад убегают.

Далее — сделал роскошную паству Гефест знаменитый,
В тихой долине прелестной, несчетных овец сереброрунных,

Стойла, под кровлей хлева и смиренные пастырей кущи.
Там же Гефест знаменитый извил хоровод разновидный,
Оному равный, как древле в широкоустроенном Кноссе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетяся руками,
Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы
Светло одеты, и их чистотой как елеем сияют.
Тех венки из цветов, прелестные, всех украшают;
Сих золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебристых.
Пляшут они и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
Если скудельник его испытует, легко ли кружится;
То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
Купа селян окружает пленительный хор, и сердечно
Им восхищается; два среди круга их головоходы,
Пение в лад начиная, чудесно вертятся в средине.

Гомера. „Илиада". Песнь XVIII.

АФИНЫ ПЕРИКЛА.

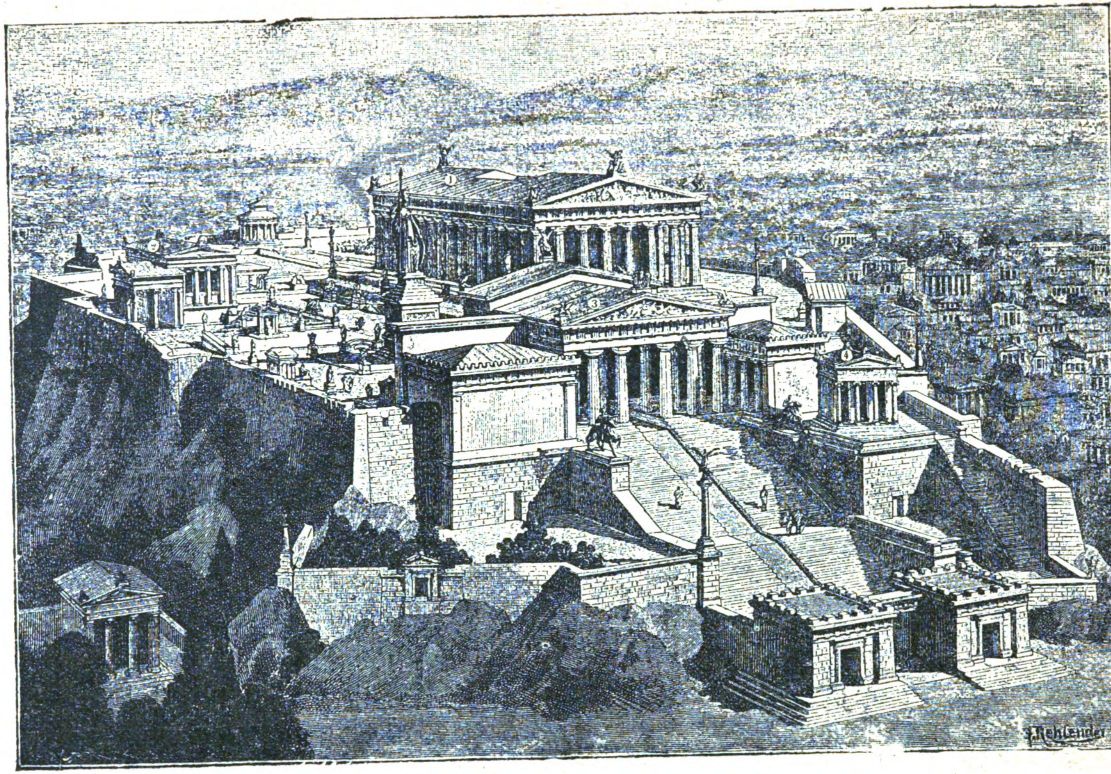
...Город достаточно снабжен необходимым для войны, поэтому излишек в денежных средствах следует употребить на постройки, которые, после своего окончания, доставят гражданам бессмертную славу, во время же производства работ улучшат их материальное положение. Нельзя будет обойтись без разного рода работников: нужно будет многое, все ремесла будут оживлены; никто не станет сидеть сложа руки; почти весь город будет служить на жалованье и, таким образом, сам заботиться о своем благоустройстве и пропитании. Молодые и здоровые люди получали, во время войны, жалованье от государства; но Перикл желал, чтобы и ремесленники, необязанные служить в солдатах, имели свою долю участия в доходах, но получали их не даром, а работая. Вот почему он предложил народу план больших построек, архитектурных работ, требовавших от исполнителей искусства и долгого времени, — чтобы оседлое население могло принимать участие, пользоваться государственными доходами наравне с матросами или служившими в гарнизонах и пехоте. У государства был лес, камень, медь, слоновая кость, золото, черное дерево и кипарис; у него были ремесленники, кото-

рым это и могло служить материалом при работе, — плотники, скульпторы, лепщики из глины, медных дел мастера, каменщики, красильщики, золотых дел мастера и токари по слоновой кости, художники, делающие орнаменты, граверы, затем, те, кто занимается отправкой товаров и развозят их, — купцы, матросы, судохозяева; сухопутной торговлей — тележники, коннозаводчики, извощики, канатные мастера, ткачи, шорники, рабочие, строющие дороги, и рудокопы. Каждое из ремесл имело своих рабочих из простого народа, точно полководец, командующий своим отрядом; они служили орудием, средством для окончания работы. Таким образом, эти занятия были распределяемы, если можно выразиться, между всеми возрастами и профессиями, увеличивая благосостояние каждого.

Мало-по-малу стали подниматься колоссальные здания, неподражаемые по изяществу фасада. Все ремесленники старались друг перед другом довести свое ремесло до степени искусства. В особенности заслуживает внимания быстрота окончания построек. Все работы, из которых каждую могли, казалось, кончить лишь несколько поколений в продолжение нескольких столетий, были окончены в кратковременное блестящее управление государством одного человека. Говорят, когда Зевксид (знаменитый живописец начала IV века, уроженец Гераклеи, в Великой Греции) услыхал, что художник Агатарх очень гордится легкостью и быстротою, с какой рисует картины, он сказал: „что касается до меня, то я рисую долго и надолго". Легкость и быстрота исполнения не дают еще произведению прочности или художественного совершенства. Лишняя трата времени вознаграждается прочностью произведения. Вот почему создания Перикла заслуживают величайшего удивления: они кончены в короткое время, но для долгого времени. Красотой каждое из них казалось древним уже тогда; но по своей прочности они кажутся исполненными, оконченными постройкой только в настоящее время. Таким образом, их вечная новизна спасла их от прикосновения времени, как будто творец дал своим произведениям вечную юность и вдохнул в них не стареющую душу.

Главный надзор за постройками принадлежал Фидию.

Плутарх. „Сравнительные жизнеописания".

Афинский Акрополь.

ПАРФЕНОН.

(Опыт реконструкции).

...Момент восхода солнца в целле Парфенона должен был давать потрясающий эффект, когда грандиозный образ всем золотом загорался в лучах восходящего светила. После восхода солнца в храме постепенно водворялся мягкий, тихий, таинственный свет, — не полумрак, ибо, как показывали точные вычисления одной двери, через которую освещалась целла, тех размеров (10×4,92 м.), которые у нее были, при греческом солнце было достаточно, чтобы в храме света было не менее, чем то теперь требуется для нормального освещения художественного музея. Образ Афины, таким образом, освещался только рефлексами с мраморного пола. Многочисленные складки золотого хитона, дающие много глубоких теней, и богатая ювелирная отделка деталей статуи должны были создавать то, что вся огромная масса золота у образа как бы искрилась бесчисленным количеством мелких отдельных блесток. Общее впечатление от этого должно было быть необычайного богатства, мягкости и спокойствия. Повидимому, совершенно были устранены большие, гладкие плоскости, которые неизбежно давали бы ослепительные, резкие пятна.

И лик Афины-Девы с прекрасными, умеренными, мягкими чертами, дышавшими здоровьем, свежестью и энергией, с большими глазами, смотрящими полным мысли, кротости, чистоты и благородства взглядом, выражал спокойствие, тихое величие, благость. Перед этим образом должно было пробуждаться впечатление мощи, мира, торжественности, чувство святыни...

...Афина-Дева Парфенона являлась как бы выражением всей афинской жизни и олицетворением самой афинской демократии. Есть надписи, представляющие посвящения „Афине-Демократии"... Афина-Дева воплощала в себе всю славу Афинского государства, „опоры Эллады", владыки многих земель и морей, искони победоносно защищавшего цивилизацию от варварства, водворившего мир для счастья и благоденствия народов.

В. Фармаковский. „Художественный идеал демократических Афин".

ПРАЗДНИК ДИОНИСИЙ В АФИНАХ.

...Мы — в Афинах эпохи Перикла; месяц — элафеболион, по нашему март, полный расцвет южной весны. Мореходство только что открылось; пирейская гавань, эта „гостеприимнейшая гавань в мире“, приняла в свои воды приезжие суда с золотыми изображениями их родных богов: рядом с Палладой афинской триеры красуется самосская Гера, эфесская Артемида и другие. И в самих Афинах заметно присутствие гостей; они, правда, разбрелись по домам своих „проксенов“ [1]), но площади им не миновать, и единство обычного аттического говора приятно разнообразится пестротой бесчисленных местных наречий с преобладающей мягкостью ионийских. Тем живее у каждого природного афинянина желание показать приезжим город Паллады во всем его блеске.

Теперь, впрочем, не Паллада властвует в Афинах, а Дионис; наступление его царства возвестила взошедшая над городом первая четверть молодой луны. Она созвала на утро следующего дня всех граждан к древнему святилищу бога, что у театра. Обычай требует торжественного перенесения его кумира в это последнее здание, чтобы бог самолично был свидетелем празднеств в его честь. При соседстве храма с театром это — дело несложное; но именно поэтому тот же обычай предписал длинный и продолжительный обход: надлежало предварительно доставить бога из Афин в Академию, чтобы он там провел весь день, и уже с наступлением вечера вернуть его в Афины и водворить его на месте празднества. Эта Академия, тогда еще не освященная именем Платона, была рощей „героя“ Академа, на расстоянии, приблизительно, $1^1/_2$ версты от городских ворот, которые, однако, находились, приблизительно, на таком же расстоянии от храма Диониса под юго-восточным склоном Акрополя.

Здесь собирались участники шествия — жрецы, власти граждане, гражданки. Надлежало выстроиться с соблюдением порядка и благолепия, приличествующего торжеству. Особую

[1]) Земляк.

группу, видную и нарядную, составляли мальчики, сыновья граждан — главные действующие лица в празднестве, как мы увидим; другую группу, еще более приятную для взора — девушки-канефоры (кошеносицы) с корзиночками на головах. Для нас они застыли в тех скромных и миловидных „кариатидах“, которые поддерживают балдахин южного портика храма Орехфея.

По данному сигналу начиналось шествие, вытягиваясь в бесконечную ленту на улицах, собираясь сплоченными массами на площадях — впереди всех, окруженный эфебами, кумир Диониса. Шествие огибало восточный склон Акрополя с гигантским шатром Одеона, творением Перикла, и попадало на самую нарядную улицу Афин, улицу Треножников, украшенную архитектурными трофеями победителей на мусических состязаниях Диониса; оттуда — на городскую площадь с ее алтарем двенадцати богов — тех самых, жрецы которых принимали участие в шествии. Почтив их возлияниями и молитвами, процессия двигалась дальше, мимо „герм“ — тех роковых герм, искалечение которых поколением позже повергло Афины в такой ужас, — на рынок; оттуда, по широкой предместной улице „Дромос“, между портиками и статуями, к дипилонским воротам. Здесь начинался строгий, но не мрачный квартал Внешнего Керамика, почетное кладбище афинян, где хоронили мужей, павших в бою за отечество.

Дальше шла уже дорога... надо полагать, такая же пыльная, как и теперь. Конечно, в марте месяце она могла сохранить еще остатки зимней влаги; а впрочем, афинянину было не привыкать к своей родной, тонкой и белой известковой пыли. При всем том эта была, без сомнения, самая трудная часть пути, тем более, что после двухверстной ходьбы с остановками и весеннее солнце изрядно припекало. И, как ни утешали себя участники сознанием, что они идут по той же святой дороге, по которой сам Дионис некогда, говорят, пришел в Афины, чтобы воспользоваться гостеприимством древнего афинского царя Амфиктиона, — позволительно думать, что и у них радовалось сердце, когда последняя томительная верста приходит к концу и на них повеяло душистой прохладой с зеленой рощи Академа.

...Но вот день песен прошел; солнце догорело на царственном престоле Эгалея, угас и огонь на сверкающем копье акропольской Палады-Воительницы, и занявшаяся вечерняя заря окрасила склоны Гиметта в пурпурно-фиолетовый цвет. Начались сумерки — быстрые южные сумерки, через прозрачную дымку которых все ярче и ярче пробивается тихий свет засиявшей над Акрополем молодой луны. Это значит: пора возвращаться в Афины.

Возвращаться, да: но не в том чинно-торжественном шествии, в котором поклонники Диониса пришли утром в Академию. Конечно, те эфебы, которым поручено перевезение бога, должны исполнить свою задачу усердно и внимательно; за это их ждет общественная благодарность. Но остальные свободны: можно соединяться по группам, по компаниям, как кому угодно; все же девушки шли охотно с девушками, юноши, охотно или нет, с юношами. Девушки, юноши... кровь-то, ведь, молодая, а ночь дионисий полна соблазнов. Идут обратно по дороге, ведущей к Дипилону. Пыли незаметно: морской ветерок подул с юго-запада, растворяя в своей влаге и легкий аромат тимьяна с эгалейских холмов, и тяжелый, одуряющий запах склонившихся над струями Кефиса нарциссов. Молодая луна борется с белыми облачками южной весны; они то и дело заволакивают ее, погружая во внезапный мрак дипилонскую дорогу с ее шествием. В этом большой беды нет: там и сям запылали факелы, багровый жар которых помогает неверному свету Селены. В каждой компании их по нескольку; в их кругозоре не страшно. А все-таки жутко; и жутко и весело. В каждой компании своя флейтистка: игра, песни, смех — на то и дионисии: надо, чтобы весь год вспоминали. Вот показались суровые мраморные стелы дипилонского кладбища: грозно глядят, при багровом жаре факелов, меднобронные изваяния марафонских бойцов. Ничего, в своей компании не страшно. Но зато отставать никому не советуется.

Дипилон пройден; мы на Дромосе с его портиками и статуями. Здесь, между колоннами, на „подстилках“ (стибадах) из зеленого плюща, приготовлено угощение — конечно, вино. Об этом позаботились тароватые граждане — Перикл, Лакедемоний, Иппоник, Пириламп и, вообще, кто побогаче. Распо-

лагаются компаниями, кто к кому пристал. Льется вино — и еще обильнее льются звуки флейт, песни, говор, смех. Вся улица озарена факелами. Появляются ряженые — большею частию сатиры с тирсами в руках. Сыплются удары направо и налево — на то это „шаловливые тирсы". От них порой бывает больно; больно, да, но не обидно — и это, ведь, служба Дионису. И дальше — то же самое. И между гермами, и под колоннадами городской площади, и у подножия узорчатых треножников, и под склонами Акрополя — везде горят факелы, сливая свой багровый свет с зеленью плющевых стибад, везде льется вино, везде шумят флейты, раздаются песни, слышен говор и смех. Чем дальше, тем более тает свита паломников, сопровождающих святой кумир Диониса в его театр под юговосточным углом горы Паллады. Наконец, усердные эфебы его довезли; его ставят, куда обычай велит. Луна тем временем закатилась; над Гиметтом показались персты Зари; пора расходиться.

Ф. Ф. Зелинский. „Софокл и греческая трагедия".

ГОРОД РЕЛИКВИЙ АНТИЧНОГО МИРА.

Если в Афины итти из Пирея [1]), будут видны остатки стен, восстановленных Кононом после сражения при Книде... На этой-же дороге могилы знаменитых мужей: Меандра, Диониfoба и Еврипида...

...Недалеко от ворот находится могила, на которой памятник представляет воина, стоящего около коня, но кого он изображает, не знаю. Конь и воин работы Праксителя.

При входе в город стоит здание, где хранится все нужное для праздничных ходов, которые бывают в Афиннах и ежегодно и через известные промежутки; а по близости храм Деметры с тремя изваяниями: Деметры, ее дочери и Иакха со светильником, а на стене написано аттическими буквами, что это произведение Праксителя. Недалеко от этого храма Посейдон на коне, поражающий копьем гиганта Поливота,

---

[1]) Порт города Афин.

того самого, по поводу которого на острове Косе сложился миф о мысе „Черепахе“ (Хелоне). Но по нынешней надписи, это не Посейдон, а кто-то другой.

От городских ворот Керамик ведут крытые переходы, перед которыми находятся медные изваяния мужей и жен, чем-либо прославившихся.

В одном из переходов находятся святилища богов и гимназия Гермеса; там же дом Политиона, тот самый, в котором, будто бы, афиняне, и при том далеко не простые граждане, кощунствовали над елевсинскими таинствами. Теперь этот дом посвящен Дионису, которого здесь называют „Ликующим“, по той же причине, как и Аполлона „Вождем Муз“.

...Местность Керамик получила свое название от героя Керама, по сказаниям, тоже сына Диониса и Ариадны. Здесь, по правую руку, находится, прежде всего, так называемая „Царская палата“ (стоа басилеиос), в которой восседает, в течение своего года, царь архонт, и исполняет свои царские обязанности. На ее черепичной крыше статуи из жженой глины.

...Другая палата, следующая за этой, заключает в себе известную картину „Двенадцать богов“, а на противоположной стене нарисован Тезей и Народ с Народоправием. Смысл этой картины тот, что Тезей дал афинянам равноправие, между тем в афинском народе распространено другое мнение: будто Тезей передал власть народу и будто народ управлял Афинами до тех пор, пока восстал и захватил власть Писистрат.

...Там же храм Матери богов, с ее статуей, работы Фидия, а вблизи Совет Пятисот, который дает афинянам суд в течение своего года. Внутри этого здания деревянное изваяние Зевса Советника (Булея), Аполлона — обе статуи художественной работы Писия, и Народ — произведение Лисона. Там же картины: Законодатели (Фесмофеты), рисованные Протогеном из Кавна и Каллипп, который с афинским отрядом охранял Фермопилы от вторжения в Элладу галатов, рисованный Олвиадом.

...Около здания Совета Пятисот стоит так называемый „Купол“ (Фолос), где пританы обедают и приносят жертву и где находится несколько небольших серебряных изваяний

богов. Дальше вверх, стоят статуи героев, от которых впоследствии получили названия афинские филы.

...Неподалеку группа: Армодий и Аристогитон [1]), убившие Иппарха. Причина и способ совершения этого события описаны другими писателями. Из этих статуй одна сделана Критием, другая, древнейшая — Антинором. Когда Ксеркс занял Афины, по оставлении города жителями, то увез с собою и эту группу в качестве добычи, но впоследствии Антиох прислал ее в Афины обратно.

Перед входом в так называемый театр Одеон стоят изображения египетских царей.

При входе в афинский Одеон, между предметами, достойными удивления, статуя Диониса, а недалеко отсюда источник с девятью трубами, называемый поэтому Еннеакрупос. Его обделал и украсил Писистрат, — потому что колодцы в Афинах есть по всему городу, а источник один, только этот. Выше этого источника два святилища: одно Деметры и Коры, другое с изваянием Триптолема.

...Если идти по направлению к палате, которая от картин именуется „пестрою" — Пойкила, перед нами будет медный Гермес, называемый Рыночный (агораиос), а вблизи ворота, с находящимися на них афинскими трофеями после победы афинян над конницей Кассандра и его брата Плистарха, начальствовавшего над конницей и наемным войском.

Первая картина в этой палате представляет афинян в сражении с лакедемонянами при аргивской Эное. Нарисовано сражение не разгоревшееся, когда каждый желает отличиться, а только начинающееся, когда противники готовы схватиться.

На средине стены — борьба Тесея и афинян с амазонками. Это единственные женщины, которых неудачи не лишили мужества в опасностях. Когда Геракл взял Фемискиру, и посланное в Афины войско погибло, амазонки все-таки пошли на помощь Трое против афинян и против всех еллинов.

Дальше следует взятие Илиона и цари, собравшиеся по поводу зверства Аякса над Кассандрою. Последняя картина Марафонское сражение. Здесь беотийские платеицы и атти-

[1]) Тираноубийцы.

ческий отряд бросаются на варваров; бой на обеих сторонах идет одинаково, но вдали уже бегут варвары и один другого толкают в болото, а на самом конце картины представлены финикийские корабли, на которые спасаются варвары, и их убивают еллины. Там же изображен герой Марафон, от которого получила название эта равнина; дальше Тесей, выходящий из земли, и затем Афина и Геракл, так как, по сказаниям марафонцев, Геракл у них почитается первым между богами. Между сражающимися наиболее выдаются на картине: Каллимах, избранный тогда афинянами начальником конницы, а между полководцами — Милтиад и герой Ехетль, о котором я еще после буду говорить. Там же висят медные щиты — один с надписью, что от скионеев и их союзника, другие—покрытые смолою, чтобы не действовало время и ржавчина. Эти щиты, говорят, принадлежали лакедемонянам, взятым на острове Сфактерии.

Перед Пойкилой медные статуи: Солона, написавшего законы афинянам, и немного дальше — Селевка.

...На Агоре (Площади народных собраний), между другими далеко не всем известными достопримечательностями, находится и жертвенник Милости (Елею). Этому божеству, как наиболее оказывающему добра человеческой жизни и в изменчивости судьбы, воздают честь одни афиняне, которые не только имеют учреждения по делам человеколюбия, но и в отношении богов имеют гораздо более благочестия, чем другие еллины. Поэтому у них есть жертвенник Стыду (Аидо), есть и доброму имени (Фима) и Рвению (Орма); а отсюда ясно, что чем более кто упражняется в благочестии, тем более его радует истинное счастие.

Недалеко от Агоры гимназия Птоломея, названная так по имени строителя, и в ней замечательные статуи: мраморная — Гермов и медная—Птоломея. Здесь же ливиец Юба (Иова) и Хрисипп из Сол.

Тут же около гимназии храм Тесея, с картиной, изображающей битву афинян с амазонками.

Храм Диоскуров один из древнейших. Сами Диоскуры стоят, а сыновья их верхом на лошадях. Полигнот нарисовал здесь все, что относится к их свадьбе с дочерьми Левкиппа. Микон — поход с Иасоном в Колхиду.

...Вблизи здание — п р и т а н е я, где написаны законы Солона.

...Храм Зевса Олимпийского и замечательную его статую соорудил римский император Адриан.

...От Адриана остались и другие сооружения в Афинах: храм Геры и Зевса Панеллиния и храм всех богов, в котором самое замечательное — сто двадцать колонн из фригийского мрамора; портики и стены тоже из фригийского мрамора. Там же есть палата, с вызолоченным потолком и обделанная алебастром, украшенная статуями и картинами. Здесь же находится и библиотека. Есть и гимназия имени Адриана, имеющая 100 колонн из ливийского мрамора.

Недалеко от храма Зевса Олимпийского статуя Аполлона Пифийского; но есть и другой храм Аполлона, с именем Дельфиния.

...Ликей получил название от Лика, сына Пандиона, но еще в древние времена, как и при мне, он считался храмом Аполлона, который отсюда получил даже название „Ликийский“.

...И з р е к в А ф и н а х т е к у т: Илисс и Еридан, имеющий одинаковое имя с келтским, и впадающий в Илисс... Афиняне утверждают, что река Иллис и у других богов считается священною. На берегу Илисса есть жертвенник и Илисским музам. Здесь же показывают место, где пелопонесцы убили афинского царя Кодра, сына Меланфа.

Если перейти Илисс, находится местность, называемая „Агры“ (Ловы), с храмом Артемиды Агротеры (Добычницы). Здесь, говорят, Артемида впервые охотилась, по прибытии из Делоса; потому и статуя богини держит лук.

Нечто невероятное для тех, кто только слышал, но изумительное для видевших представляет С т а д и я — вся целиком из белого мрамора. О величине ее можно судить по следующему: над рекой Илиссом возвышается гора в форме полумесяца, распадается на две части, окружает стадию и доходит до самого берега. Эту гору обстроил афинянин Ирод, употребив для этого громадное множество пентелийского мрамора.

От Пританея идет у л и ц а, которая называется „Т р е н о ж н и к и“. Она названа так потому, что на ней находится много

храмов, в которых стоят медные треножники, представляющие замечательные произведения искусства. В числе их находится и тот Сатир, которым, говорят, очень гордился Пракситель.

...Возле театра древнейший храм Диониса. Внутри священной его ограды есть два храма и две статуи Диониса: один под именем Елевфер, другой, из золота и слоновой кости, творение Алкамена.

...Около храма Диониса и театра здание, которое, говорят, сделано по образцу палатки Ксеркса. Оно выстроено уже второй раз, потому что первое здание сжег, при взятии Афин, римский полководец Сулла.

...В афинском театре статуи драматических и комических поэтов, большею частью, мало известных, потому что из комических поэтов, кроме Менандра, не было ни одного, который вошел бы в славу. Из знаменитых трагиков там Еврипид и Софокл.

...После храма Асклепия, по дороге в Акрополь, храм Фемиды, перед которым насыпана могила Ипполиту. По преданию, смерть Ипполита последовала от проклятия.

...В акрополь ведет всего один вход; другого нет, потому что весь акрополь состоит из крутой горы и обнесен сплошной стеной. Крыша в Пропилеях из белого мрамора, и до сих пор поражает своей красотой и размерами. Относительно конских статуй я не могу сказать ничего положительного, представляют ли они сыновей Ксенофонта или просто служат украшением.

Направо от Пропилей храм Бескрылой Победы (Ника Аптерос). Здесь, с той стороны откуда видно море, по преданию бросился со скалы и кончил свою жизнь Эгей.

...Налево от Пропилей здание, где находятся картины.

...При самом входе в акрополь находятся: Гермес, называемый Пропилейский, и Хариты, творение, как говорят, Сократа, сына Софронискова, которого Пифия назвала мудрейшим из людей.

...Далее небольшой камень, на котором может сесть только маленький человек. На этом камне, рассказывают, спал Силен, когда в страну вошел Дионис.

...Далее, я видел в афинском акрополе медного Мальчика, держащего сосуд для святой воды, работы Ликия Миронова, и Персея, убивающего Медузу, работы Мирона. Затем, там находится храм Артемиды Граброний со статуей работы Праксителя, а название это богиня получила от поселения Граброн.

...При входе в храм, который афиняне называют Парфенон (храм Девы), все, что находится на так называемых орлах (фронтоне), имеет отношение к рождению Афины, а задняя сторона изображает спор Афины с Посидоном за землю. Сама Афина сделана из золота и слоновой кости; по средине ее шлема выпуклое изображение сфинкса, а с обеих сторон шлема такое же изображение двух грифов.

...Афина изображена во весь рост и одета в хитон, доходящий до ног; на груди ее выпуклое изображение — голова Медузы из слоновой кости; в одной руке она держит богиню Победу (Нику), величиною, приблизительно, в 4 локтя, в другой — копье. У ног еще щит, а около копья дракон. Этот дракон по всей вероятности, Ерехтоней.

...За храмом медная статуя Аполлона, которую, говорят, делал Фидий.

...В акрополе также статуи Перикла Ксанфиппова и самого Ксанфиппа, имевшего при Микале большую битву с мидянами.

...На южной стене акрополя Аттал изобразил известные войны афинян.

...Там же находится здание, именуемое Ерехтеион. Перед входом — жертвенник Верховного Зевса, на котором не приносят в жертву ничего живого, а только возлагаются особые печеные хлебцы, и то без вина.

...Афине посвящен не только город, но и вся область, и хотя аттические поселки почитают каждый особых богов, тем не менее все они чтут Афину, а святейшее изображение, признанное таковым еще до соединения всех поселков, находится в нынешнем акрополе, который с этого времени и стали называть городом.

...Золотой светильник для этой богини делал Каллимах. Его наполняют маслом, и он горит до того же дня следую-

щего года, и хотя горит день и ночь, но налитого масла бывает достаточно для назначенного времени. Самая светильня делается из карпасийского льна, единственного, который не сгорает. Над светильником, до самого потолка, поднимается медная пальма, которая втягивает копоть.

...Недалеко от храма Полиады живут две девушки, которых афиняне называют „тайноносительницами" (аррифорами). Перед праздниками они некоторое время проводят около богини, а когда наступает праздник, то они, ночью, делают вот что: кладут на голову и несут то, что им дает жрица Афины, но так, что та не знает, что дает, а те не знают, что несут. А в Афинах есть ограда так называемого храма „Афродиты в Садах", с естественным подземным ходом. Сюда спускаются эти девушки, оставляют то, что принесли, и берут нечто другое, тоже закрытое; и затем этих девушек отпускают, а на их место берут в акрополь двух других.

...Кроме упомянутых предметов, афиняне имеют два пожертвования из десятины военной добычи. Первое — медная статуя Афины из добычи, отнятой у мидян при Марафоне, творение Фидия, но битва лапифов с кентаврами на щите и прочие рельефы, говорят, выбиты Мисом, по рисункам Паррасия. Острие копья этой статуи Афины и гребень на шлеме видны с мыса Суния. Вторая десятина — медная колесница из добычи, взятой на Евии у виотийцев и халкидян. Есть еще два другие пожертвования: Перикл, сын Ксанфиппа, и весьма замечательное произведение Фидия — Афина, названная по имени жертвователей „Лимносскою".

Стены вокруг акрополя частью построены Кимоном, сыном Милтиада, частью пеласгами, жившими некогда под акрополем, из которых называют Агрола и Ипервия, но собирая сведения о пеласгах, я узнал только, что они произошли от сицилийцев и переселились в Акарнанию.

Если спускаться вниз с акрополя, но не в самый город, а только повернуть под Пропилеи, будет источник и тут же, в пещере, святилище Аполлона и Пана.

...В этой же стороне Ареопаг; а называется так потому, что там происходил первый суд, когда Арей убил Алирроφия.

Там же впоследствии судился Орест за убийство матери; и действительно, от него есть жертвенник Афине Арейской, поставленный им после оправдания на суде. А серые камни, на которые становятся обвиняемый и обвиняющий, называются: один — камень обиды, другой — камень непримиримости.

Вблизи—храм богинь, которых афиняне называют Почтенными, а Гесиод в Теогонии—Эриниями. Эсхил первый представил их с драконами на голове, но на этих изваяниях нет ничего ужасного, как нет его и на других стоящих здесь статуях подземных богов, а стоят здесь: Плутон, Гермес и Земля (Гея). Здесь жертвуют все, кому доводится быть оправданным в Ареопаге; а жертвуют одинаково и граждане, и иноземцы.

Внутри ограды находится также могила Эдипа, кости которого, по моим исследованиям, перенесены сюда из Фив.

...В Афинах есть и другие судилища, однако, не пользующиеся такой славой, как Ареопаг. Это — Паравист (Закоулок) и Тригон (Треугольный). Первое носит такое имя оттого, что находится в одном из городских закоулков, и туда ходят только по маловажным делам, второй — по форме здания; а теперь эти судилища еще называются по цвету окраски: одно — лягушечное (зеленое), другое — красное. Но самое большое судилище, в котором собирается и наибольше судей, это — Гелиэя.

Недалеко от ареопага показывают корабль для празднования Панафиней.

...У афинян есть и за городом, по поселкам и по дорогам, храмы богам, и могилы героям и людям. Ближе всего Академия, некогда частное владение, ныне гимназия. Если итти туда, будет священная ограда Артемиды и в ней изваяния Отличнейшей и Прекраснейшей — названия самой Артемиды, как я думаю и как подтверждают стихотворения Сапфо; другие мнения я пропускаю. Далее, там небольшой храм, в который ежегодно, в определенные дни, приносят изваяние Диониса Елевтерея. Таковы здесь священные места.

Павсаний. „Описание. Эллады“.

СУМЕРКИ АФИН [1]).

...Афины хотя и много пострадали от Суллы, хотя и были, подобно всей Греции, ограблены римскими правителями и частью опустошены грубой алчностью своих новых владык, все же сохранили еще почти все шедевры, составлявшие украшение этого города. Памятники Акрополя остались нетронутыми. Несколько неудачных добавлений в подробностях и довольно большое количесто посредственных произведений, успевших проскользнуть в сокровищницу великого искусства, дерзкая замена древне-греческих статуй на некоторых пьедесталах римскими, не умалили святости этого чистейшего храма красоты. „Пойкила", с его блестящей декорацией была свежа, как в первый день. Гнусный Секунд Карина, поставщик статуй для золотого дома (дворец Нерона), начал свои подвиги лишь несколько лет спустя, и то Афины пострадали от этого меньше Дельф и Олимпия. Пристрастие римлян к домам с колоннадами еще не проникло сюда; дома были бедны и не отличались удобствами. Этот прелестный неправильно расположенный город, с узкими улицами, ревниво оберегал свои древние памятники, предпочитая архаические воспоминания вытянутым в струнку улицам. Все эти чудеса не трогали апостола; он видел самое совершенное, что когда-либо существовало и будет существовать, — Парфенон, с его всеподавляющим величием, храм бескрылой Победы, достойный битв, в честь которых он был воздвигнут; Эрехтейон, чудо изящества и тонкости; дивных юных эрефорянок, с их полной грации девственной осанкой, — видел, и сердце в нем не дрогнуло, вера его не пошатнулась. Его ослепляли предрассудки еврея-иконоборца, нечувствительного к пластической красоте; эти несравненные статуи были в глазах его идолами. И, как рассказывает его биограф, он возмутился духом при виде этого города, „полного идолов". Трепещите, дивные и целомудренные изображения, истинные боги и богини, — вот идет тот, кто поднимает на вас молот.

---

[1]) События этого отрывка относятся к более раннему периоду, нежели описания Павсания.

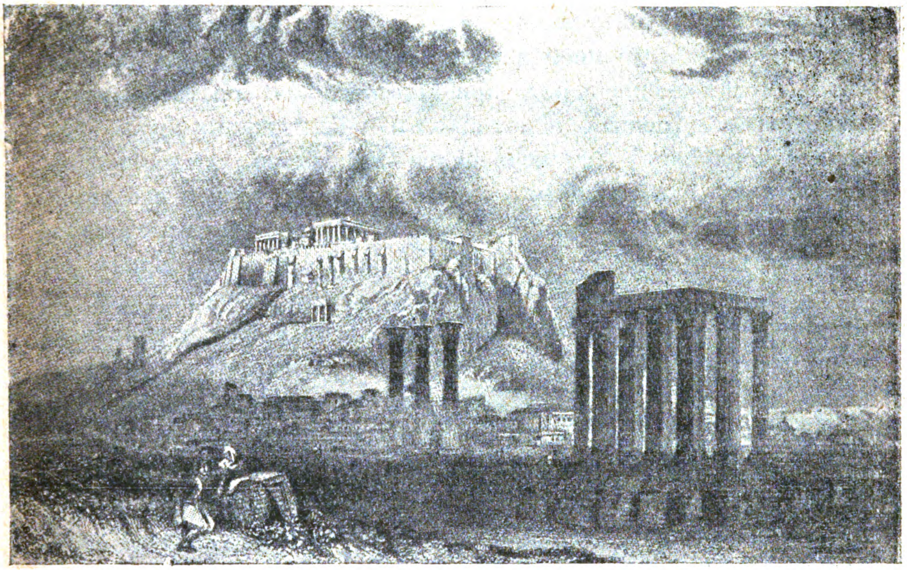
Роковое слово сказано: вы идолы; ошибка этого некрасивого маленького еврея будет вашим смертным приговором.

...Само собой, в это время Афины были далеко не тем, чем они были в течение стольких веков — центром человеческого прогресса, столицей республики ума. Верный своему старому духу, этот дивный город — матерь всех искусств, стал одним из последних оплотов либерализма и республиканства, так сказать, городом, оппозиционным по преимуществу. Афины всегда готовы были отстаивать заведомо проигранное дело; они энергически высказывались за независимость Греции, за Митридата против римлян, за Помпея против Цезаря, за республиканцев против триумвиров, за Антония против Октавия. Рядом со статуями Гармодия и Аристогитона, этот город воздвигал статуи Бруту и Кассию; он скомпрометировал себя чествованием Германика; он заслужил обиды, нанесенные ему Пизоном. Сулла жестоко разгромил его и нанес последний удар его демократическому строю. Август был милостивее к Афинам, но и он не баловал их своей благосклонностью. У них не отнимали названия вольного города, но привилегии вольных городов при Цезарях и Флавиях все уменьшались. Постепенно Афины таким образом сведены на положение города подозрительного, опального, но и облагороженного этой опалой. С восшествием на престол Нервы, для них начинается новая жизнь. Мир, вернувшись к разуму и добродетели, преклонился перед своей матерью. Нерва, Ирод Аттический, Адриан, Антонин, Марк-Аврелий реставрируют Афины, щедро дарят их новыми памятниками и новыми учреждениями. На четыре столетия Афины вновь делаются городом философов, артистов, умников, святыней для каждой либерально мыслящей души, местом паломничества для всех поклонников правды и красоты.

...Однако он сохранил свой благородный облик и попрежнему занимал первое место в ряду городов, привлекающих внимание мира. Несмотря на тяжелые времена, уважение к Афинам было глубоким и всеобщим.

...Но всего выше стоял престиж Афин, как города, где можно было научиться чему угодно, города-школы.

...Население этого города было живое, любознательное, остроумное. Каждый проводил жизнь на воздухе, в постоянном общении с остальным миром, в атмосфере, где дышалось легко, под улыбающимся небом. Обилие иностранцев, жаждавших знания, поддерживало кипучую умственную деятельность. Гласность, заменявшая журнализм античному миру, опять-таки сосредоточивалась в Афинах. Торговля не привилась в этом городе, и у его жителей только и было за-

Развалины Акрополя.

боты, что узнавать новости, быть в курсе всего, что говорилось и делалось на всем земном шаре. Замечательно, что широкое распространение религии не вредило здесь рациональному образованию. Афины могли быть одновременно самым религиозным городом в мире, греческим Пантеоном и — городом философов. Жрец и эпикуреец-атомист хотя и ссорились порой, но в общем уживались недурно. Истинным грекам были очень по душе такие соглашения, основанные не на логике, но на взаимном уважении и взаимной терпимости.

Эрнест Ренан. „Святой Павел“.

В. Эллинистические города.

ГОРОД ХРАМА ИАГВЕ

(Иерусалим [1]).

...Неприветливы окрестности Иерусалима. Долины были безводны; почва суха и камениста. И только, когда глаз останавливается на котловине Мертвого моря, вы чувствуете некоторое успокоение; с других сторон вид до крайности однообразен. Один только холм Мизпа, со связанными с ним воспоминаниями древней истории Израиля, несколько ласкает взор. Расположение города при Иисусе почти соответствовало нынешнему. Древних памятников в нем почти не было, так как до воцарения Асмонеев иудеи оставались чуждыми всем искусствам; Иоан Гиркан положил впервые начало его украшениям; а Ирод Великий сделал его одним из великолепнейших городов востока. Постройки Ирода по своей грандиозности, превосходству исполнения и красоте материалов, могут оспаривать первенство у совершеннейших произведений древней архитектуры. В окрестностях Иерусалима возвышалось множество великолепных оригинальных гробниц. Стиль их был собственно греческий, но был значительно изменен и приспособлен к еврейским обычаям. Изображения людей и животных, которыми, к крайнему неудовольствию строгих законников, позволяли себе украшать свои постройки Ироды, не были допущены и были заменены изображениями растений. Пристрастие древних Финикиян и Палестинцев к памятникам, высеченным из горных пород, повидимому, снова отразилось в этих своеобразных скалах, к которым греческие формы особенным образом были применены.

...Храм в эту эпоху был еще совершенно нов, и снаружи даже не совсем окончен. Ирод начал перестройку в 20 или 21 году до христианской эры, чтобы привести его в гармонию с своими другими зданиями. Капитальная часть была окончена в полтора года, портики в восемь лет; но разные работы по отделке продолжались весьма долго и были закончены лишь незадолго до взятия Иерусалима Титом... Храм про-

---

[1]) Здесь описан Иерусалим эллинистической эпохи.

изводил в высшей степени грандиозное впечатление. Окружающие его дворы и портики служили ежедневно местом сходки для многолюдной толпы, так что обширное пространство храмовой ограды представляло в то же время и храм, и площадь, и судилище, и университет. Там происходили горячие прения между представителями разных иудейских сект, там преподавалось каноническое обучение всякого рода, разбирались даже процессы и гражданские тяжбы, словом, там сосредоточивалась вся деятельность нации. Без умолку шумели там аргументаторы; софизмами и пустословием беспрестанно оглашалась эта арена нескончаемого диспута. Храм представлял много сходства в этом отношении с мусульманскою мечетью. Римляне в эту эпоху с уважением относились к иностранным религиям, раз только они не выходили за пределы родного края, и не решались даже переступать порог еврейского святилища. Греческие и латинские надписи указывали место, которое переступать воспрещалось не-еврею. Но невдалеке оттуда высилась Антониевская крепость, главная квартира римского гарнизона, оттуда превосходно видно было все, что делалось внутри ограды. Храмовая полиция предоставлена была самим евреям и лежала на обязанности смотрителя храма; по его распоряжению каждый раз врата отворялись и затворялись; он должен был наблюдать за тем, чтобы никто не входил через ограду с палкой, в запыленной обуви, или ради одного лишь сокращения пути. Строже всего наблюдалось за тем, чтобы никто в нечистом состоянии, по смыслу Закона Моисея, ни проник во внутренние портики храма. Для женщин были отведены совершенно особые отделения.

Эрнест Ренан. „Жизнь Иисуса".

СТОЛИЦА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВОСТОКА

(Антиохия).

...Антиохия, это „столица востока", третий город мира, была центром христианства северной Сирии. Это был город с полумиллионным населением, почти столь же громад-

ный, как недавний Париж, резиденция императорского наместника Сирии. Приведенный сперва Селевкидами в блестящее состояние, он только выгодал от занятия его римлянами. Вообще, Селевкиды стояли выше римлян по умению украшать большие города. Храмы, водопроводы, бани, базилики, ни в чем не было недостатка в Антиохии из того, что составляло великолепие большого сирийского города этой эпохи. Улицы, украшенные колоннадами, со статуями на перекрестках, были более симметричны и правильны, чем в каком-либо другом месте. Корсо [1]), украшенное четырьмя рядами колонн, образуя две крытые галлереи с широкою аллеей посредине, пересекало весь город на протяжении тридцати шести стадий (более одной мили). Некоторые остатки его еще находятся по направлению к Боб-Болосу.

Антиохия славилась не одними только полезными и громадными общественными сооружениями. Там было то, что редко имели сирийские города — шедевры греческих художников, великолепные статуи, пластические творения, совершенству которых в последующих веках не умели уже более подражать. С самого своего основания Антиохия имела вид совершенно эллинского города. Македоняне Антигон и Селевк оставили по себе здесь, в нижнем Оронте, самые живые воспоминания в культах и названиях этой земли. Греческая мифология нашла здесь себе второе отечество; здесь самодовольно указывали на множество священных мест, имевших связь с мифологией. Город был полон святынь Аполлона и нимф. Дафнэ, восхитительный уголок в двух частях пути от города, напоминала завоевателям самые веселые мифологические сказания.

... Рядом с греческим населением, которое нигде в другом месте на Востоке (кроме разве Александрии), не было так многочисленно, как здесь, в стенах Антиохии было всегда значительное количество сирийцев, говорящих на своем сирийском диалекте. Эти туземцы составляли низший класс населения, жившего в предместьях большого города и в густо

---

[1]) Проспект.

населенных деревнях, образующих вокруг него обширный округ — в Шарандаме, Гизире, Гандигуре, Апате, названия которых по большей части сирийские. Браки между этими сирийцами и греками были весьма обыкновенным явлением. Кроме того, так как Селевки установили закон, по которому всякий иностранец, поселившийся в городе, должен был сделаться его гражданином, то за три с половиною столетия своего существования город Антиохия оказался местом в мире, где все расы совершенно смешались. Нравственный упадок был ужасен. Особенность всех этих очагов разлагающейся нравственности заключается в том, что он все расы сводит к одному уровню. Бесчестность некоторых левантинских городов, в которых царили интриги, самые низменные инстинкты, с трудом может дать нам понятие о степени той развращенности, до которой дошел человек в Антиохии. Это была ужасающая шайка фигляров, шарлатанов, фокусников, магов, чудотворцев, волшебников, обманщиков-жрецов; город конских ристалищ, игр, танцев, празднеств, вакханалий, безумной роскоши, всякого восточного сумасбродства, самых вредных суеверий, фанатических оргий. То раболепные и неблагодарные, то подлые и наглые, антиохийцы были совершенным образцом толпы, преданной цезаризму, не имеющей ни отечества, ни национальности, ни семейной чести, ни защиты своего имени. Громадный Корсо, пересекавший весь город, казался театром, где целый день сновали толпы народу, пустого, легкомысленного, непостоянного, задорного, иногда остроумного, занятого пением, пародированием, насмешками и всякого рода бесстыдством. В городе много занимались литературой, но исключительно реторической литературой. Театральные представления были очень странны; бывали игры, в которых появлялся хор молодых девиц, в одной повязке, голыми, принимавших участие во всех упражнениях; во время знаменитого праздника Маиума, толпа куртизанок плавала пред публикой в бассейне наполненном чистою водою. Это было упоение, сон Сарданапала, где беспорядочно развертывалась пред глазами картина сладострастия, полнейшего разврата, не лишенного своеобразной заманчивости и утонченности. То был грязный поток, вытекший из

устьев Оронты, имевший тут свой главный источник и стремившийся оросить Рим. Двести десятских поддерживали порядок при священнодействиях и празднествах. Муниципалитет владел громадными общественными зданиями, пользование которыми дуумвиры делили между усерднейшими гражданами. Как и во всех веселых городах, в Антиохии были плебеи, низший класс, живший на общественный счет или имевший скудные средства.

Красота художественных произведений и бесконечная прелесть природы мешала этому нравственному падению дойти до безобразия и пошлости. Местоположение Антиохии одно из самых живописных в мире. Город занимал пространство между Оронтом и склоном горы Сильпуса, одного из отрогов Казиуса. Ничто не могло сравниться с обилием и красотою здешних вод. Городская стена, как бы вскарабкавшись, благодаря необыкновенному искусству военной архитектуры, на остроконечные скалы, огибала вершину гор, образовывала вместе со скалами высокую зубчатую корону прелестного вида. Такому соединению ограды с выгодным положением древней крепости в закрытых больших городах, вообще отдавали преимущество военачальники Александра, как это видно в Селевкие, Пьерии, Ефесе, Смирне и Фессалониках. Это было восхитительное зрелище. Внутри городских стен в Антиохии были горы до семисот футов вышины, остроконечные скалы, ключевые источники, пропасти, глубокие овраги, водопады, недосягаемые гроты; и среди всего этого великолепный сад. Густой лес с миртовыми опушками, цветущими кустарниками, лавровыми деревьями и вечно зеленой нежной растительностью, скалы, покрытые гвоздикою, гиацинтами—придавали этим диким возвышенностям вид сада. Разнообразие цветов, свежая трава, бесчисленное множество маленьких цветущих злаков, красота окаймляющих Оронт платанов, вселяли веселье и распространяли благоухание, одушевлявшее добрых гениев Иоанна Златоуста, Либания и Юлиана. На правом берегу реки расстилалась широкая равнина, окруженная с одной стороны Аманусом и странно пересеченными Пьерией горами; с другой — возвышенностями Киргестики, за которыми начиналось опасное соседство ара-

бов и пустыни. Долина Оронта, начинающаяся с запада, соединяет этот бассейн с морем, или, лучше сказать, с тем обширным миром, где Средиземное море во все времена устанавливало путь и связь между народами.

Эрнест Ренан. „Апостолы“.

АЛЕКСАНДРИЯ.

(Новая столица Египта).

...Когда мне говорят: „Александрия“,
я вижу белые стены дома,
небольшой сад с грядкой левкоев,
бледное солнце осеннего вечера,
и слышу звуки далеких флейт.

Когда мне говорят: „Александрия“,
я вижу звезды над стихающим городом,
пьяных матросов в темных кварталах,
танцовщицу, пляшущую „осу“,
и слышу звук тамбурина и крики ссоры.

...Когда мне говорят: „Александрия“,
я вижу бледно-багровый закат над зеленым морем,
мохнатые мигающие звезды,
и светлые серые глаза под густыми бровями,
которые я вижу и тогда,
когда не говорят мне: „Александрия!“.

* * *

...Вечерний сумрак над теплым морем,
огни маяков на потемневшем небе,
запах вербены при конце пира,
свежее утро после долгих бдений,
прогулка в аллеях весеннего сада,
крики и смех купающихся женщин,
священные павлины у храма Юноны,
продавцы фиалок, гранат и лимонов,
воркуют голуби, светит солнце,
когда увижу тебя, родимый город!

М. Кузьмин. Александрийские песни.

ХРИСТИАНСКИЙ АСКЕТ В АЛЕКСАНДРИИ.

...Солнце уже встало с час, когда он увидел с вершины холма громадный город, крыши которого блестели в розовой дымке. Он остановился, скрестил руки, и сказал:

„Так вот то место, где я родился в грехе, вот тот серебристый воздух, где я вдыхал отравленные благовония, море, полное неги, где я слушал пение сирен. Вот колыбель моего тела, вот моя родина в мире. Цветущая колыбель, родина, прославленная людьми! О, Александрия, понятно, что дети твои обожают тебя, как мать. И я зачат был в твоих пышных недрах. Но аскет презирает природу, мистик не признает наружной красоты, христианин смотрит на свою человеческую родину, как на место изгнания, монах не принадлежит земле! Я отрешился от любви к тебе, Александрия. Я ненавижу тебя. Я ненавижу тебя за твое богатство, за твою ученость, за твою негу, за твою красоту. Будь проклят, храм диавола, нечестивое ложе язычников, зараженная кафедра ариан,— будь проклята!

Он вошел в город через ворота Солнца. Ворота эти были каменные и гордо возвышались над землей. Но под сенью их ютились несчастные: они предлагали проходящим лимоны и финики, или жалобно выпрашивали у них обол.

...Быстрыми шагами проходил он через город... Оставив влево роскошные портики храма Сераписа, он вошел в улицу, по обеим сторонам которой стояли богатые здания, казалось, дремавшие среди благоуханий. Сосны, клены, фисташковые деревья гордо поднимали свои вершины над красными карнизами и золотыми акротерами.

Через полуоткрытые двери можно было видеть бронзовые статуи в мраморных стенах и фонтаны, окруженные зеленью. Ничто не смущало покоя этих роскошных жилищ. Только издалека доносился звук флейты. Монах остановился перед небольшим, но очень пропорциональным в своих размерах домом; его поддерживали колонны, стройные, как молодые

девушки. Дом был украшен бронзовыми бюстами самых знаменитых философов Греции. Пафнутий узнал в них Платона, Сократа, Аристотеля, Эпикура и Зенона.

...Побродив таким образом некоторое время, он очутился на одной из набережных города.

Искусственная гавань давала убежище многочисленным кораблям с темными боками, а вдали в серебре и лазури улыбалось коварное море. Галера со статуей Нереиды на корме только что снялась с якоря. Гребцы ударяли веслами по волнам и пели. Белая дочь морей, покрытая водяными жемчужинами, показывала монаху только исчезающие уже очертания; направляемая кормчим, она пересекала узкий рукав, впадавший в бассейн Эвностоса, и вышла в открытое море, оставив за собой блестящую борозду.

...Перед ним вскоре предстал высокий портик театра, украшенный блестящими масками, и его величественные стены, увенчанные многочисленными статуями.

Следуя за толпой, они вошли в коридор, в конце которого виднелся амфитеатр, весь залитый светом. Они заняли места на одном из рядов уступов, спускавшихся лестницей к сцене. Сцена была роскошно убрана, но актеров еще не было. Занавес не скрывал сцены от зрителей, на ней виднелось возвышение в роде тех курганов, которые посвящались древними народами теням героев. Насыпь эта возвышалась среди воинского стана. Копья стояли связками перед шатрами, золотые щиты висели на шестах среди лавровых ветвей и дубовых венков. Там царили сон и молчание.

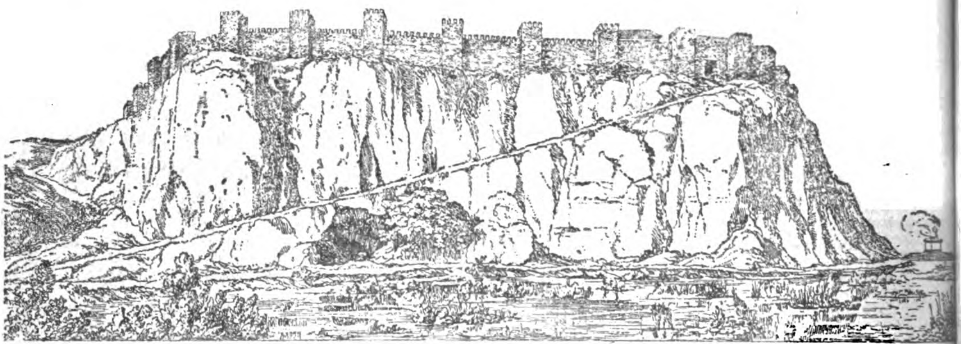
Но шум, похожий на жужжание пчел в улье, носился над амфитеатром, наполненном зрителями. На их лицах, казавшихся багровыми при отблеске мерно колыхавшейся пурпуровой ткани, натянутой над театром, читалось выражение любопытства и ожидания. Все они были обращены к обширному и безмолвному пространству, заполненному шатрами и курганом.

Женщины смеялись и ели лимоны, а завсегдатаи игр перекликались друг с другом с уступов амфитеатра.

А. Франс. „Таис“.

ОСНОВАНИЕ РИМА.

...Ромул и Рем пожелали основать город в тех местах, где были выброшены и воспитаны. К тому же был избыток в альбанском и латынском населении; к ним присоединились пастухи, а это все вместе естественно подавало надежду, что и Альба и Ливиний будут малы в сравнении с тем городом, который собирались основать. Но затем в этом деле сказалось вредное влияние дедовского зла — страсти к царской власти, следствием чего был позорный бой, воз-

Палатинский холм.

никший из-за довольно маловажного обстоятельства. Так как братья были близнецы и нельзя было решить дела на основании уважения к старшинству, то Ромул избирает Палатинский, а Рем — Авентинский холм для гадания [1]), чтобы боги, покровители тех мест, указали знамениями, кому дать имя новому городу и кому управлять им. Рассказывают, что знамение — 6 коршунов — явилось ранее Рему, и оно уже было возвещено, как Ромулу явилось двойное число; и вот того и другого окружающая толпа приветствовала царем: одни требовали царской власти для своего вождя, основываясь на времени

[1]) Авгур (здесь сам Ромул) ставит определенные вопросы, на которые боги должны ответить определенными же знамениями. Обычай вопрошать волю богов пред вступлением во власть или перед началом какого-либо важного предприятия остался и впоследствии. Коллегиальное устройство авгуры получили при царе Нуме.

появления птиц, другие—на числе их. Поднялась брань, а вызванное ею раздражение привело к резне, во время которой в толпе был убит Рем. Более распространено, однако, предание, что Рем, смеясь над братом, перепрыгнул через новые стены; разгневанный этим Ромул убил его, сказав: „так будет со всяким, кто перепрыгнет через мои стены“. Таким образом Ромул один завладел царством, а основанный город был назван именем основателя.

Прежде всего он укрепил Палатинский холм, на котором сам вырос.

Тит Ливий. Стр. 10 — 12.

Капитолийский холм.

ПРОРОЧЕСТВО О РИМЕ.

Вот, по его предсказанию, прославленный Город,
Власть над миром прострет и дух вознесет до Олимпа,
Сем холмов — один, для себя окружит он стеною,
Счастлив потомством мужей . . .
En huius, nate, aus piciis illa incluta Roma,
Imperium terris, animos aequabit Olimpo,
Septemque una sibi muro circumdabit arces,
Felix prole virum . . .

Римлянин, помни: тебе своей властью народами править,
(Вот искусства твои) для мира воспитывать нравы,
Побежденных щадить и укрощать непокорных.
Tu regere imperio populos Romane memento,
(Haec tibi erunt artes) pacique imponere morem,
Parcere subiectis et debellare superbos.

Вергилий. „Энеида“.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РИМА.

...До Неронова пожара Рим не был красивым городом, в новейшем значении этого слова. После пожара, бывшего во время нашествия Галлов, он был вновь обстроен без всякого плана и порядка. Кварталы были неправильны, улицы извилисты и узки, высокие дома стояли скученными массами и до войны с Пирром (470 г. до постр. Рима — 284 до нашей эры) гонтовые крыши одни оживляли мрачный вид города, который в сущности остался таким же и в последующее столетие. При дворе Филиппа Мэкедонского (174) неприязненная Риму партия издевалась над безобразием Итальянской столицы.

В последние годы республики (63), Рим, с своими плохими улицами, которые то поднимались на холмы, то спускались в долины, с своими высокими домами и узенькими переулками, не мог сравниться с широко раскинутой на ровном пространстве Капуею и производил впечатление возникшего случайно, а не заложенного по плану города. Только в течение тридцати пяти лет от смерти Суллы до смерти Цезаря (78 — 44 до нашей эры), Рим украсился множеством общественных зданий и частных построек, в которых полководцы, военачальники, гражданские чиновники и разные должностные лица выказывали свои огромные богатства, приобретенные завоеваниями на Востоке и Западе. В 44 году до нашей эры там было уже более ста дворцов; так что Цицерон имел основание назвать Рим красивым и богато украшенным городом, хотя, само собою разумеется (по мнению Плутарха), все римские здания, до императорского периода, не могли сравниться с афинскими времен Перикла; и Светоний был прав, говоря, что Август нашел Рим украшенным несоответственно с величием римского могущества.

При Августе римское зодчество достигло небывалой высоты, не столько от сознания безопасности, вследствие наступившего мира, возраставшего благополучия и прилива в Рим как народонаселения, так и капиталов, сколько потому, что сам император изо всех сил старался

придать Риму блеск и великолепие, сообразные с достоинством всемирной столицы, и превратить кирпичный город в каменный. Больше всего Рим украсился тогда общественными зданиями и памятниками: нет сомнения, что желание и воля монарха в значительной мере приохотили магнатов и капиталистов к частным постройкам, и что вследствие этого быстро один за другим, возникли в Риме великолепные частные дома и дворцы, которые отчасти затмили собою все прежние здания.

...Однако улицы при Августе остались, повидимому, нетронутыми и не подверглись почти никакому существенному изменению. Еще при Тиверии жаловались, что дома в Риме так высоки и улицы так тесны, что нет никакой возможности защититься от пожара или спастись с какой-либо стороны в случае, если где либо обрушится дом.

Пожар при Нероне (64 г. нашей эры достиг таких чудовищных размеров вследствие „узких и извилистых улиц и непомерного скучения домов". Этот пожар, начавшийся в годовщину галльского пожара (17 июля), свирепствовал шесть дней сряду. Из четырнадцати городских частей, три обратились в мусор и пепел, а от семи остальных уцелели немногие полуобожженные развалины. С этих пор возник совершенно новый Рим. Для большей безопасности от огня, дома на известную высоту строились из албанского и габинского камня, были менее высоки, чем прежние и снабжены просторными дворами; кварталы были разбиты по плану, улицы сделаны шире и прямее и замыкались арками.

Новая постройка, занявшая более двух третей города, не устранила, однако, всех прежних недостатков. По общему отзыву древних, дома и после пожара все еще были очень высоки. Ювенал говорит, что повсюду были такие высокие окна, которые одним своим видом причиняли головокружение. Аристид в своей похвальной речи Риму (в 160 г.) выражается так: „Подобно тому, как сильный человек подымает и несет на себе других людей, так Рим громоздит города над городами, воздвигая их над собою в высоте. Если бы их растянуть по земле, то все протяжение Италии в ширину, до

самого Адриатического моря, покрылось бы одним непрерывным городом". В сущности главная причина такого рода постройки заключалась в ограниченном пространстве и крайней дороговизне городской земли, при непомерной массе населения, которая еще долгое время побуждала надстраивать жилья над жильями в таком же размере, как и прежде. У древних было несколько иное мерило высоты домов, нежели у нас. Уже Август ограничил 70-ю римскими футами (около 65 русских футов) высоту домов с той стороны, которая выходила на улицу, а Нерон и затем Троян понизили ее приблизительно до 60 римск. фут. (около 55 русск. фут. Однако и в прежнее время, в самых высоких римских домах не могло быть более четырех этажей и разве кое-где мезонинов. Такие дома не показались бы теперь чересчур высокими по сравнению с теми, какие существуют в Париже.

...В Риме не было вовсе таких великолепных проспектов, пересекаемых под прямым углом широкими, красивыми, тянувшимися на целую милю улицам, какие были в Александрии и Антиохии. Архитектоническое впечатление улиц по новейшим понятиям нарушалось многими особенностями античного зодчества, как напр.: частые отклонения лицевой стороны дома от прямой линии, неправильно расположенные и уединенные окна верхних этажей, неравная высота различных частей одного и того же дома и в особенности непомерное количество всяких пристроек и выступов, которые, суживали всего чаще самые людные улицы. В нижних этажах вовсе не было дверей или окон, выходивших на улицу, и стена делалась совершенно глухая. Там, где вдоль лицевой стороны дома шли аркады, в них обыкновенно устраивались лавки, хотя собственно такие аркады были только на одних главных улицах. В остальных, — по обеим сторонам, устраивались таверны, лавки, лавочки, мастерские и питейные, которые выступали вперед на улицу, как в Помпее. Почти к каждому дому пристраивались с лицевой стороны лавочки, с каменными, приделанными к стене столами. При сильной давке на римских улицах пристройки эти до того увеличивали тесноту,

и представляли такие неудобства, что необходимость устранить этот недостаток становилась все более и более очевидною.

... Но при всех недостатках местоположения и улиц, Рим был все-таки городом, которому не было равного в целом свете. Он преимущественно производил поражающее впечатление громадной, вечно сменявшейся толпой отовсюду притекавшего населения, оглушительным шумом мировой ярмарки, великолепием, пышностью и множеством общественных зданий и неизмеримым растяжением города. С высоты Капитолия взор терялся в массе великолепных дворцов и памятников всякого рода, рассеянных по холмам и долинам на необозримом пространстве. Там, где теперь у Албанских гор тянется покрытая развалинами и известная лихорадками местность, была прежде здоровая и обработанная равнина, перерезанная кипящими жизнью улицами. Ни с одной стороны не видно было конца этому городу или каких-либо признаков, по которым бы можно было заключить, как далеко доходит он и где начинается загородная земля.

Далеко уходили в Кампанью разветвления города, поглощая одно за другим окрестные местечки и селения; предместья его терялись во множестве вновь возводимых пышных дач, храмов и монументов, которых мраморные вершины и куполы выглядывали из темной зелени рощ и садов.

Из общественных зданий, как по величине, так и по великолепию, затмевали все другие те, которые были на Марсовом поле. Страбон, описывая эту часть города, передает впечатление, какое производил оставленный здесь Августом мраморный город: „Широкая, окруженная с трех сторон устьем реки равнина, представляла необъятное пространство для колесниц и всадников и для бесчисленного множества народа, который стекался сюда для телесных упражнений. Вечно зеленеющий дерн, величественные здания и памятники, лабиринт колоннад, куполов и фронтонов, перерезанный рощами и аллеями, а вдали, за рекою, полукругом подымавшиеся холмы; — вот зрелище, с которым было трудно расстаться и перед которым весь остальной город казался чем-то второстепенным. Стоило только войти в город и взглянуть на расств-

лавшиеся одна подле другой и замкнутые колоннадами и храмами площади, на великолепно обстроенный Капитолий и на колоннаду Ливии, чтобы забыть все виденное в ином месте". Таков был Рим по описанию Страбона. Все, что утратилось от этого впечатления, во время пожаров при Нероне и Тите, было восстановлено и возобновлено еще с большею пышностью; и к прежним зданиям прибавились новые. В течение полстолетия, от Веспасиана до Адриана, Рим достиг своего наивысшего блеска, хотя при Антонинах и позже еще многое было сделано для его украшения.

...Но не одно только несравненное величие зданий и сооружений сделало Рим чудом из городов. Странствуя по его бесконечному пространству, можно было на каждом шагу встречаться с новыми зрелищами. Повсюду взор останавливался на произведениях древнего и нового искусства, которые в огромном количестве наполняли тогда весь Рим. Стены галлерей и храмов блистали яркою стенною живописью и картинами. И здесь, и в банях, и на улицах, и на площадях везде были расставлены бронзовые и мраморные статуи. В шестом столетии, когда частые бури и опустошения давно уже лишили Рим прежнего блеска, богатств и красоты, в городе было еще столько статуй, что казалось, что помимо населения живых людей, в стенах его существовало еще целое население статуй.

Повсюду массы построек прерывались садами и парками или были окружены ими; во всякое время года в Риме было обилие свежей зелени. К дворцам примыкали огромные сады, с великолепными старыми деревьями и множеством птиц, оглашавших воздух своим пением; на крышах и балконах росли благовонные цветы и кустарники. По окрестным холмам раскидывались бесчисленные императорские и частные сады. Многие из них были открыты для публики; сверх того привлекали гуляющих под свою сень лавровые и платановые аллеи на Марсовом поле. Во время Плиния в роскошной колоннаде Ливии доставляла густую тень огромная виноградная лоза, растянутая вдоль по шпалерам.

Но лучшим украшением Рима были его гидравлические сооружения. Горные источники, проведенные

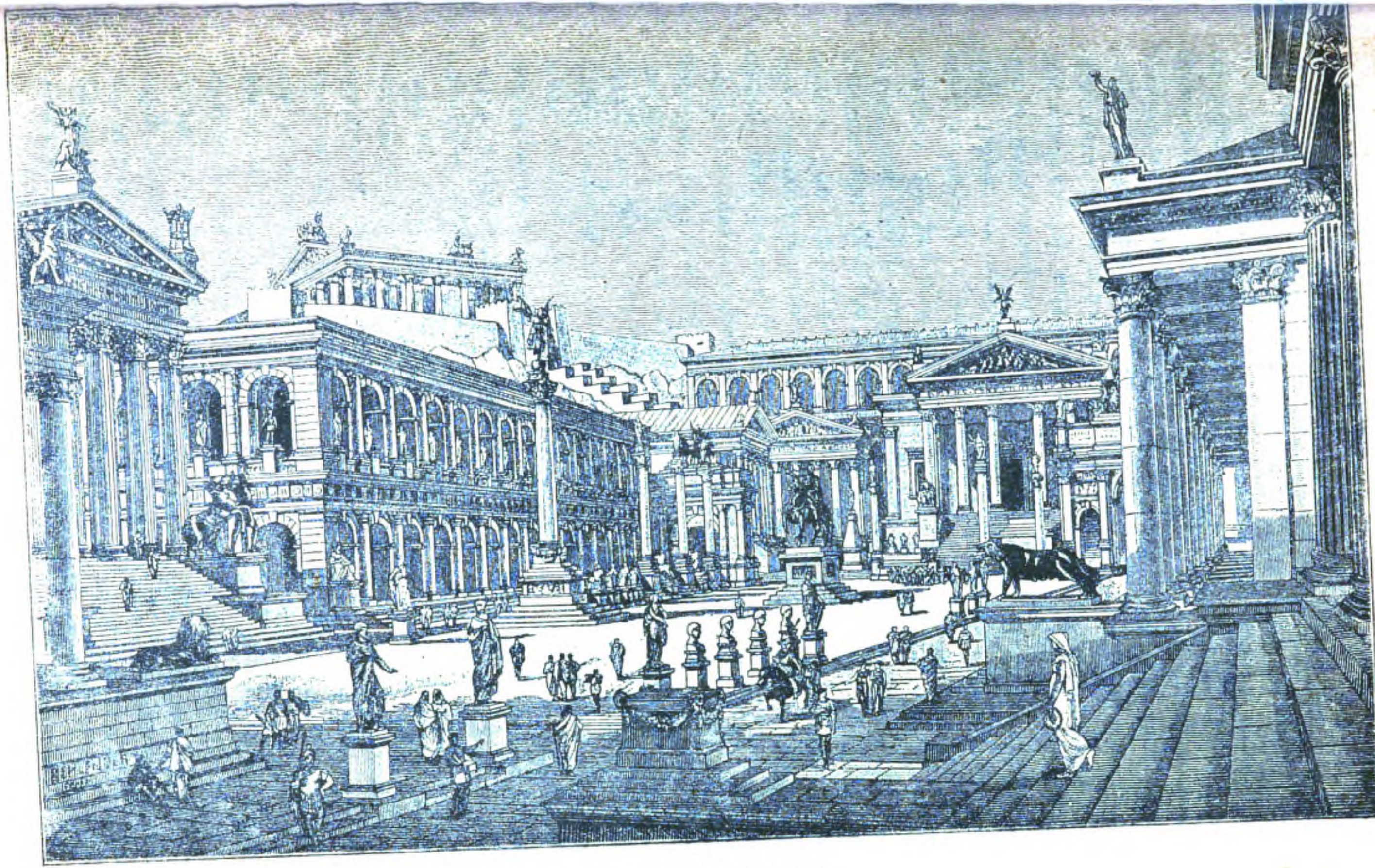
на целые мили в город подземными трубами или рядом громадных сводов, падали с шумом в искусственных пещерах, разливались в широкие, красиво украшенные водоемы и поднимались брызгами величественных фонтанов, которых прохлада освежала летний зной и очищала воздух.

Другое неистощимое зрелище представляла собою **римская всемирная торговля**: ряды, лавки и магазины с драгоценнейшими и редчайшими продуктами отдаленнейших стран, **с превосходнейшими произведениями промышленности, ремесел и искусств всех народов.**

В Риме можно было познакомиться с богатствами всего мира: „с испанскою шерстью и халдейским шелком, с изящными цветами, стеклами и тонким александрийским полотном, с вином и устрицами греческих островов, с альпийским сыром и черноморскими рыбами. В магазинах и рядах навалены были целебные зелья из Сицилии и Африки, арабские пряности и благовония, жемчуг Чермного моря и алмазы индийских копей, исполинские плиты пестрого мрамора и куски драгоценного дерева из Атласских гор“. К вам, Римляне — говорится в одной греческой похвальной речи Риму в половине второго века — из всех стран и морей приходит все, что производят все времена года, все пояса земные, все моря и реки, все, что выходит из рук эллинов и варваров. **Если бы кто захотел увидеть все это, тому пришлось бы объехать весь свет или побывать в вашем городе.** Летом и осенью приходит сюда отовсюду такое множество кораблей с грузом, что город становится похожим на всемирную ярмарку. Судя по тому количеству дерева, какое привозится сюда из Индии или Счастливой Аравии, можно думать, что в этих странах истреблены все деревья и жители принуждены ездить к вам за продуктами своих собственных произведений. Вавилонские одежды и узорочья из отдаленных стран Азии доставляются сюда в большом количестве и с меньшим трудом, чем произведения островов архипелага — в Афины. Одним словом, у вас есть все, что только может доставить торговля и мореплавание, дать земледелие и горный промысел, что могут произвести всевозможные искусства, и все, что родится и произрастает на земле.

В Риме на каждом шагу можно было чувствовать, что находишься в средоточии всемирного государства. Вся земля открывалась взорам, словно с высокой башни. Из отдаленнейших концов известного тогда мира беспрестанно разносились по улицам Рима новости, „которые долетали сюда как бы на крыльях птиц“: падал ли в Верхнем Египте дождь, было ли землетрясение в Малой Азии, возмущались ли на Рейне легионы или парфянский двор изменял свою политику относительно Рима — через несколько дней уже толковали об этом на Форуме, на Марсовом поле, на пиршествах и на разных сходбищах. Если где-нибудь открыто было неслыханное произведение природы, его тотчас доставляли императору и выставляли на публичное зрелище. Со всех сторон стекались в Рим художники показывать свое искусство и свои произведения и приобретать венцы на римских состязаниях. Поэты и ораторы, философы и ученые съезжались сюда читать публично свои сочинения. Способнейшие юноши всех стран, искавшие какой-либо деятельности, стремились из своего провинциального захолустья к блеску и свету всемирного города, представлявшего широкое поле для честолюбия, лучшие образовательные и учебные заведения и всякого рода развлечения и удовольствия. В залах и галлереях многочисленных библиотек любитель наук и литературы мог сколько угодно рыться в драгоценных пергаментах и свитках папируса, найти для себя поощрение и содействие в различных ученых собраниях и такие вспогательные средства для своих знаний, как ни в каком другом месте, и наконец, в многочисленных аудиториях слушать преподавателей по всем отраслям знания.

С особою пышностью и великолепием были устроены в Риме „термы“, куда самый последний мог ходить для развлечений, и где во всякое другое время года готовы были для тысяч посетителей всякого рода купанья: — от бассейна для плавающих до паровой бани, — всякого рода гимнастические упражнения и всякие развлечения и дессерты, и где все это было обставлено с истинно царским блеском. Но все диковины, какие только были в этом городе чудес меркли перед его зрелищами, театром, цирком, ареною: здесь только

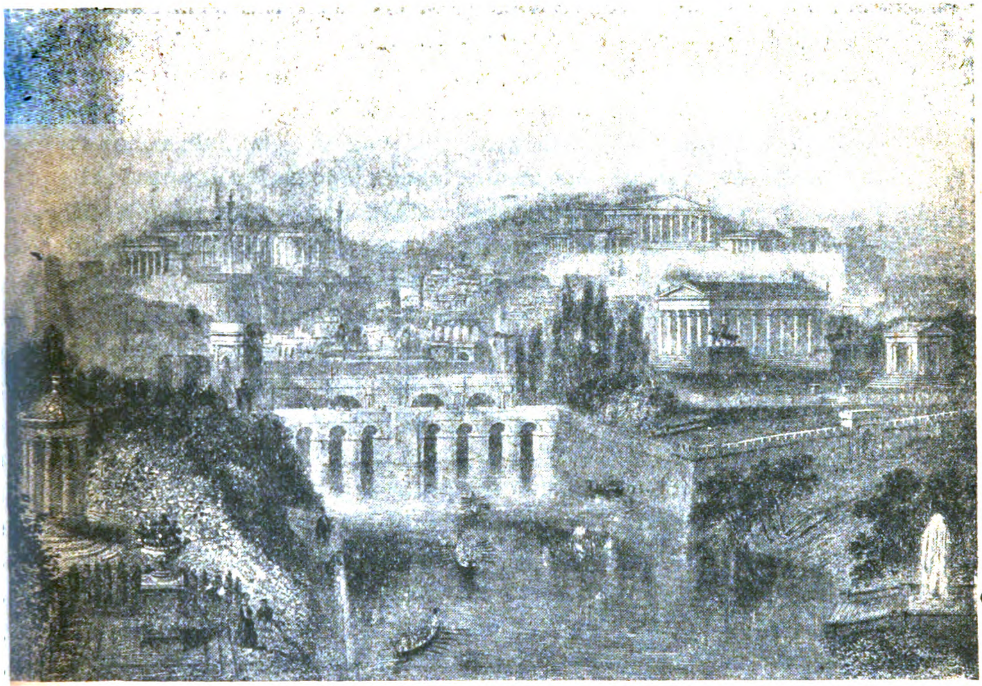
Римский форум.

обращалось в действительность то, что могла измыслить самая необузданная фантазия.

Более же всего поражало в Риме его народонаселение, этот рой людей, который беспрестанно с шумом проносится по улицам, подобно потоку падающей воды. Чем более Рим делается средоточием вселенной, тем более приливало туда народу всех наций. Уже Цицерон называет Рим городом „Соединенных народов". Наибольшее переселение массами из провинций началось с падением республики и шло с переменною, но не ослабевающею силою до самого Константина. Рим все более и более становился „всеобщим городом", „сборным местом всего света", „Всемирною гостиницею", а один греческий панегерист удачно назвал его „компендиумом целого мира". Беспрестанно прибывали и убывали чужеземцы; число их увеличивалось при всяком исключительном случае, например, при особенно больших зрелищах, но и во всякое время их было чрезвычайно много в городе, „щедро награждавшем как добродетель, так и пороки", представлявшем удобное поле действий для рыцарей счастья и всякого рода обманщиков и доставлявшем непреодолимую приманку всяким человеческим склонностям. Здесь слышались сотни разных наречий, видны были формы и цвета всех человеческих рас и одежды всех народов. Черные рабы проводили по улицам императорских слонов. В другом месте выступал отряд белокурых фламандцев из императорской гвардии, в блестящем вооружении. Здесь лысые египтяне в полотняных таларах несли в процессии большой истукан Изиды. Там молодой нубиец нес за греческим ученым книжные свитки. Сыновья восточных государей в высоких шапках и пестрых одеждах важно и молчаливо проходили в толпе с своею свитою, или татуированные дикари из Британии глазели на чудеса нового мира. Иногда всеобщее внимание привлекалось странною процессиею: то было посольство из какой-нибудь отдаленной, едва известной по имени варварской земли, с предложением покорности или союза от имени своего народа. Еще Август хвалился, что принимал бесчисленные посольства от таких народов, которые до этого не имели никаких сношений с римлянами. Таковы были, напр., посольства от Ютландских

Кимбров и Семнонов, от племени южнорусских степей и берегов Дона, из Мидии и Парфии, от черкесских и грузинских князей, от предводителей британских, из Феца в Африке и из отдаленной Индии. Одно из таких посольств, как говорили в Риме, четыре года пробыло в дороге.

Количество народонаселения в Риме может быть определено только приблизительно. Хотя оно и подвергалось разным

Берега Тибра в Риме.

колебаниям, но по всем данным оно постоянно увеличивалось в период от Августа до Трояна (за исключением того времени, когда в городе свирепствовала зараза или междоусобная война), до великой чумы, опустошившей Рим при Марке Аврелии и Коммоде. Вообще можно полагать, что оно колебалось в это время между одним и полутора миллионами, а иногда превышало последнюю цифру.

Рим представлял в таком изобилии всякие выгоды для жизни, приманки и зрелища, что в нем хорошо жилось как высшим, так и низшим слоям народонаселения. Огромное количество мужского свободного населения питалось или вполне, или отчасти на государственный счет, а люди богатые находили полный простор и возможность для царской жизни, как нигде на свете...

...Когда запирались на запор все дома, закрывались и стихали таверны, пустые, неосвещенные улицы были небезопасны для одинокого путника. Часто ночью можно было встретить носилки, на которых тащили тела бедняков на сожжение. Впрочем, в Риме во все времена было не совсем безопасно; воровства и грабежи были делом обычным. Плиний говорит, что окна, на которых в прежнее время простой люд разводил зелень и цветы (даже днем), закрывались ставнями по причине сильно распространившегося грабительства; по всему видно, что после междоусобной войны в 69 году в Риме стало еще хуже, разбойничьи нападения сделались вовсе не редкостью. Многим пришлось бояться кинжала подкупленного бандита; а бандиты накопились в Риме после того, как их притоны в Понтинских болотах и в бору на юг от Вольтурна были заняты солдатами. Бедняку угрожали еще и другие опасности, когда он возвращался домой один или в сопровождение одного какого-нибудь раба, освещавшего ему дорогу, и ему навстречу попадался знатный юноша, возвращавшийся с поздней пирушки с большою толпою слуг, несших перед ним факелы и фонари. Ночные безобразия были постоянным увеселением знатной молодежи: они нападали на прохожих, задерживали их, клали на разостланные плащи, били и наносили им всякого рода оскорбления. С крыш бросали черепицы, а из окошек верхнего этажа выливали помои и бросали и на улицу горшки, которые с треском разбивались о мостовую.

...Рим кроме того подвергался время от времени разным естественным бедствиям. Нередко были там землетрясения и очень часто наводнения. Тибр широко разливался в городе; — явление, которое повторилось в нынешние времена. Несмотря на непрестанные усилия остановить наводнение, желтые волны Тибра, насыщаемые проливными дождями и вздымаемые бу-

рями весною и осенью, выступали из берегов, достигая иногда возвышенных мест, разрушая деревянные мосты и уносили с собою людей и животных; целые части города по нескольку дней стояли под водою; из воды выглядывали только одни высокие дома и жителям отрезанных частей города доставляли жизненные припасы на лодках. Когда же река входила в свои берега, следовало разрушение подмытых зданий, болезни и голод.

Впрочем, Рим страдал голодом не от одних только наводнений... Постоянно повторяющаяся дороговизна в Риме как при хороших, так и при дурных правительствах показывает, что это было также одно из неизлечимых зол всемирного города.

Зародыши опустошительных болезней издавна гнездились в этом городе. Нездоровое положение Рима известно всему свету. Древнейшие обитатели этой местности воздвигали алтари гению лихорадки, которая во все времена была эпидимическою болезнью в Риме. При скученном населении болезни действовали самым разрушительным образом.

...Как во времена республики, так и при императорах Рим посещали сильные эпидемии, иногда быстро следовавшие одна за другою, которые похищали бесчисленные жертвы.

Л. Фридлендера. „Картины из истории римских нравов".

ТРИУМФАЛЬНЫЙ ВЪЕЗД В РИМ.

...В Риме Помпей уже заставил избрать консулом на 60 год своего генерала Луция Афрания, дав ему в коллеги Квинта Металла Целера, свояка Клодия, но он все еще откладывал свой триумф, чтобы дать время завоеванным сокровищам прибыть из Азии. К концу сентября все было готово, и 29 числа процессия медленно тронулась по Аппиевой дороге. Впереди несли две громадные таблицы с перечислением предприятий Помпея и указанием, что податями с новых провинций он поднял годовой доход республики с 50 до 80 миллионов драхм (приблизительно с 38 до 64 миллионов франков). За этими таблицами тянулась нескончаемая процессия колесниц, нагруженных доспехами, шлемами, носами кораблей

пиратов; потом мулы, обремененные золотом, которого завоеватель внес в казначейство до 60 миллионов; далее искусно расположенная чудная коллекция драгоценных камней Митридата; игральный стол из двух громадных драгоценных камней, три великолепных ложа, постель из массивного золота, подарок царя иверов; тридцать пять жемчужных повязок; девять огромных сосудов для украшения стола из золота с драгоценными камнями; три колоссальных золотых статуи Минервы, Марса и Аполлона; небольшой храмик муз, украшенный жемчугом и увенчанный часами; постель, на которой спал Дарий, сын Гистаспа; трон и скипетр Митридата; его серебряная статуя, его колоссальный бюст из золота; серебряная статуя Фарнака; бюст Помпея, украшенный драгоценными камнями работы искусного восточного художника; удивительные тропические растения, в том числе черное дерево. Целые часы двигалась процессия из чудесных сокровищ последнего эллинистического монарха Азии по узким улицам Рима перед глазами бесчисленной шумящей толпы, терпеливо переносившей солнце, пыль, тесноту, долгие перерывы длинного кортежа, не утомлявшейся зрелищем все новых предметов, ожидавшей все более удивительных и приветствовавшей восклицаниями, криками и аплодисментами вещи наиболее странные или удивительные. Особенно блестели глаза женщин при виде такого количества столь блестящих и столь больших драгоценных камней.

На следующий день, день рождения Помпея, вели живую добычу: сперва длинные вереницы пленных всех стран от пиратов до арабов и евреев, все на свободе и без цепей; это была живописная этнографическая картина, представлявшая неисчислимое разнообразие народов, над которым Рим распространил свою власть. Потом шла толпа князей и заложников, два знаменитых вождя пиратов, сын Тиграна, который, поссорившись с Помпеем, возмутился и был лишен Софены, семь сыновей Митридата, Аристовул с сыном и двумя дочерями, многочисленные иверские и албанские вожди; далее большие картины, изображавшие важные моменты экспедиции, например, бегство Тиграна или смерть Митридата; потом странные идолы варваров. Наконец, ехал триумфатор на укра-

шенной жемчугом колеснице; он был одет в тунику, по преданию носившуюся Александром Великим; его сопровождала блестящая свита конных и пеших легатов и трибунов. Однако, наиболее удивительной вещью, возвысившей гордость италийцев и заставившей их считать себя первой из всех наций было то, что по окончании процессии триумфатор, раздвинувший, по его словам, границы империи до конца мира, снял костюм Александра и скромно вернулся в качестве простого гражданина в отцовский дом.

Г. Ферреро. „Величие и падение Рима".

ПРОЩАНИЕ ИЗГНАННИКА С РИМОМ.

...Как начнет возникать печальнейший образ той ночи,
Что последним моим сроком в столице была,
Как представляю я ночь, в коей милого столько оставил,
То и поныне из глаз слезы текут у меня.
...Уже умолкли людей и собак голоса, и ночными
Управляла в выси неба конями луна.
На нее посмотрев и затем Капитолий увидя,
Что вотще к моему дому так близко стоял:
„Божества", я воззвал, „живущие в зданиях соседних,
Храмы которых моим глазам век не видать,
Боги, мне вас покидать, которых высокий Квирина
Город хранит, навсегда мой воспримите привет".

ВОСПОМИНАНИЕ О РИМЕ ИЗ ССЫЛКИ

...Живо веди! я пойду, хотя по земле и по морю
Из отдаленной страны ноги устало несу [1]).
Внял он мольбе и ведя „вот Форум Цезаря", молвил:
„Это вот путь, что свое имя ведет от святынь [2]),
Вот храм Весты, огонь и Палладиум вместе хранящий,
Здесь дворец небольшой Нумы старинного был".
Тут направо свернув, он сказал: „вот вход Палатина,
Это вот Статор, вот тут Рим был основан сперва".
По одиночке дивясь, я вижу в блестящем оружьи
Диво на вид косяки с домом достойным богов.
„Это Зевеса ведь дом? я сказала и чтобы решила
Так, — подсказывал то смыслу дубовый венок.

---

[1]) Овидий посылает свою книгу в Рим; отрывок изображает ее странствование по городу.

[2]) Via Sacra на Форуме.

Про господина узнав, „не ошиблася я", я сказала,
„И Юпитера впрямь это великого дом.
Двери однако зачем прилегающим лавром закрыты,
И вкруг священных волос дерева сумрак зачем?
Иль потому, что сей дом заслужил навеки триумфы,
Или что он навсегда богом Левкадским любим,
То ль, что он праздничен сам, иль что праздник всему сообщает?
Иль это мира залог, что он дарует земле?
...С равным влеченьем отголь возносясь по высоким ступеням
Длиинноволосого в храм бога пресветлый взойду [1]),
Где в перемежку среди колонн иноземных Белиды
В ликах стоят и отец изверг с мечем наголо.
И туда, где мужей ученых и древних и новых
Произведенья ума вскрыты для чтенья лежат [2]).
Я о сестрах своих спросила, конечно помимо
Тех, которых отец не порождать был бы рад [3]).
Я вопрошала вотще, и страж над местом священным
Определенный велел из дому мне уходить.
К храму другому иду в связи с соседним театром:
Но и этот моим был недоступен стопам.

А. Фета. „Скорби".

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ГОРОДА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

а) Порт в Италии (Пиза).

Искушения, бесконечно разнообразный мир под солнцем — все это воплощалось для него в древнем городе Пизе, в стенах которого он и был теперь почти уже взрослым школьником... Этот пришедший летами уже в запустение город еще славившийся, впрочем, своей морской торговлей и модами в купальный сезон, дарил ему: то воспоминание о стройных мраморных улицах, то вид торжественный линии темных гор луны на горизонте, то лица встреченных мужчин и женщин и из этих впечатлений слагалось в нем самое понятие о мире...

...Не раз мальчиком он блуждал мысленно по этим улицам старого города, видя перед собой алтари на перекрестках,

[1]) Храм Аполлона на Палатине, построенный Августом.
Библиотека.
[3]) Намек на книги Овидия, из-за которых он был сослан Августом.

ограды садов, внезапный блеск моря ва горизонте. Он вспоминал большой храм, как видел его однажды с поворота дороги, ведущей к нам на виллу, с его высокими серыми колоннами между голубой бухтой и голубыми полями цветущего льна; он вспоминал гавань и ее огни, чужеземные корабли, стоящие в ней, в матроский храмик Венеры с ее позолоченным изображением, увешанным дарственными вещами; он вспоминал самих моряков, их женщин и детей, весь их особенный и пестрый мир, соединившийся для него с ощущением силы, с чувством неведомых далей, опасностей бури и возможностей гибели.

Уольтер Патер. „Воображаемые портреты".

б) В Галлии V века—Бурдигала (Бордо).

Давно я упрекаю себя за нечестивое молчание, о моя родина! Тебя, славную винами, реками, мужами, добродетелями и умом твоих граждан, твоим благородным сенатом, тебя не воспел я среди первых, как будто бы зная ничтожество своего города, я колебался славить его незаслуженной хвалой!

Но не это удерживало меня, ибо я обитаю не на варварских берегах Рейна или ледяных Балканах. Бурдигала — моя родная земля, Бурдигала, где небо мягко и благостно, где велика щедрость орошенной земли, где весна долгая, короткие зимы, и холмы всегда одеты зеленью. Река ее бурлит, подражая морскому прибою. Ее квадратные стены поднимают так высоко свои гордые башни, что их вершины пронзают облака. Ты подивился бы отдельным улицам, расположением домов, обширности площадей, достойных этого названия; далее ворота, соответствующие скрещению улиц, а среди города ложе реки, питаемой ключами; когда отец Океан наполняет ее своими волнами, видишь целое море со всем флотом, входящее в нее.

А наш источник, облицованный паросским мрамором, бурливый, как Эврип! Какая темная глубина! Как он вздымает свои волны! Какие широкие и стремительные потоки вырываются из 12 отверстий, проделанных в облицовке, пленившей его течение; он неисчерпаем на бесчисленные потребности

народа. Его пожелал бы ты, мидийский царь, встретить у твоего лагеря, когда высохшие реки тебе изменили, и его воды носил бы в своих странствованиях по чужим городам, ты, носящий с собой повсюду лишь воды Хоаспа.

Привет тебе поток с неведомым истоком, святой, благодетельный, вечный, прозрачный, лазурный, глубокий, рокочущий, чистый, тенистый! Привет тебе, гений города, который изливает нам этот целительный напиток, Дивона на языке кельтов называемый, источник посвященный божеству! Апон не дает чище и лучше питья, Немаус более прозрачного, Тимав не обильней потоком своих вод!

Да завершит этот последний труд круг знаменитых городов. Как славный Рим, начиная этот цикл возглавляет его, так Бурдигала, заканчивая его с другой стороны, увенчивает его второй главой [1]). Это моя родина, но Рим стоит над всеми родинами. Бурдигалу я люблю, Рим почитаю. Гражданин одного, консул я в обоих. Здесь моя колыбель, там курульное кресло.

Авзоний. „Прославленные города" [1]).

ЗОЛОТОЙ РИМ.

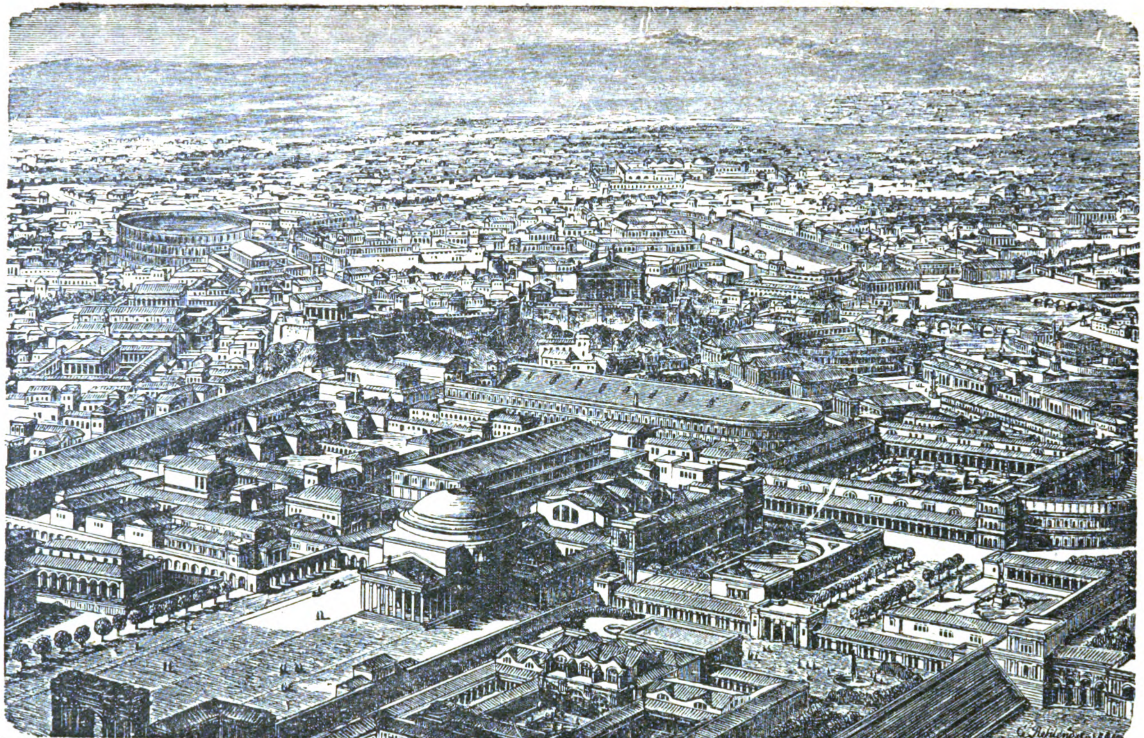
Prima urbes inter divum domus aurea Roma. О, Рим золотой, обитель богов меж градами первый.

Авзоний. „Прославленные города".

ЗАКАТ РИМА.

...Император Констанций в сопровождении персидского князя Гормиздаса посетил Рим. „Глядя, — так говорит Аммиан, — на город, раскинувшийся между вершинами 7 холмов, по их склонам и в долинах и на его окрестности, император решил, что зрелище, которое предстало перед ним впервые, превосходит все, что раньше он видел: храмы Тарпейского Юпитера, которые, казалось, возносились также высоко, как божественное над земным; термы, подобные целым

[1]) Поэт IV века. Автор „Прославленных городов". Описание городов начинается Римом, кончается Бурдигалой. Есть стихи, посвященные Афинам, Антиохии, Карфагену.

Общий вид Рима.

провинциям; сложенная из тибуртинского камня (травертин) громада амфитеатра, вершины которого едва достигал человеческий глаз; Пантеон, также круглое здание, с его воздушным, высоким и красивым, как небесный свод, куполом; отлого подымавшаяся лестница и поставленные на ней колонны с изображениями прежних императоров; храм города; форум Мира; театр Помпея и еще другие красоты вечного Рима. Но, когда император достиг площади Траяна, этого, как мы полагаем, единственного в своем роде сооружения на земле, перед которым даже боги не могли бы не придти в изумление, — он остановился, как пораженный громом, в созерцании этих величественных сооружений; они не могут быть описаны словом и ничего подобного им смертный не может больше создать. Отказавшись от всякой надежды создать что-либо похожее, император сказал, что он хочет и надеется воспроизвести только лошадь Траяна, на которой этот государь сидел посреди атриума. Стоявший рядом с императором князь Гормиздас тонко заметил: „Прикажи, о государь, раньше построить для лошади подходящее стойло; конь, которого ты думаешь воздвигнуть, должен быть в таком же роскошном месте, как здесь“. На вопрос, что думает он о Риме, князь отвечал, что ему не нравится только одно, что и здесь люди смертны.

Аммиан Марцелин. „История“.

ПРОВИНЦИАЛ В РИМЕ В ЭПОХУ УПАДКА.

...В тот день в первый раз видел я Рим при дневном свете.

...Город решительно разочаровал меня. Улицы мне показались узкими и грязными, дома безобразными и старыми, а толпа не нарядной: в ней, правда, попадались представители всех стран, не только жители Эфиопии и германцы, но даже персы, сарматы и индийцы, однако, по большей части то были ремесленники, торговцы мелким товаром или просто нищие, которые толкались, кричали на разных языках и в общем производили такое впечатление, что хотелось куда-нибудь от них укрыться. После безмолвных улиц нашей священной Лак-

торы эта уличная давка была мне нестерпима. Под аркадами везде были лавки и таберны, лежали груды сушеной рыбы, овощей, плодов, и запах от всего этого был в общем крайне неприятен. Порой по улице стремглав пролетала колесница с каким-нибудь важным лицом, давя народ, а за ней бежала толпа рабов, словно шайка разбойников; или, напротив, дюжие рабы, крича еще сильнее, бегом налетали на людей, расталкивали их и разгоняли палками, чтобы дать дорогу позолоченным носилкам, в которых лежала какая-нибудь знаменитая римская гетера, а за носилками, припрыгивая, бежали отвратительные евнухи.

Когда я выбрался на форумы, там мне показалось несколько легче, и я уже мог наслаждаться видом старинных храмов, великолепных колонн, гордых статуй и пышных триумфальных арок, вещающих о славном прошлом Рима; стоя на старом форуме близ дома таинственных весталок, я должен был признать, что единственное в мире зрелище представляет это сочетание бессчетных великолепных зданий, колонн, арок, статуй, блеска мрамора, меди, золота, и вид на великолепный храм отца богов, сверкающий золотой кровлей и золотыми вратами, что царит на высоте, упираясь в незыблемую скалу. Но я не мог не заметить, что многие здания, даже те, что всего столетие назад возобновлены были при Диоклециане, уже пришли в упадок, что мрамор многих стен потемнел, что ступени лестниц были обтерты и обломаны, что везде была грязь и нечистота и что всюду на роскоши строений, словно пятна на теле больного, виднелись нищие в грязных лохмотьях. Лавки вокруг форумов были заняты более благородными товарами и здесь были выложены на прилавки и висели над нами то золото и драгоценные камни, то дорогие материи, то серебряные кубки, то шитые золотом пояса и ленты, то красивые плоды, то груды цветов. Но и в форуме толкалась почти та же толпа, как на удаленных улицах, и редко приходилось встретить щеголя в цветном плаще, застегнутом у шеи и прихваченном у пояса, ловко распахивающего полы, чтобы обнаружить тунику, вышитую изображениями разных зверей, или важного сановника в плаще, тоже шитом золотом, тяжелом и неудобном, сопровождаемого

толпой друзей. Я вспомнил слова Персидского царевича, сказанные императору Констанцию, будто в Риме лишь одно ему не нравится: что и здесь люди смертны, — и думал, что царевич требовал от жизни не слишком многого.

Валерий Брюсов. „Алтарь победы“.

DESTRUCTIO ROMAE [1]).

...Рим был обращен в пепел при герцоге Бренне, затем он оплакивал свой пожар при Аларихе и младшем сыне короля Галаона Британского. Он печаловался о ежедневном уничтожении своих развалин. Как обессиленный старец, он едва может держаться прямо, опираясь на чужой посох. Старость его ни за что не заслуживает почтения, кроме мусорных куч античных камней и покрытых развалинами следов прошлого. Святой Бенедикт, епископ Канузии, сказал, когда Рим был разрушен Тотилой: Рим не будет уничтожен народами, но будет потрясен бурями, молниями, ураганами и землетрясениями и истлеет сам собой.

Mirabilia, XIII s.

---

[1]) Термин, утвердившийся в историографии. Его смысл: постепенное разрушение Рима.

ЧАСТЬ II.

Эпоха возрождения городов в Европе XII — XVI вв. (на торговых путях между Средиземно-морским бассейном и морями Севера).

А. Города Италии.

ФЕОДАЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕГО РИМА.

...Рим был погружен в развалины. Никакое общественное учреждение не наблюдало за сохранностью памятников. Землетрясения, наводнения, городские войны, постройка феодальных башен, реставрация церквей, нужда в мраморе для мраморщиков, спрос на него со стороны чужестранных покупателей, — все это вело к разрушению памятников, и мусор все глубже и глубже покрывал древний город. В подземной глубине потонули как бы действием благодетельного волшебства многие произведения искусства. Они были изъяты от современников, которые на их могилах продолжали свою дикую борьбу, и вновь появились на свет лишь в позднейшее время, как свидетели классического прошлого.

...Рельеф города в 13 столетии представил бы нам самую удивительную картину. Рим того времени был похож на обширное, обнесенное покрытыми мохом стенами поле, с холмами и долинами, с пустыми и застроенными земельными участками, из которых выдавались темные башни или замки, серые разрушающиеся базилики и монастыри, окруженные растительностью, монументы колоссальной величины, разрушенные водопроводы, ряд колонн от храмов и отдельные колонны, триумфальные арки с надстроенными на них башнями. Между развалинами тянулись в виде запутанной сети узкие улицы, прерываемые грудами мусора, и желтый Тибр меланхолически протекал по наполненной раз-

валинами пустыне, под кое-где обвалившимися каменными мостами. Кругом древних стен Аврелиана, с внутренней стороны, находились пространства, или под пустырями, или под земледельческой обработкой, равные по величине целым поместьям, с выдающимися развалинами; виноградники и огороды были разбросаны, как оазисы, по всему городу, даже в центральной части нынешнего Рима, около Пантеона, храма Минервы и до Порто дель Пополо. Спуск от Капитолия к форуму, на мусоре которого стояли башни, был покрыт виноградниками, точно так же, как и Палатин. Термы, цирк — заросли травой, а кое-где были совсем заболочены. Всюду, куда только проникал взгляд, видны были мрачные укрепленные башни с зубцами, выстроенные из древних памятников, зубчатые укрепления самой оригинальной формы, построенные из наскоро сложенных из мрамора, кирпича и кусков пеперина, замки и дворцы гвельфской или гибелинской аристократии, которая сидела на классических холмах, среди развалин, опьяненная взаимной враждой, как будто Рим был не городом, а земельным участком, оспариваемым посредством ежедневной войны. В то время в Риме не было человека благородного происхождения, который не владел бы башней. В актах того времени встречаются иногда владения римлян в самом городе, называемые: „башни, дворцы, дома и развалины". Отдельные роды жили в мрачных, огражденных тяжелыми цепями жилищах, среди развалин, со своей родней и служителями и от времени до времени выходили оттуда с диким громом оружия, чтобы воевать со своими наследственными врагами.

...Обе эти башни (Конти и Милиции) суть монументы римского средневековья, подобно тому как колонны императоров Траяна и Антонина суть монументы римской империи, замечательные образцы, находящиеся в городе, которые явственнее, чем история, выражают собою неукротимую силу того века. Когда они стояли в законченном виде в недалеком расстоянии одна от другой, то должны были производить сильное впечатление. Они возвышались над всем Римом и были видны уже за несколько миль от него, как теперь купол св. Петра. Эти башни-ко-

лоссы дают самое ясное понятие о сущности римского характера, который остался и в средние века таким же, каким он был в древности. Здесь не видно ни понимания формы, ни чувства, оживляющего массы, как у тосканцев, но одна лишь **мрачная и величественная сила**. Римляне брали свои образцы из развалин творений предков; они хотели создать колоссы, которые могли бы соперничать с древними, и две башни с крутыми и голыми стенами поднялись над Римом, как циклопические постройки.

Грегоровиус. „История города Рима в средние века"

„ДОСТОИНСТВА ГОРОДА МИЛАНА".

...Среди провинций всего мира Ломбардию, с ее местоположением, с многочисленностью ее поселений и обитателей, с красотою и плодородностью ее равнины, всеобщая молва, широко разнося ее славу, восхваляет, превозносит, прославляет... Среди же городов Ломбардии прославляет она Медиолан [1]) подобный розе или лилии среди цветов, Кедру в Ливане, льву между четвероногими и между крылатыми — орлу... и перед ним всяческий язык единогласно выражает восхищение. И не удивительно, ибо он превосходит все города...

...Наш цветущий город замечателен своим местоположением, ибо он расположен в прекрасной, богатой и цветущей равнине, где умеренность климата в изобилии приносит необходимое для потребностей человека; известно, что славный город отстоит на равном расстоянии от двух достойных удивления рек Тициана и Абды; и не случайно присвоил он себе имя Медиолана, находясь как бы посреди блюда [2]) между рек. Говорят, однако (что удивительно), будто бы он получил имя Медиолана оттого, что там нашли свинью, покрытую щетиной [3]) посередине спины. В старину этот город назывался также Альба [4]), ибо отличался ослепительной белизной. Цвет менее

[1]) Совр. Милан.

[2]) От двух слов medius — средний, lanx — блюдо, собств. чаша для весов.

[3]) Lanatus — обильный шерстью.

[4]) Alba — белая.

всех обладающий пороками — затмевал другие города своим блеском. Согласно истории Ломбардии, рассказывают, что впервые он был выстроен галлами; откуда и дали этой области название „Цизальпинской Галлии“.

Бывали ли тогда там болота или загнившие озера, заражающие воздух своими миазмами и туманами? — Нет, конечно! — Напротив, там протекают прозрачные источники и плодоносные реки. Расположенный как раз посредине между солнечным зноем и плоской горной долиной, он обладает здоровым умеренным климатом. Потому там и в зимнее время нет нестерпимых холодов и летом не слишком свирепствует жара. Не в соседстве этот город и с берегом моря, где в летнее время стоит страшная жара от девятого часа дня почти вплоть до полуночи; вслед за тем до третьего часа дня терпят вредный для здоровья жесткий холод того же морского воздуха...

...Нет в городе ни водоемов, ни водопроводов, берущих воду издалека, но текучие природные воды, чудесные как питье для человеческого употребления, прозрачные, здоровые, быстрые, не убывающие от жары ни в какое время года, изобилуют там в таком количестве, что почти в каждом добром доме имеется источник, который называется „колодец проточной воды“.

...Его земля, как известно, порождает изобилие хлеба, вина, овощей, плодов, деревьев, сена и других благ. Ибо он удивительно расположен в отношении воздуха, в отношении воды, в отношении плодородия и красоты равнины. Тому славным свидетельством служит то, что встречается там великое множество многолетних стариков и старух, живущих до глубокой старости; а вследствие обильных рождений, по милости божьей, удивительным образом, увеличивается еще изо дня в день многочисленность населения и изобилие всяческих благ...

...Дома, выходящие своими дверями и воротами на общие улицы, насчитываются приблизительно в числе двенадцати тысяч пятисот, и в их числе весьма много таких, в которых обитает множество семей с многочисленными домочадцами — в чем проявляется удивительное изобилие граждан...

Кровли общие с соседями по улице, называемые в просторечие „copertã“, едва достигают числа 60.

Коммунальная курия, как и подобает такому великому городу, занимает пространство в десять пертин или около того. Для некоторых же может быть будет понятнее, если сказать, что она измеряется с востока на запад ста тридцатью и с севера на юг ста тридцатью шестью локтями. Посредине находится великолепный дворец; в самой же курии возвышается еще и башня, в которой помещаются четыре коммунальных колокола. В восточной ее части расположен дворец, в котором живут правитель [1]) и судьи, а в конце его со стороны севера находится капелла правителя, построенная в честь нашего покровителя, блаженного Амвросия. К нему примыкает с севера другой дворец; и подобным же образом с запада. Со стороны же юга расположен атриум, где публично оглашаются приговоры судей...

Сам город в своей окружности подобен кругу и его удивительная круглота знак совершенства.

Главные ворота города также весьма крепки; число их достигает шести. Второстепенных же десять; их называют „pusterle“ [2]) и в них во всех можно видеть удивительное основание достойной удивления стены. Главные же ворота имеют каждые по две башни, которые (хотя и неоконченные) своими крепчайшими подножьями также упираются в крепчайшие основания...

Храмов святых, подобающих столь великому городу, там около двухсот с четырьмя стами восемьюдесятью алтарями.

Итак, уже из сказанного обнаруживаются природные добрые качества медиоланцев. Но что же можно сказать об великом числе остальных жителей Медиолана и графства? — Молчание! Кто может это постичь, да постигнет! Но да простится мне то, о чем я все же не умалчиваю: ибо, как я уже давно исследовал и как многие тоже с уверенностью утверждают, больше семисот тысяч ртов людей обоего пола, оби-

[1]) podestá.

[2]) pusterle слово не латинское, означает „запасные“ или „задние“ ворота (porta posterior).

тающих в пределах Амбросиевой земли, считая младенцев и стариков, из рук господа, — и удивительно откуда! — ежедневно получают Амбросиеву пищу.

Сколько же человеческих ртов населяет столь великий город, пусть сосчитает кто умеет! И если он сможет это хорошо сделать, то дойдет до числа 200.000, в чем я твердо уверен; раз уже считается известным и серьезно и тщательно исследованным, что каждый день, ровным счетом, потребляется в городе 1200 или более модиев одной только муки. И правильность этого подтверждают те, которые взимают с мельников налог молотым зерном...

...Рождаются также на нашей плодородной земле, при обильном урожае, различного рода хлеба, пшеница, рожь, просо.... и разного рода овощи, годные для варки и отличные для питания: бобы, горох, фасоль, горошек, чечевица в таком большом и достойном удивления количестве, что все это распределенное по различным местам не только пополняет недостаток в пропитании Куманского города, но даже переправляется за Альпы и доставляет поддержку трансальпинским народам. И почему бы нет; раз это уже основательно исследовано многими, то кто же осмелился бы сказать, что обманут собственным рассудком в том отношении, что наша земля возделывается более чем тридцатью тысячами пар быков? Произрастает также в наших полях бесконечное и невероятное обилие льна, приносящее в зимнее время не малую пользу богатым и бедным...

...В зеленеющих фруктовых садах, также в огородах, в полях и виноградниках весьма часто, в изобилии собираются лучшие плоды чуть ли не всех родов деревьев, услаждающих человека своим отличным вкусом...

...Луга же, орошаемые плодоносными реками и бесчисленными источниками ключевой воды, доставляют как будто в нескончаемом изобилии сено для быков, лошадей, ослов овец и других животных и скота... Один только монастырь de Carvalle, как мне передавали тамошние монахи, собирает на собственных лугах больше трех тысяч возов сена в год. Однако, вот что покажется еще более удивительным — но так как такова истина по убеждению тех, которые утверждают,

что дело обстоит именно так — я говорю спокойно: столько лугов имеется в Медиоланском графстве, что они доставляют нам ежегодно более двухсот тысяч возов сена! Сеном, о котором здесь говорится, — питаются: быки, овцы, козы, лошади, мулы и ослы — но не люди и не собаки. Итак, кто же сможет счесть бесконечное количество скота? К тому же он питается не одним только сеном, о котором шла речь, но выводится на пастбища, чтобы пастись среди травы и листвы. В стойлах он также подкармливается свежей травой, соломой, репой, овсом и многим другим. И потому деревни богато одаряют и охотно пополняют городские столы откормленным скотом, также молоком, яйцами, медом и многими другими благами. Народная пряжа также являет изобилие, ибо тонко выпряденная шерсть получается из других мест...

... Многочисленные виноградники доставляют целительные, отличные на вкус, прозрачные вина различных родов, как сладких, так и крепких; белого, лимонного, розового и золотистого цвета; и в таком количестве, что в некоторых хозяйствах с собственных виноградников, во время сбора, каждый год собирают более тысячи телег винограда, в других же более пятисот, в иных более сотни. И может показаться удивительным, когда я скажу, что в Медиоланском графстве в некоторые урожайные годы укладывают под прессы более семисот тысяч телег винограда, согласно с утверждениями тех, которые, как говорят, исследовали истину, тщательно проверив расчет. Я не сомневаюсь, что существует много городов, в которых лозы могут приносить только такое вино, от которого пьянеют лишь наши комары, но уж не приносят того винограда, из которого выжимается наше вино.

Притекают к городу как будто к стоку всяческих мирских благ, хлеб и вино и доброе на вкус всякого рода мясо животных. И следует отметить, что как это я с некоторыми мясниками тщательно расследовал — считая те дни когда христианам можно есть мясо, ежедневно, одних только быков закалывают в городе около семидесяти. Сколько же свиней, овец, баранов, ягнят и других родов четвероногих как лесных, так и домашних убивается мясниками, то пусть мне прежде кто-нибудь скажет число листьев и трав, тогда и я, думаю,

смогу ему на это ответить. Притекает в изобилии и мясо двуногих лесных и домашних: каплунов, куриц, гусей, уток, павлинов, голубей, фазанов, орников, горлиц, винноягодниц, жаворонков, куропаток, перепелок и других птиц, удовлетворяющих потребностям человеческого аппетита...

...Кроме того всякого рода рыба, которую порождают для нас в нашем графстве озера и реки, а именно: „Большое озеро“ [1]) со многими вытекающими из него реками, все они с их реками расположены в нашем графстве и приносят рыбу, обогащая ею наши великопостные трапезы...

Когда собирается всеобщее ополчение, колесница, называемая в просторечии carrocerum, являет публично взорам людей удивительное зрелище: ее, покрытую со всех сторон красным и подобающим образом изукрашенную, везут три пары быков удивительной величины и силы накрытых, как подобает, белыми покрывалами отмеченными розовым крепом. На ней самой, по середине водружен прекраснейший ствол удивительной высоты и прямоты и по весу равный четырем мужчинам; на вершине его высится золотой крест изумительной позолоты. Сверху же самого ствола ниспадает свободно развивающееся знамя достойной удивления величины и белизны с розовым крестом, весьма красиво разграничивающим, по окраинам, его четыре стороны. Сам ствол поддерживают стоймя, при помощи шестов множество людей со всех сторон. Магистра же carrocerum'а, человека весьма уважаемого (его роду специально принадлежит эта почетная должность) снабжают таким образом: как часто ни вывозили бы против врагов carrocerum, ему неизменно подносится нашей республикой панцырь и великолепный меч. Затем за каждый день, что он проводит при ней в войске, ему выплачивается восемь солидов нашею монетою. С содержанием на счет республики также выбирается и капеллан, дабы ежедневно вблизи колесницы им совершалось Богослужение...

В отношении военной доблести достоинства (Медиолана) станут очевидны; ибо согласно с тем, что мы об этом читаем с того времени как этот город был основан галлами — именно

---

[1]) Lago Magiore.

в пятьсот втором году до Рождества Господа нашего Иисуса Христа и двухсотом году по основании города Рима — его самого часто разрушали и завоевывали при помощи силы, хитрости, голода и обмана надежды... несколько раз, как мы читаем он был взят врагами и перенес много бедствий... И обратно, он одерживал над ними славные победы и, претерпевая великие тягости, мужественно сопротивлялся врагам.

Бонвизин да Рива.

ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ФЛОРЕНЦИЯ.

Florenza dentro da la cerchia antica
ond ella toglie ancora e terza e nona,
si stava in pace, sobria e pudica
non avea catenella, non corona,
non donne configiate, e non cinfura
che fosse a veder piu che la persona.

Paradis XV.

(Флоренция внутри древнего круга,
откуда ей благовестят еще и третий и девятый час,
жила в мире трезвенная и целомудренная.
У нее не было ожерелий, ни венцов,
не было нарядных женщин, ни пояса,
который более привлекал взоры, чем его
обладательница).

СИЛУЭТ ФЛОРЕНЦИИ КВАТРОЧЕНТО.

...Летом 1505 года, река, вышедшая из берегов, после сильного грозового ливня, разрушила часть плотины. Леонардо был вызван на место работ.

За день до отъезда, возвращаясь домой из-за Арно от Макиавелли, с которым беседовал по этому делу, и который ужаснул его своими признаниями, художник переходил мост Санта-Тринита, по направлению к улице Торнабуони.

Время было позднее. Прохожих мало. Тишина нарушалась только шумом воды на мельничной плотине за Понте-алла-Карайя. День был жаркий. Но перед вечером прошел дождь

и освежил воздух. На мосту пахло теплою летнею водой. Из-за черного холма Сан-Миньято подымался месяц. Справа, по набережной Понте Веккио, маленькие ветхие домики, с неровными выступами на кривых деревянных подпорках, отражались, как в зеркале, в мутно-зеленой воде, углубленной и утишенной запрудою. Слева над предгорьями Монто-Альбано, лиловыми и нежными, дрожала одинокая звезда.

Облик Флоренции вырезывался в чистом небе, подобно заглавному рисунку на тусклом золоте старинных книг, — облик единственный в мире, знакомый, как живое лицо человека: сначала к северу деревянная колокольня Санта-Кроче, потом прямая, стройная, и строгая башня Палаццо Веккио, белая мраморная Кампанилла Джиотто и красноватый черепичный купол Мария-дель-Фиоре, похожий на исполинский, не распустившийся цветок древней геральдической Алой Лилии; вся Флоренция, в двойном вечернем и лунном свете, была как один огромный, серебристо-темный цветок.

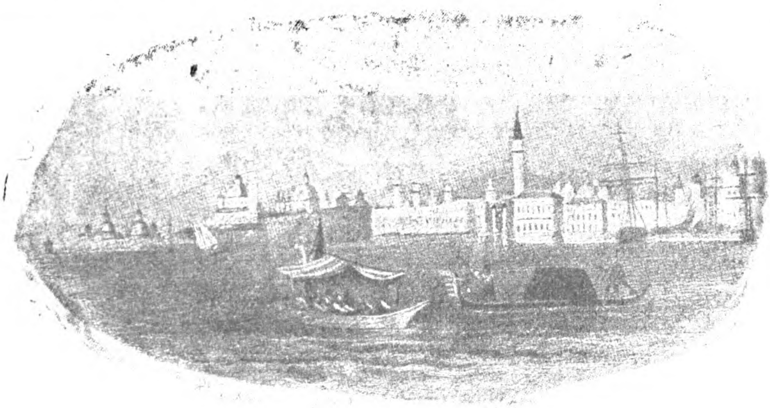
Леонардо заметил, что у каждого города, точно также, как у каждого человека, — свой запах: у Флоренции — запах влажной пыли, как у ирисов, смешанный с едва уловимым свежим запахом лака и красок очень старых картин.

Д. Мережковский. „Воскресшие боги".

МОРСКАЯ ТОРГОВАЯ РЕСПУБЛИКА XV ВЕКА.

Когда я въезжал в Венецию, в тот день меня выехали встречать в Фузину, которая находится в пяти милях от Венеции. Там покидают корабль, на котором прибывают из Падуи по реке, и садятся в маленькие лодки, очень опрятные, покрытые тканями, обитые внутри прекрасными коврами для сидения [1]. Отсюда простирается море; нет суши более близкой к Венеции, но море здесь очень тихое, благодаря этой тишине оно переполнено множеством рыб всех сортов. Отсюда было удивительно видно все положение города и все эти колокольни, монастыри и все эти большие дома — все это на воде; нет никакого другого способа у населения для передвижения, кроме этих самых лодок; число их, думается, простирается

до 30.000, но сами они очень малы. Вокруг сказанного города 17 монастырей на пространстве меньшем, чем пол французской мили в окружности (все расположенные на острове, как мужские, так и женские, очень богатые и красивые и самой постройкой и отделкой, с прекрасными садами), не считая тех, что внутри города, где находится четыре ордена Нищенствующих, около 70 приходов и множество братств; и чудно видеть такие бодьшие и прекрасные церкви на море.

Венеция.

В упомянутую Фузину навстречу мне выехало 25 из знати хорошо и богато одетых в парчу и багрец. Они приветствовали меня и проводили до самого города в церковь св. Андрея, где находилось столько же других дворян и с ними послы от герцога миланского и феррарского; и здесь мне снова держали приветственную речь, а затем нас посадили в лодки гораздо большего размера, которые имеют два навеса из красного шелка, дно обитое тканями и места для сидения для 40 персон; все предложили мне сесть между этими двумя послами (в Италии считается почетным находиться в средине) и повезли меня по большой улице, которую они называют Большим Каналом; он очень велик, галеры входят в него и я видел корабли 400 тонн и больше,

[1]) Гондолы.

стоящими возле домов; я думаю, что это самая прекрасная улица в мире и обставленная наилучшими зданиям; она идет вдоль всего этого города, дома на ней очень велики и высоки и из хорошего камня; древние покрыты живописью, те же, которые построены за последние 100 лет, выложены по фасаду белым мрамором, который привозят из Истрии за 100 миль отсюда; многие украшены с лицевой стороны большими кусками порфира и серпантина. Внутри большинства домов находится, по крайней мере, две комнаты с позолоченными панелями, богато разукрашенными каминами из резного мрамора, с позолоченными нишами для кроватей, богатыми ширмами, и очень хорошо меблированные; это самый торжественный город (triomphante), который я когда-либо видел; в котором с наибольшим почетом встречают послов, иностранцев, который наиболее мудро управляется, где богослужение отправляется с наибольшей торжественностью, и думается, если ему чего-нибудь не хватает, Господь придет к нему на помощь, за такое почитание Его в церковных службах.

В сопровождении 50 знатных лиц меня доставили в аббатство св. Георгия: в этом аббатстве черных монахов я был помещен. На другой день за мной пришли проводить меня в сеньорию. Там я представил свои письма дожу, который возглавляет во всех случаях их совет, и к которому адресуют все письма; но он сам по себе ничего не может решать; однако, именно этот дож имеет большой авторитет, больше, чем какой-нибудь другой подобный владыка, так как он уже 12 лет дож и оказался очень благородным, мудрым, опытным в итальянских делах, а также мягким и любезным. В этот день я больше ничего не докладывал; меня повели показать три или четыре комнаты во дворце с раззолоченными панелями, нишами и ширмами; дворец прекрасен и богат по внутреннему убранству из резного мрамора, а снаружи по всему фасаду, по краям каменных плит, лежит позолота приблизительно в палец толщиной; в этом дворце четыре прекрасные залы, богато раззолоченные и обширные жилые помещения; из комнаты дожа можно слушать мессу перед главным алтарем капеллы св. Марка. Это самая прелестная и богатая капелла в мире, несоответственно даже с ее названием капеллы, вся

украшенная мозаикой. Венецианцы хвалятся тем, что они открыли секрет этого искусства и пользуются им в производстве; и я это видел. В этой капелле находятся их сокровища, о которых говорят, что это просто пожертвования на украшение храма...

Позже мне показали их другое сокровище — это их арсенал, из которого они снаряжают свои галеры и снабжают всем необходимым свою морскую армию, самую прекрасную, какая до сих пор была во всем мире и наилучше организованную.

Comine. „Memoires".

VENEZIA LA BELLA [1]).

...Великолепнее нелепости, как Венеция, нет. Построить город там, где город построить нельзя, само по себе безумие; но построить так один из изящнейших, грандиознейших городов — гениальное безумие. Вода, море, их блеск и мерцание обязывают к особой пышности. Моллюски отделывают перламутром и жемчугом свои каюты.

Один поверхностный взгляд на Венецию показывает, что этот город крепкий волей, сильный умом, республиканский, торговый, олигархический, что это— узел, которым привязано что-то за водами,— торговый склад под военным флагом; город шумного веча и беззвучный город тайных совещаний и мер; на его площади толчется с утра до ночи все население, и, молча, текут из него реки улиц в море. Пока толпа шумит и кричит на площади св. Марка, никем не замеченная лодка скользит и пропадает; кто знает, что под ее черным пологом? Как тут было не топить людей возле любовных свиданий?

Люди, чувствовавшие себя дома в Palazzo ducale, должны были иметь своеобразный закал. Они не останавливались ни перед чем. Земли нет, деревьев нет, что за беда! давайте

[1]) Герцен описывает современную ему Венецию, однако, это описание относится полностью к XV—XVI вв.

еще больше резных каменьев, больше орнаментов, золота, мозаики, ваянья, картин, фресок. Тут остался пустой угол — худого бога морей с длинной, мокрой бородой в угол! Тут порожний уступ — еще льва с крыльями и с Евангилием св. Марка! Там голо, пусто — ковер из мрамора и мозаики туда! Кружева из порфира туда! Победа над турками или Генуей, папа ли ищет дружбы города, — еще мрамору, целую стену покрыть иссеченной занавесью и, главное, еще картин. Павел Веронезе, Тинторетто, Тициан—за кисть, на помост: каждый шаг торжественного шествия морской красавицы должен быть записан потомству кистью и резцом.

И так был живуч дух, обитавший эти камни, что мало было новых путей и новых приморских городов, Колумба и Васко-де-Гама, чтоб сокрушить его. Для его гибели нужно было, чтоб на развалинах французскаго трона явилась „единая и нераздельная“ республика и на развалинах этой республики явился бы солдат, бросивший в льва, по корсикански, стилет, отравленный Австрией. Но Венеция переработала яд и снова оказывается живою через полстолетие.

Да живою ли? Трудно сказать, что уцелело, кроме великой раковины, и есть ли новая будущность Венеции.

Герцен. „Venezia la bella“.

СИЛУЭТ ВЕНЕЦИИ.

О, красный парус
В зеленой дали!
Черный стеклярус
На темной шали!

А. Блок.

Б. Немецкие города.

ХВАЛА СТАРОМУ НЮРЕНБЕРГУ.

...О, город Нюренберг, ты, некогда славный во вселенной! С каким наслаждением проходил я твои кривые улицы; с какою детскою любовию наблюдал твои прародительские храмы и дома, в которых врезан неизгладимо след нашего

древнего, отечественного искусства! Сколь милы душе моей произведения того времени, говорящие столь сильным, простым и истинным наречием! Сколь быстро переносят они меня в тот седой век, когда ты, Нюренберг, был еще живым и шумным рассадником искусства народного, и плодоносящий, нетерпеливый дух художества веял жизнью внутри стен твоих; когда жили еще многосведующий Ганс Закс и Адам Крафт ваятель, славный Альбрехт Дюрер со своим другом Вилибальдом Пиркгеймером, и с ними такое множество других достохвальных сынов Германии! Как часто желал я возвратиться в их столетие! Как часто оно мысленно предо мною воскресало, когда я в тесном уголке сидел в твоих почтенных книгохранилищах, и при мерцающем свете их малых, круглых оконниц разбирал фолианты неутомимого Ганс Закса или иную пожелтевшую от древности, червями источенную хартию; — или когда ходил под смелыми сводами твоих темных церквей. где резьба и живопись времени минувшего чудно освещаются пестро расписанными рамами.

Вакенродер. „Размышление об искусстве отшельника".

ЦЕХОВОЙ БЫТ В НЮРЕНБЕРГЕ.

O, Nuernberg, du edler fleck!
Deiner Ehren Bolz steckt am Zweck,
Denn hat die Veisheit daran geschossen,
Die Vahrheit ist in dir entsprossen! [1])

Ярко вставала перед глазами картина самобытной бюргерской жизни, когда ремесло и искусство жили тесно рука об руку, в благородном соревновании, и светло и ясно становилось на душе при виде всего этого. Поэтому, надеюсь, ты, благосклонный читатель, не посетуешь, если тебе будет представлена одна из этих картин былого. Авось ты

---

[1]) О, Нюренберг, родной уголок!
Удел твоей славы высок!
Мудрость в тебе родилася
И правда на свет излилася!

с удовольствием и светлой улыбкой посетишь дом мейстера Мартина и не соскучишься, проведя несколько часов, окруженный его бочками и бадьями!

...Посетитель, пред которым отворялась блестящая, натертая воском и украшенная медными чеканными изображениями дверь жилища Мейстера Мартина, встречал за нею устланные мягкими коврами полы, увешанные прекрасными картинами стены, установленные богатою мебелью комнаты, точно в какой-либо для особенного торжества убранной зале, так что, при виде всего этого, каждый подчинялся правилу, написанному на повешанной, по старому обычаю, в комнате доске, и гласившему так:

Кто хочет сюда войти,
Надень чистые башмаки,
Или стряхни их от пыли,
Чтоб хозяева тебя не бранили,
А как себя дальше держать,
Разумный сам должен понять.

День был жаркий и воздух в комнате стал, с наступлением сумерек, удушлив и зноен. Потому мейстер Мартин повел своего гостя в просторную и прохладную хозяйскую. Так называлась в доме богатых горожан комната, отделывавшаяся в виде кухни, в которой кушанье, однако, не готовилось, а уставлялась она только для виду всевозможной дорогой и искусно сделанной хозяйственной утварью. Войдя туда, мейстер Мартин громко крикнул: „Роза! Роза“. Дверь тотчас же отворилась и единственная дочь мейстера Мартина, Роза, вошла в комнату.

...Роза между тем принесла вино и два граненых стакана. Мейстер Мартин придвинул на середину комнаты прекрасный, украшенный резьбою стол. Но едва старики уселись и стаканы были наполнены вином, под окном раздался топот лошадиных копыт. Приехавший всадник соскочил с лошади и громкий его голос раздался в передней. Роза побежала навстречу и возвратилась с известием, что приехал барон Генрих Шпангенберг и желает говорить с мейстером Мартином.— „Вот-то счастливый вечер!—воскликнул мейстер Мартин, — когда ко мне пожаловал мой старинный заказчик. Верно хочет что-ни-

будь заказать и мне будет хорошая работа". С этими словами он встал и поспешил навстречу приезжему гостю...

... „Ах почтенный барон,—перебил мейстер Мартин нетерпеливо, — к чему вы только стараетесь меня переспорить? Я сказал, что зять мой будет бочар, как я, потому что мое ремесло считаю я самым благородным из всех, какие только есть на свете. Неужели вы думаете, что достаточно стянуть брусья обручами для того, чтобы вышла бочка? Уже одно то, что наше искусство учит, как беречь и холить лучший Божий дар — благородное вино, чтоб оно перебродило как следует, и потом грело нас и утешало! разве это не похвально? А наконец, самая постройка бочки! Не должны ли мы точнейшим образом все расчертить и вымерить для того, чтоб постройка удалась? Нам надо знать и математику и механику, потому что иначе нельзя правильно рассчитать размер и вместимость. Знаете ли вы, что у меня сердце прыгает от радости, когда я начинаю собирать бочку и любуюсь, как верно и правильно приходятся все части, выделанные по лекалам; как работники возьмутся за молота, и стук-стук! стук-стук! пойдет веселая музыка! А когда стоит веселая вещица, и я, с клеймом в руке, поставлю, довольный и радостный, значек своего ремесла на дне бочки, зная, что его уважают и почитают все добрые погребщики! Вы говорите мне об архитекторах! конечно, хорошо построенный дом тоже прекрасная вещь. Но знаете что? если бы я построил хороший дом, и потом, проходя мимо, увидел, что на балконе его стоит и смотрит на меня какой-нибудь пустой кутила, купивший его на бешенные деньги, то мне стало бы стыдно и в душе невольно родилась бы охота разрушить мое собственное произведение. А с моими бочками мне никогда не придет такая мысль. В них живет лучшее произведение земли— благородное вино! Благослови же бог мое славное ремесло!"

Т. Гофман. „Мейстер Мартин и его подмастерья".

ПРИРЕЙНСКИЙ ТОРГОВЫЙ ГОРОД (КЕЛЬН).

...**На склоне второго дня нашего путешествия выступили вдалеке вышки Кельнских церквей, и с сердечным волнением**

узнавал я и называл Ренате и пик св. Мартина, и тупую крышу св. Гереона, и башенку братьев Миноритов, и громадную тяжесть Сенаторского дома, и, наконец, разорванного надвое гиганта, недовершенное величие Собора Трех Царей. Когда приблизились мы еще и я стал различать улицы, знакомые дома и старые деревья, внимание мое было возбуждено в высшей степени, и готов был я плакать в умилении, на минуту позабыв о Ренате.

Наша барка причалила у Нидерландской набережной, среди других судов, парусных и гребных, в час наибольшей суматохи на пристани. Попрощавшись с Морицем и выбравшись на берег, попали мы из нашего отчуждения на палубе словно в первый круг Ада Алигиери. Везде лежали разгруженные товары, боченки и ящики; везде толпились люди, матросы, судорабочие, приказчики торговых домов, носильщики и просто любопытные; тут же подъезжали тележки для перевозки тяжестей; колеса скрипели, лошади храпели, собаки лаяли, люди шумели, кричали, ругались, а нас окружили и торговцы, и евреи, и носильщики, все предлагая свои услуги.

В. Брюсов. „Огненный ангел“.

В. Города Франции.

ПАРИЖ

(в описании школяра XII в.).

...Я в Париже, в этом царственном городе, где изобилие плодов земных не только удерживает тех, кто в нем обитает, но привлекает и приглашает тех, кто далек от него. Как луна превосходит в блеске звезды, так этот город, столица королевства, поднимает свою голову высоко над другими. Он расположен в лоне прекрасной долины, окруженный венцом холмов, обогащаемых во взаимном соревновании Церерой и Вакхом. Сена — эта величественная река, подходит с востока, течет там вровень с берегами и окружает своими двумя рукавами остров, который является головой, сердцем и ядром всего города. Два предместья тянутся направо и налево; наименьшему из них могли бы

позавидовать многие города. Каждое из этих предместий сообщается с островом двумя каменными мостами: Большой Мост обращен к северу в сторону английского моря, а Малый Мост смотрит на Луару. Первый широкий, богатый торговый, место кипучей деятельности; его окружают бесчисленные суда, наполненные товарами и богатством. Малый Мост принадлежит диалектикам, которые прогуливаются на нем, диспутируя. На острове рядом с дворцом королей, который господствует над всем городом, виднеется дворец философии, где наука царит единая и полновластная, источник света и бессмертия.

Gui de Bazoche.

ДЕТСТВО ПАРИЖА

(на грани XII и XIII в.в.).

Сена—великая артерия Парижской жизни. Взгляните на ее течение в этом городе, в эпоху нас интересующую. Проследите четки островов, которые от Берси до Беланкура вытянулись вдоль нее, берега, изрезанные рядом мелких рукавов теперь исчезнувших. Взгляните на гавани, где стоят суда, суда, которые идут водой и которые тянутся бичевой...

Представьте себе равным образом, на низких берегах реки, где мы ныне восхищаемся Парижем, эти места усеянными лесами, болотами, виноградниками, пахотой, лугами, более или менее компактными группами домов. Но вот бросьте взгляд на остров Сите, голову, сердце и ядро Парижа, как выражается уже цитированный нами автор XII века Гюи де Базош, — и перед нами мосты: Малый Мост и Большой Мост. Вся речная жизнь развертывается перед нашим взором. По бокам мостов, вдоль берегов, мы заметим мельницы, рыболовные тони, учуги. Мельницы тогда были многочисленны на Сене...

На острове Сите прежде всего, можно различить церкви, испещряющие улицы и в середине и в начале, вперемежку с различными обитаемыми домами и даже с незастроенными участками, какими-нибудь цветниками или плодовыми садами. В восточной части возвышается собор Notre Dame

вокруг которого расположились помещения для духовенства... Владения Notre Dame, кроме того, простирались к северу теперешней улице Канонисс.

В недрах капитула приютились знаменитые школы монастыря Notre Dame, слава которых предшествовала славе парижского университета...

В западной части Сите возвышается со своими службами дворец короля: Palatium (aula regis, curia regis, domus regis). Дома обозначены в 1172 и 1173 г.г., как расположенные ante curiam regis. За Дворцом находится виноградник короля (trelia nostra), говорит Людовик VII. Таков в своем целом, со своими религиозными учреждениями, составляющими, так сказать его основу, со своими улицами, со своими маленькими обитаемыми центрами, более или менее замкнутыми, Сите при первых Капетингах и до вступления на престол Филиппа-Августа.

Poète. „Enfance de Paris".

ПАНОРАМА ПАРИЖА

(XV вска).

...Чудная картина сразу развертывалась перед изумлеными взорами того, кто, после долгого подъема ощупью по темной винтовой лестнице, отвесно пронзающей толстые стены колокольни, вдруг очутился бы на одной из высоких площадок, залитых светом и воздухом. Зрелище это было так красиво, что о нем могут себе составить понятие только те из наших читателей, которые имели счастье видеть цельный, однородный в своих частях, готический город, например, Нюренберг Баварии, или Витторию в Испании, или хотя самые небольшие образчики таких городов, лишь бы они хорошо сохранились, в роде Витрэ — в Бретани и Нордгаузена — в Пруссии.

Париж триста пятьдесят лет тому назад, Париж пятнадцатого века уже был исполинским городом. Мы, современные парижане, сильно заблуждаемся, воображая, что с тех пор заняли бог весть сколько лишнего пространства. В сущности, Париж со времен Людовика XI увели-

чился не многим более одной трети. Во всяком случае, он гораздо больше проиграл—в красоте, чем выиграл в пространстве.

Как известно, Париж возник на том древнем острове Старого города, который имеет форму колыбели. Риф этого острова был его первой оградой, Сена была его первым рвом. Париж несколько веков находился в положении острова, с двумя мостами, — одним на севере, другим на юге, и с двумя мостовыми укреплениями, служившими в то же время и воротами: Гран-Шатлэ на правом берегу и Пти-Шатлэ — на левом. Затем, начиная с королей первой династии, Париж, не имея более возможности пошевельнуться на острове, который сделался для него слишком тесен, перешел через реку. Тогда по ту сторону обоих Шатлэ была воздвигнута первая линия стен, охватившая часть полей на обоих берегах Сены. Еще в прошлом столетии оставалось несколько следов этой древней ограды, ныне же от нее не сохранилось ничего, кроме воспоминания, и кое-каких связанных с местностью преданий, как например, о воротах Бодэ, или Бодуайе (римской Porta Bagauda). Понемногу поток домов, беспрерывно изливавшийся из сердца города на окраины, поднялся через ограду, подмыл ее, источил, затем совершенно сравнял с землею. Филипп-Август воздвиг этому потоку новую запруду. Этот король заключил Париж со всех сторон в последовательную цепь громадных, высоких и солидных башен. В течение более столетия дома теснились, сбивались в кучу, и уровень их в этом бассейне все поднимался, как вода в резервуаре. Дома бросались в глубину города, нагромождали один ярус над другим, карабкались друг на друга, пробивались кверху, как всякая сжатая жидкость; только тот дом и мог захватить немного воздуха, которому удавалось поднять голову над соседями. Улица все более и более углублялась и суживалась, площади наполнялись строениями и исчезли под ними. Наконец, дома, перескочив и через стену Филиппа-Августа, весело рассыпались, как попало, по равнине, точно вырвавшиеся на свободу узники. Там они, не стесняясь,

начали себе устраивать в полях сады и вообще располагаться с полным удобством.

С 1367 года предместья города стали так расползаться, что понадобилась новая ограда, в особенности на правом берегу. Эту ограду возвел Карл V. Но город, подобный Парижу, находится в состоянии вечного роста. Только такие города и делаются столицами. Это своего рода воронки, в которые вливаются географические, политические, нравственные и умственные течения целого народа, к которым ведут все природные тропинки страны; это, так сказать, кладези цивилизации и вместе с тем сточные места, в которые просачивается и в которых скапливается, капля за каплей, из века в век, торговля, промышленность, ум, народность, т.-е. все, что составляет соки, жизнь, душу народа. Стена Карла V разделила участь ограды Филиппа Августа. В конце пятнадцатого столетия дома перекарабкались и через нее, и предместье устремилось дальше. В шестнадцатом столетии кажется, будто сама стена отступает, все глубже и глубже уходя в старый город,— до такой степени разрастается за нею новый город.

Таким образом, в пятнадцатом веке, на котором мы остановимся, Париж уже прорвал тройной концентрический круг, бывший во времена Юлиана Отступника еще, так сказать, в зачаточном состоянии между обоими Шатлэ. Могучий город последовательно заставил треснуть четверной пояс своих стен, подобно тому, как у растущего ребенка лопается по швам его одежда. При Людовике XI из моря домов местами еще выделялись развалины башен прежних оград, как вершины холмов во время наводнения, как архипелаг древнего Парижа, затопленный волнами нового города.

С тех пор Париж не раз вновь преображался, к несчастью для наших глаз, но перешел с того времени всего одну новую ограду, — ту, которую воздвиг Людовик XV — эту жалкую стену, слепленную из грязи и мусора, вполне достойную своего строителя и своего певца с его бьющим на остроумие стихом.

Le mur murant Paris rend Paris murmurant [1]).

[1]) Стена, опоясывая Париж, заставляет Париж роптать.

В пятнадцатом столетии Париж был еще разделен на три части, составлявшие как бы отдельные города, совершенно независимые и резко отличные друг от друга, имевшие каждый свою собственную физиономию и специальность, собственные нравы и привилегии и собственную историю. Это были: Ситэ, город Университета и собственно „Город". Ситэ, расположенный на острове, старший из городов и отец обоих остальных, но самый незначительный по своим размерам, был так сжат между остальными частями, что как бы терялся в их середине. Город Университета, или просто „Университет", как его называли, занимал левый берег Сены, от Ла-Турнеля до Несльской башни; в современном Париже первый из этих пунктов соответствует Винному рынку, а второй — Монетному двору. Его ограда далеко раскидывалась по тому полю, где когда-то находились термы Юлиана. В этой ограде оказалась заключенной гора св. Женевьевы. Самым видным пунктом этой каменной дуги являлись Папские Ворота, находившиеся приблизительно на месте нынешнего Пантеона. „Город", самая обширная из трех частей Парижа, располагался на правом берегу реки. Его набережная, прерывавшаяся в нескольких местах, тянулась вдоль Сены от башни Бильи до башни Буа, т.-е. от местности, где ныне склады „Изобилия", до места, на котором красуется Тюльери. Эти четыре пункта, в которых Сена перерезает ограду столицы, оставляя налево Ла-Турнель и Несльскую башню, а направо — башни Бильи и Буа, в общем носили название „Четырех парижских башен", „Город" еще дальше углублялся в окружающие земли, чем Университет. Главным пунктом его ограды, возведенной Карлом V, были ворота Сен-Дени и Сен-Мартен, уцелевшие на своих местах до сих пор.

Как мы уже сказали, каждое из этих трех крупных подразделений Парижа и составляло особый город, но город с слишком специальным характером, чтобы быть совершенным и обходиться без остальных двух. От этого и вид у каждого был своеобразный. Ситэ изобиловал церквами, Университет — коллегиями, а „Город" — дворцами.

...С высоты птичьего полета все эти три части — Ситэ, Университет, и „Город“ — представлялись глазу густою, запутанною сетью причудливо свивавшихся между собою улиц. Тем не менее, при первом же взгляде можно было различить, что эти три части составляют одно целое. Сразу бросались в глаза две длинные, параллельные улицы, тянувшиеся без перерыва, почти совершенно прямыми линиями, с юга на север, отвесно к Сене, и пересекавшие из конца в конец все три части города. Соединяясь смешиваясь, местами сливаясь и беспрестанно переливая народные волны от одного города в другой, эти улицы тесно связывали три города в один... Скрещиваясь с первыми улицами, эти главные пути „Города“ и Университета образовали основу, на которой расстилался перепутанный лабиринт всех парижских улиц. В сливавшихся очертаниях узора этой гигантской сети, пристально вглядываясь, можно было различить как бы два широких снопа улиц. Один в Университете, другой в „Городе“, — эти два пучка больших улиц, постепенно расширяясь, шли от мостов к воротам.

Кое что от этого геометрического плана осталось и до сих пор.

...Итак, повторяем, в центре — остров Ситэ, похожий своею формой на исполинскую черепаху, лапы которой образуются чешуйчатыми мостами, а голова — массою серых кровель; налево — сплошная трапеция Университета, как бы слитая, плотно-сжатая, ощетинившаяся; направо — обширный полукруг „Города“, изобилующий садами и церквами. Эти три части — Ситэ, Университет и „Город“ изрыты бесчисленными улицами. Поперек всего этого тянется серебристая лента Сены, „Сены-кормилицы“, как называл ее П. дю-Брюль сплошь покрытая островами, мостами и судами. Всю эту панораму окружает необъятная равнина, покрытая всевозможными нивами, усеянная прекрасными селениями; с левой стороны идут селения: Исси, Ванвр, Вожирар, Монруж и Жантильи с двумя башнями, круглой и четырехугольной; с правой стороны расположены двадцать селений, начиная с Крифлана и кончая

Виль-д'Эвек. На горизонте — кайма холмов, составляющих полукруг, напоминающий края бассейна. Наконец, вдали виднеются: на востоке — Венсен с семью четырехгранными башнями; на юге — тонут в облаках острые вершины башен Бисетра, на севере видим Сен-Дени с его стрелою, а на западе — замок Сен-Клу. Вот каков был Париж, которым любовались с башен собора Парижской Богоматери вороны, жившие в 1482 году.

Париж был тогда городом не только красивым, но и цельным произведением зодчества и истории средних веков, был каменною хроникою. Он состоял всего из двух наслоений: романского и готического. Романское наслоение давно уже исчезло, за исключением терм Юлиана, в виде которых оно еще пробивалось сквозь толстую кору средних веков. Что же касается отложения кельтического, то его следов не находили даже при рытье колодцев.

В. Гюго. „Собор Парижской богоматери".

ПРАЗДНИК В СТАРОМ ПАРИЖЕ.

... Всего два дня тому назад торжественно въехало в Париж одно из таких посольств. Прибыли фламандские послы, которым было поручено устроить брак между дофином и Маргаритой Фландрской. И кардинал Бурбонский, чтобы сделать удовольствие королю, должен был волей-неволей оказать любезный прием этим неотесанным фламандским бургомистрам и угощать их в своем Бурбонском дворце представлением „весьма прекрасной морали, шуточной пьесы и фарса" в то время, как проливной дождь поливал его великолепные ковры, которыми был разукрашен снаружи его дворец.

Парижские горожане так волновались по случаю издавна установленного 6 января двойного празднества — праздника волхвов и праздника шутов.

В этот день предполагались — иллюминация на Гревской площади, посадка майского дерева в Бракской часовне и мистерия во Дворце Правосудия.

Об этом провозгласили накануне на всех перекрестках, при звуках труб, подчиненные г. прево в красивых одеждах

из фиолетового камлота, с большими белыми крестами на груди.

А потому дома и лавки были заперты, и толпы горожан и горожанок потянулись с самого утра по трем разным направлениям. Каждый выбрал то, что ему больше приходилось по вкусу. Одни шли на Гревскую площадь, другие — в часовню, третьи — смотреть мистерию. И нужно отдать справедливость здравому смыслу тогдашних парижан: большинство из них предпочло иллюминацию, как раз подходящую ко времени года, и мистерию, которая должна была разыгрываться в теплом помещении. Бедный „май" привлек лишь очень немногих и ему пришлось почти в полном одиночестве дрожать под январским небом на кладбище Бракской часовни.

Особенно много народу стекалось по улицам, ведущим к Дворцу Правосудия, так как было известно, что прибывшие два дня тому назад фламандские послы будут присутствовать на представлении и при избрании папы шутов, которое тоже должно было происходить в большой зале.

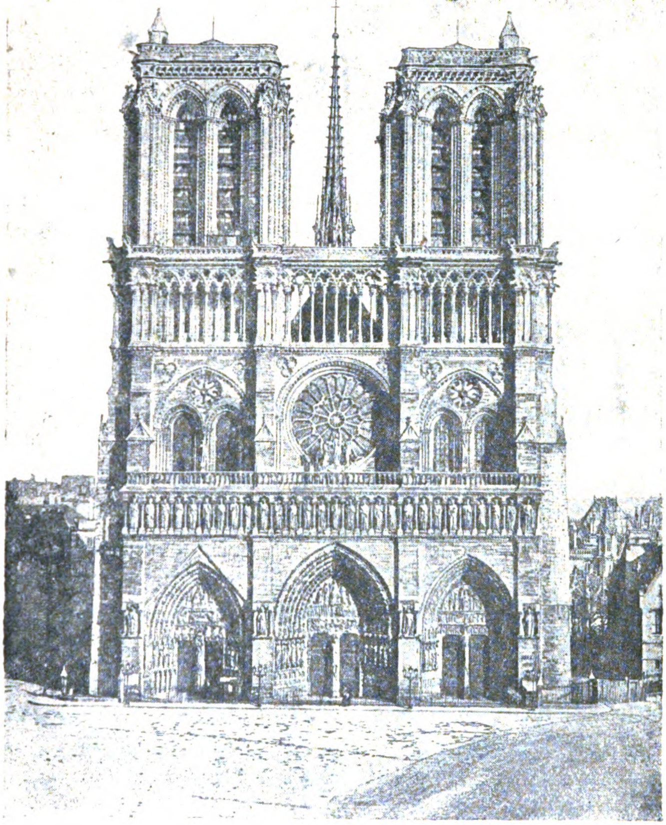
Не легко было теперь пробраться в эту залу, считавшуюся самой большой на свете...

Залитая народом площадь около Дворца Правосудия казалась — смотревшим на нее из окон зрителям — волнующимся морем, в которое пять или шесть улиц изливали каждую минуту, подобно рекам, новые волны голов. И эти волны, все увеличиваясь, разбивались об углы домов, выступавших в этом море то тут, то там, как мысы.

В центре высокого готического фасада Дворца Правосудия, с большой лестницы непрерывно поднимались и спускались толпы народа, разделяясь на верхней площадке и разливаясь широкими волнами по двум боковым спускам, как будто низвергались водопады. От крика, смеха, топота тысячи ног над площадью стояли страшный шум и гул. По временам этот шум еще увеличивался, и течение, несшее всю эту толпу к лестнице, внезапно поворачивало назад, и начинался какой-то водоворот. Это происходило, когда полицейский страж ударял кого-нибудь ружейным прикладом или конный сержант врезывался в толпу. Такой странный способ водворения порядка — прево́ завещали коннетаблям, от которых он перешел по на-

следству к маршалам, а от них к теперешнему корпусу жандармов в Париже.

У дверей, у окон, на крышах, на чердаках — всюду виднелись тысячи добродушных, честных лиц горожан, смотревших

Париж. Собор Богоматери

то на дворец, то на толпу, и не желавших ничего больше. Многие парижане довольствуются только тем, что смотрят на зрителей; даже стена, за которой происходит что-нибудь интересное, любопытна для них.

... Если читатель ничего не имеет против, мы попробуем воспроизвести хоть мысленно то впечатление, которое он испытал бы вместе с нами, пробравшись через шумную, разнокалиберную толпу и переступив за порог большой залы.

Прежде всего мы были бы оглушены страшным шумом и ослеплены роскошью и блеском. Вверху, над нашими головами — двойной стрельчатый бледно-голубой свод, украшенный деревянной резьбой и усеянный золотыми лилиями; внизу, под ногами, — пол из черных и белых мраморных плит. В нескольких шагах от нас — громадная колонна, потом другая, третья. Всего по длине залы семь колонн, поддерживающих свод.

Около первых четырех колонн устроены лавочки торговцев, сверкающие стеклом и разными побрякушками; около трех остальных стоят дубовые скамьи, уже послужившие на своем веку, гладко отполированные штанами тяжущихся и мантиями прокуроров. Кругом залы, вдоль высоких стен, между колоннами и в простенках между дверями и окнами, тянется бесконечный ряд статуй французских королей, начиная с Фарамонда, — ленивых королей с опущенными руками и глазами, и мужественных, воинственных королей с смело воздетыми к небу руками. В высоких стрельчатых окнах вставлены стекла тысячи цветов, великолепные двери украшены тонкой резьбой. И все это — свод, колонны, стены, наличники, потолок, двери, статуи — чудного голубого цвета с золотом. В то время, о котором мы говорим, краска уже несколько потускнела, а в 1549 г. она совсем исчезла под пылью и паутиной, и де-Брель восхищался ею уже только по преданию.

Теперь представьте себе эту громадную продолговатую залу, освещенную бледным светом январского дня, с нахлынувшей в нее пестрой, шумной толпой, и вы получите об ней некоторое понятие.

... Один конец этого гигантского параллелограма был занят знаменитым мраморным столом из целой глыбы, такой длинной, широкой и толстой, что, по выражению старинных рукописей, она была способна возбудить аппетит у Гаргантюа, потому что „другого такого толстого ломтя никогда на свете не бывало". На противоположном конце залы была капелла Людовика XI, где он велел поставить свою коленопреклонен-

ную статую перед образом Божьей Матери и куда, по его приказанию, были перенесены статуи Карла Великого и Людовика Святого. Он считал, что они, как французские короли, пользуются большим влиянием на небе.

Виктор Гюго. „Собор Парижской Богоматери".

Г. Испания.

АВИЛА — ГОРОД РЫЦАРЕЙ И МОНАХОВ.

...В толще стен окна образовали глубокие ниши с несколькими каменными уступами. Рамиро, обыкновенно, садился на такой уступ и долгими часами смотрел наружу, облокотясь на амбразуру.

Из того окна, что выходило на северо-восток, был виден почти весь город. С этой высоты Авила Святых, сбегавшая вниз к Адахе и тесно опоясанная красной, с башнями, стеной, напоминала скорее огромный горный замок, чем город. Мальчик видел домовые службы и внутренние дворики, монастырские постройки, обнесенные оградой черепичные кровли церквей. Невдалеке на самом возвышенном месте, вздымалась зубчатая, серая, похожая на крепостную башню, колокольня собора.

Из другого окна открывался грандиозный вид: Валье-Амблес,—вся равиина, пастбища, река, горы. Растительность была скудная, только по берегам рек тянулись зеленые заросли дерев. Редкие, издали казавшиеся черными, каменные дубы едва выделялись на каменистых холмах. Пейзаж сурового, сухого, каменного колорита, ослепительно отражавший солнце. Пейзаж холодный и спокойный, как душа монаха.

Местами яркие блики света меж ясеней и ракит отмечали течение Адахи, раскинувшейся по песку, как осыпающийся серебряный галун. Задний план замыкали высокие, в снежных шапках, пики Авиланского хребта. Порой, из-за Серроты или Сапатеро, поднимались клубы облаков, похожие на пар огромного котла, они бросали черные тени на горные иглы и одевали склоны гор длинными горизонтальными полосами пушистой шерсти.

...Пурпурный отсвет озарял вверху стену и зубцы, кое-где окрашивая в цвет коралла стволы сосен в садах. В доме напротив осветилось окно, и в просвете его моталась взад и вперед тень какого-то идальго, читавшего молитвенник. Огромная печаль парила над городом воинов и монахов, и среди благоговейной тишины мальчику вдруг послышался далекий хор, призывной настойчивый гимн. Должно быть, пели монашеньки-августинки. Временами по голосам их пробегало как бы священное дуновение, и они трепетали, как пламя восковых свечей.

...Четырехугольная башня из тесаного камня возвышалась на его юго-восточном углу, вырисовываясь на небе гордым венцом своих мавританских зубцов. То была надменная и угрюмая громада; местами покрытая пятнами красноватого, похожего на ржавчину, налета. Кое-где ее прорезывали узкие тюремные окна, а основание четырех башенок и некоторые выступы были украшены лепным орнаментом, напоминавшим четки. Остальная часть дома была грубой, полу-варварской постройки. Большие, неправильной формы, обожженные солнцем камни выпирали из толстой штукатурки стен. Ближе к земле косая бойница для метанья стрел, похожая на огромную замочную скважину, защищала в былые времена подступ к двери. Окна с грубыми и мрачными решетками.

Портал занимал почти всю ширину башни. Это был пышный барский портал, из тех, что так распространены в Авиле Рыцарей. Свод над входом, состоявший из огромных цельных глыб, представлял полукруг, вставленный в готическую прямоугольную рамку. По обеим сторонам, в каждом из образованных этим полукругом треугольников, красовались, на полях лепного щита, гербы знатнейших фамилий Авилы, орел семейства Агила, монеты Бласкесов, подъемный кран и молот Бракамонте. Деревянные полотнища ворот были усажены красивыми гвоздями; у калитки висел большой фигурный молоток, вывезенный вероятно из какого-нибудь андалузского замка. Справа, повыше первого, висел другой молоток, которым всадник мог постучать, не слезая с коня. В вестибюле, перед статуей Богоматери, держащей на коленях усопшего Сына, горела неугасимая лампада.

Двор имел вид обширного прямоугольника и был обведен монастырскими галлереями, без всяких украшений, кроме больших дворянских щитов, вделанных в капители колонн. Густой и высокий бурьян рос повсюду, щадя лишь кое-какие места, покрытые обломками каменных плит, и эти разбросанные в траве камни вызывали в уме представление о кладбище разоренного монастыря.

Идальго не подумал привести в порядок этот заброшенный уголок, где он чувствовал себя, как среди запущенного поля. Иногда он прогуливался по солнцу, вспугивая на ходу бабочек; а то по целым часам простаивал у старого колодца с источенным срубом, размышляя или рассматривая свое лицо, отражавшееся в круглом и глубоком зеркале воды. Казалось, галлереи эти были полны для старика неотвязных воспоминаний, а самый воздух застаивался в них, словно пропитанный монастырским спокойствием и сельской тишиной.

... В светлом и влажном утреннем золоте Авила сияла, точно маленький Иерусалим, преисполненная и благоухающая религиозным волнением. Цветы на деревьях свисали через заборы на улицы. Казалось, нетерпеливая радость спускалась с безмолвных колоколен и растекалась по городу. Беатриса вдыхала эту разлитую повсюду святость, предчувствуя какую-то тайну, которая вскоре должна перевернуть всю ее жизнь.

Народ с трудом двигался по улицам, и девушка с отвращением смотрела на крестьян, распространявших на ходу запах кислого молока и поскрипывавших по камням праздничными башмаками. У некоторых на лице отражалось изумление пред далеким событием, которое церковь праздновала в этот день, глаза у них выкатывались на лоб с такою же растерянностью, как у Святого Иоанна и Святого Петра на пути ко Гробу.

На соборной площади оруженосец должен был раздвигать толпу крестьян, чтоб открыть дорогу для носилок. На маленьком пространстве, едва хватившем для горожан, сошлись не только жители окрестных хижин и домов, но и значительная часть обитателей соседних деревень. Разнообразнейшие наряды горели под волшебным солнцем подвижными и многоцвет-

ными пятнами. Здесь были юбки, красные и зеленые, как перец, желтые, как тыквы, фиолетовые, как баклажаны, коричневые, как картофельная кожура, плащи и колеты; темные одежды стариков, принявшие тусклый оттенок зеленых бобов, яркие платки и шали, на которых словно цвели целые огороды. Немало было поэтических поселянок с косами и в корсажах, пастушек из Сотальво, Торнадисос, Фонтиверос, прачек и коровниц, принесших с собою запах мыльной воды и скотного двора. Сухие и угрюмые мужчины, с бритыми, как у монахов, губами и в широкополых шляпах, смотрели на проходившую знать, опираясь на толстые дубинки или на спину осла. Женщины весело болтали. Те, что побогаче, были в ярких передниках, и почти все в коралловых ожерельях, в арабских серьгах, с серебряными крестами и медальонами, напоминавшими какие-то туалетные ex-voto. Многие из этих людей покинули свои далекие домики или фермы до зари при свете звезд...

ГОРОД ДВУХ КУЛЬТУР [1]).

(Толедо).

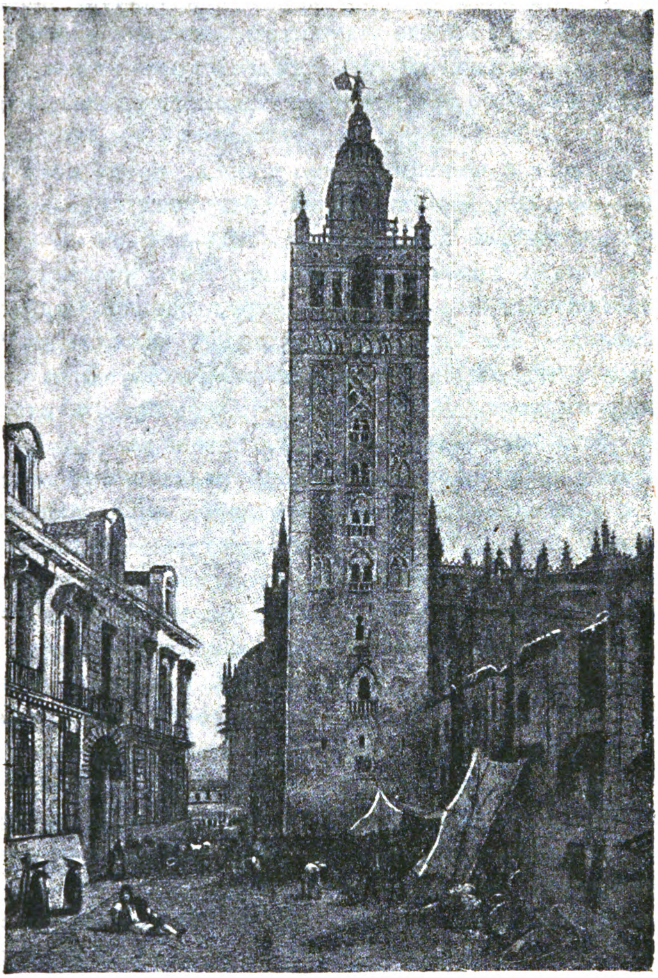
...Перед ним, на противоположном берегу, с востока на запад простиралось Толедо, громоздясь на высоком холме серыми крышами, светлыми стенами и бесчисленными башнями. Гладкий отвесный склон устремлялся от города вглубь ущелья, покрытый как бы давнишним легким пеплом, словно здесь прошел божий огонь, попаливший все корни и все семена. Рамиро с религиозным трепетом подумал об адских скалах, по которым грешники должны взбираться, цепляясь руками и ногами, чтобы снова падать в огненные волны, и снова взбираться, и снова падать, без отдыха и пощады, во веки веков.

Он сел на камень.

Река струилась на страшной глубине меж диких, ржавых скал. Она представилась ему рекой преступлений и искуплений, как те реки, что рисуются в воображении при мысли об аде. Казалось, будто там, внизу, проходят процессии скорбных призраков, задевая своими темными покровами волны.

[1]) Город описан сквозь призму ревностного католика.

Между тем, по мере того, как шло время, дома забелели унылой белезной костей в пустыне, и весь город, видимый

Испанский город (Севилья).

на расстоянии сквозь зыбкий сумрак, казался городом потустороннего мира, городом вне жизни и времени, мистическим и страстным, как псалом.

В самой возвышенной его части, вздымался Алькасар, облитый бледным сумеречным сиянием. В эту минуту колокола в городе зазвонили к вечерней молитве. Звуки сливались на отдалении в протяжную волнующую песнь, напоминавшую надгробные молитвы, и казалось, будто камень, служивший фундаментом этим бесчисленным колокольням, тоже звучит, как корпус органа.

...Две первые недели Рамиро провел, бродя по улицам и площадям Толедо, без товарища, без пажа, без любовного увлечения, одинокий среди шумной толпы.

Любопытство приезжего поднимало его раньше обыкновенного с постели, и почти каждое утро, миновав Сокодовер [1]), он направлялся по Оружейной улице к мосту Сан-Мартин, спокойным и неторопливым шагом, приличествующим человеку его происхождения. Здесь, прохаживаясь взад и вперед по настилу моста, или лениво прислонясь к парапету, он проводил час или два, без всякого иного развлечения, кроме созерцания, в приятной утренней прохладе, прибывающих деревенских припасов. Глаза его с удовольствием останавливались на пестром смешении разноцветных одежд, грубых загорелых лиц, полных корзин и пыльных стад ослов, волов и баранов. То была ежедневная дань Веги [2]) и окрестных долин, направлявшаяся в город по головокружительно высокому мосту, позлащенному утренним солнцем,—вся нива, все луга, все виноградники, с деревенскими запахами, мычанием, звоном колокольчиков, песнями. Иногда молодой авиланец брал из какой-нибудь корзины на несколько медяков мосамборосского или ахофринского винограду, холодного от росы.

Возвращаясь, он с трудом проходил под многочисленными арками старинной зубчатой башни, венчавшей конец моста. Ноги его попадали в волнующееся стадо коз или баранов; здесь осел наступал ему копытцем на сапог, там какая-нибудь коровница отстраняла его ударом кулака. Нельзя было не оглохнуть под сводом этих ворот, где крестьяне,

[1]) Сокодовер — главная площадь в Толедо.

[2]) Вега — долина, в данном случае долина реки Тахо.

словно нарочно, старались кричать погромче, а колокольчики животных гудели, словно церковные колокола.

Несколько позже, полюбовавшись приспособлением Хуанело, поднимавшим воду из реки в Алькасар, или осмотрев, одну за другой, выставки оружейных мастерских, он заходил в церкви; и почти всегда, за час до вечерней молитвы, лишь подкрутив слегка усы, являлся на Сокодовер и гулял по площади или под арками до позднего вечера.

...Толедо покорял его своей сложной таинственностью. То был город совершенно не похожий на его родной город. Авила, помимо незначительных размеров, была проста, определенна и понятна. И наоборот, ничего не было легче, как заблудиться в причудливых арабесках узеньких улиц Толедо. Небо здесь всегда было видно, как из глубокого рва, и густая синева его выделялась узкой полосой между двойными рядами темных выдавшихся над улицей крыш. В некоторых улицах, тесных, как коридор, фасады домов были всегда темны, и только на самом верху на белой штукатурке вдруг загоралась неожиданная солнечная ленточка.

Над этими тонувшими в тени каналами, закрытые балконы маячили словно таинственные и что-то высматривающие сундуки. Порой белая, как снег, рука появлялась между жалюзи и бросала Рамиро цветок или кусочек „алькорсо". Толстые окованные железом ворота напоминали о бдительности старинных сералей. Рамиро ощущал запах Востока; во всем ему чудилось волшебство, чернокнижие, Коран; и сердце его сжималось от религиозной ненависти, еще сильнее распаленной угрызением совести, когда он проходил по мавританским кварталам, меж ниш, заваленных разноцветными шелками, красными колпаками, зерном, пряностями, духами. Стены на высоте человеческого роста почернели от того же ленивого прикосновения бесчисленных спин и плеч, от которого заметно утончаются колонны мечетей. Скрестив на прилавке волосатые ноги, какой-нибудь обращенный заманивал покупателей, громко ударяя в чашку своих медных весов. Здесь царили та же неумолчная болтовня, та же жестикуляция, те

же яростные и безобидные угрозы, что и в предместье Сантьяго; но во много раз шумнее.

...Он вспомнил старинные предания, какие ему приходилось читать или слышать о Толедо — развратные истории, распространявшие, как одежды любовников, запах лихорадки и похоти. И потому город этот говорил с ним языком его собственной скорби, являлся как бы телесным отражением его души.

Толедо был город раскаяния и скорби, город искупления. Толстые слои извести покрыли и растворили арабески. Исступленные голоса монахов на темных клиросах заглушили в памяти последние отголоски пения муэззинов.

Мечта о загробной жизни, жажда вечного спасения пылала в лихорадочных глазах идальго, одетых почти всегда в черное. Даже дома сделались похожи на монастыри. Жизнь в них протекала бесшумная, тусклая. Маленькая лампадка постоянно озаряла в темных прихожих образ какой-нибудь богоматери, как у ворот беггинских монастырей, а сквозь жалюзи наружу плыли церковные ароматы. Этот оскверненный маврами и евреями город, представлялся Рамиро как бы единым существом, погруженным в беспредельную религиозную скорбь; и в предвечерние часы ему чудились, будто на улицах его он вдыхает веяние вигилий, лихорадочное дыхание бессонницы и покаяния.

Энрике Ларрета. „Подвиг Дон-Рамиро".

АУТО-ДА-ФЕ.

Во главе процессии шли „защитники веры", гордясь яркими перьями на шляпах и медными цепями, пожалованными им Святым Судилищем. Это были случайно избранные солдаты, вооруженные аллебардами, пиками, мушкетами. Они шли торжественным шагом, одновременно и смущенные, и гордые, не решаясь взглянуть на окна. За ними следовали двенадцать священников церкви С.-Висенте с хоругвью; потом, по двое в ряд, верхом на конях темной масти, испанские гранды и именитые кастильские дворяне, все одетые в черное, но осыпанные драгоценностями. У некоторых на плащах были вышиты эмблемы Святой Инквизиции. Народ смотрел

на них сосредоточенно и безмолвно, слышался лишь стук подков, ударявших о камни. Точно процессия черных погребальных конных статуй. Появление первых „раскаявшихся“ снова вызвало шум в толпе. Более двадцати человек этих несчастных, без шапок, без поясов, без капюшонов, шли, подавленные стыдом, держа в руках незажженые свечи желтого воска. Это были отрекшиеся от своих заблуждений, которым предстояло получить прощение перед алтарем. Почти все плакали, бросались к ногам шедших с ними монахов, или с глубокими вздохами целовали им руки и края ряс. У одних, в знак определенных им сотен ударов, висели на шее узловатые веревки, и народ, считая вслух узлы, затягивал хором унылые и насмешливые песни, чтобы увеличить их позор. Другие выделялись издали желтым полотном Санбенитов, и сведущая в деле толпа определяла их преступления и кары при одном взгляде на раскраску этих позорных одеяний, с изображением, то четверти, то половины, то обеих перекладин креста Святого Андрея...

На рослом гнедом коне, внушительный и застывший в своей позе, дон-Гаспар де-Кирога, кардинал-архиепископ Толедо, генерал-инквизитор и первый государственный советник, приближался, окруженный пажами и аллебардщиками. Он был испанским папой и священной маской короля. После мрачной процессии его красное облачение действовало на душу, как трубный звук. За исключением короткой лиловой инквизиторской мантии, весь он от шляпы до башмаков, представлял собою пурпурное пламя. Чело его выражало свящѐнную суровость, глаза ни разу не мигнули. Он проехал беспощадный, как пытка, пышный и мрачный, как ужасное жертвоприношение, которое должен был возглавлять, красный, как костер. Утреннее солнце ярко играло на серебреном чеканном седле, и на золоте и жемчугах светло-лилового чепрака, спускавшегося почти до копыт коня. Никто не осмелился нарушить виватом почтительное молчание.

Палачи вооружились поленьями, и Рамиро заметил, что одна из аллебард приподнялась вся в крови. Однако, одному крестьянину удалось добраться до мавританки и ударить ее по плечу дубиной; старуха ткнула ее в спину привязанными

к палке ножницами; неизвестно откуда взявшееся небольшое копье вонзилось ей в бок.

В эту минуту четыре помощника палача, воспользовавшись возрастающим замешательством, подняли Аишу на кучу дров и, обнажив до пояса, стали привязывать к столбу. Она предоставляла им свое тело и сама откинула назад руки, чтобы облегчить эту пытку. Дивная нагота ее засияла в лучах заката, как светлая слоновая кость.

Когда первые, почти невидимые, языки пламени лизнули ей ступни, Аиша подняла глаза к небу и устремила взор на тонкий серп месяца, слабо мерцавший над городом средь золотых облаков.

Дрова, раздуваемые огромными мехами, затрещали. Дым по временам вспыхивал, образуя желтые и колеблющиеся языки, уносившиеся в пространство. Аиша не шевелилась. Вспыхнули ее длинные волосы. Оставленная на ней юбка вдруг загорелась. Страшная судорога пробежала по всему ее телу. Потом огромный столб дыма и искр сразу окутал ее всю и быстро и грозно взвился в вечерний сумрак. Огонь забушевал. И вдруг, первый порыв вечернего ветра отогнал назад густое дымное облако и показалась голова Аиши, свисавшая с деревянного столба, словно страшный кошмарный плод.

Энрике Ларрета. „Подвиг Дон-Рамиро".

Д. Восток Европы.

РОДОС В ОПИСАНИИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

(Начало XV века).

...Этот город Родос не очень велик и стоит он на равнине на берегу моря; он остров; в нем есть большой замок, который стоит отдельно и окружен оградою и валом со стороны города так же как и извне. Внутри его есть место отделенное и огороженное стеной и башнями, и там находится крепость и дворец великого магистра и его рыцарей; там же внутри находится монастырь, и прекрасная церковь, и большой госпиталь, куда принимают больных. Оттуда из этой крепости рыцари не могут выходить никуда без позволения

начальства. Порт города очень велик и хорошо защищен городскою стеною; в нем есть точно два больших фундамента крепкой работы, которые называются плотинами и входят в море; между ними-то и есть порт, где стоят суда. На одной из этих плотин построено четырнадцать ветряных мельниц. Вне города есть много домов и очень красивых садов с множеством лимонных и апельсинных и других фруктовых деревьев. Жители города и острова родом греки и исповедуют почти все греческую веру. Этот город—важный рынок для товаров, которые приходят сюда с разных сторон, потому что ни один корабль не может итти ни в Александрию, ни в Иерусалим, ни в Сирию, чтобы ни зайти к этому острову или по крайней мере не пройти мимо его. А турецкая земля так близка от этого острова, что ее очень хорошо видно. На острове Родосе есть другие города и замки, кроме города Родоса.

Клавихо. „Дневник путешествия ко двору Тамерлана“.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ—НОВЫЙ РИМ.

...Город Константинополь очень хорошо огражден высокой и крепкой стеною и большими башнями; в этой стене три угла; от угла до угла шесть миль, так что окружность всего города равняется восемнадцати милям, что составляет шесть лиг. Две стороны обращены к морю, а третья к земле; на конце у того угла, который смотрит не на море, стоят дворцы императора. Хотя город большой и окружность его велика, он не весь хорошо населен, потому что внутри его есть много холмов и долин, на которых находятся обработанные поля и сады. Там, где эти сады, стоят всё простые дома. Это внутри города, а самая населенная часть внизу у края города, с той стороны, которая ближе к морю. Самое большое движение в городе возле ворот, которые выходят к морю, особенно у тех ворот, что против города Перы, потому что туда приходят разгружаться корабли и суда. И так как жители того и другого города сходятся торговать между со-

бою, то они торгуют на берегу. Кроме того в городе Константинополе есть много больших зданий, домов, и церквей, и монастырей, из которых большая часть в развалинах. И ясно видно, что прежде, когда этот город был новым, то он был одним из замечательных городов мира. Говорят, что и теперь в этом городе будет три тысячи церквей, больших и маленьких. Внутри города есть колодцы и источники пресной воды; а в одной части города, ниже церкви, которая называется церковью св. Апостолов, есть часть моста, который шел из одной долины в другую чрез дома и сады, и по этому мосту шла вода, орошавшая эти сады и улицу, которая идет около тех ворот города, что против Перы [1]). Посреди улицы, где меняют деньги, вставлены в землю колодки: эти колодки назначены для тех людей, которые подвергаются наказанию, или которые преступают какой-нибудь закон или правило, постановленное городским управлением, или продают мясо или хлеб неверною мерой; таким людим надевают эти колодки и оставляют их там день и ночь, на ветру и на дожде, и никто не смеет подойти к ним. Вне города, между стеной и морем, против Перы стоит много домов, в которых продают разные вещи, и много складов, где держат товары, которые привозят туда из-за моря чтоб продавать. Город Константинополь стоит у моря, как я уже вам сказал, и двумя сторонами прикасается к морю; против него стоит город Пера, а между обоими городами — порт. Константинополь стоит так, как Севилья, а город Пера, как Триана; а порт и корабли между ними. Греки не зовут Константинополь как мы его зовем, а Ескомболи.

... На площади, которая находится перед церковью, стоят девять больших белых мраморных колонн, самых больших и самых толстых, какие, я думаю, кто-нибудь видел; на верху их видны основания и говорят, что на них была прежде построена большая палата, где обыкновенно собирались и совещались патриарх и духовенство. На этой самой площади перед церковью стояла удивительно высокая каменная ко-

[1]) Акведук.

лонна, а на верху ее была поставлена медная лошадь, такая большая и такая высокая, как могли бы быть четыре больших лошади; а на ней была фигура вооруженного всадника тоже из меди с очень большим султаном на голове на подобие павлиньего хвоста. Через эту лошадь были проведены железные цепи, которые были приклепаны к колонне и держали ее, чтобы она не упала и чтобы ее не опрокинул ветер. Эта лошадь очень хорошо сделана и представлена с одной задней и одной передней ногами поднятыми, как если бы она собиралась спрыгнуть вниз; всадник, который сидит на ней, держит правую руку высоко, с кистью открытою, а кистью левой руки он держит поводья и круглый золотой шарик. Эта лошадь и этот всадник так велики, а колонна так высока, что нельзя смотреть без удивления; и эта удивительная фигура всадника, который стоит на этой колонне, говорят, изображает императора Юстиниана, который поставил эту статую и эту церковь и совершил в свое время великие и замечательные подвиги против турок. При входе в эту церковь под сводом, который находится по сю сторону двери, есть навес, опирающийся на четыре колонны, а под ним маленькая часовня, очень богатая и красивая; перед этой часовней есть дверь в церковь, очень большая, высокая и покрытая латунью, а перед нею находится маленький дворик и в нем высокие ходы. Вслед за тем есть другая дверь, покрытая латунью, как и первая, и за этой дверью идет очень широкий и высокий ход, покрытый деревянным потолком; по левую руку его находится очень хорошо отделанный двор с многими плитами и колоннами из яшмы разных цветов; а по правую руку под этим крытым ходом, который находится за второй дверью, и есть самая церковь. В ней пять больших и высоких дверей, покрытых латунью; средняя из них самая большая и высокая: они ведут в самую церковь. Эта церковь округленная и я думаю, что больше, выше, богаче и красивее ее нет другой в мире; округленное место занимает середину церкви и окружено тремя ходами очень большими и широкими; они смежны с самой церковью и не имеют разделения между собой. Самая церковь и ходы имеют над собой хоры, которые доходят до главной части церкви, так что с них можно слушать обедню и часы;

эти хоры соединяются одни с другими, и опираются на колонны из зеленой яшмы, а своды покрывают их вместе с самой церковью; но купол середины церкви поднимается гораздо выше, чем своды ходов; этот купол круглый и очень высокий, так что очень трудно смотреть с низу вверх. Церковь в длину сто пять шагов, а в ширину девяносто три; она опирается на четыре устоя очень больших и толстых, покрытых плитами разноцветной яшмы; от устоя к устою идут очень большие и высокие арки, которые поддерживают середину здания, и они опираются на двенадцать колонн из зеленой яшмы. Между ними есть четыре очень больших колонны, две на правой стороне и две другие на левой, окрашенные одним веществом, сделанным искусственно из порошков, которые называют порфиром; а своды этой церкви покрыты и расписаны богатейшей мозаичной работой; посредине же свода над главным алтарем сделан из разноцветной мозаики очень почитаемый образ бога отца, огромный и очень хорошо исполненный; свод, на котором сделано это изображение бога отца, так высок, что снизу оно кажется величиной с человека, или немного больше, а между тем оно так велико, что, как говорят, от одного глаза до другого три пальма.

Клавихо. „Дневник путешествия".

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОСКВА

а) XVI в.

...Это самый славный изо всех городов Московии, как по своему положению, которое считается срединным в стране, так и вследствие замечательно удобного расположения рек, обилия жилищ и громкой известности своей весьма укрепленной крепости. Именно городские здания тянутся длинной полосой по берегу реки Москвы на пространстве пяти миль. Дома в общем деревянные, делятся на три помещения: столовую, кухню и спальню—по вместимости они просторны, но не огромны по своей постройке и не чересчур низки. Бревна огромной величины подвозятся для них из Герцинского леса; когда их сравняют по шнуру, то кладут

одно против другого, соединяют и скрепляют под прямыми углами, через что наружные стены домов строятся с отменной крепостью, без больших издержек и с великой быстротою. Почти все дома имеют при себе отдельные сады как для пользования овощами, так и для удовольствия, отчего редкий город представляется столь огромным по своей окружности. В каждом квартале (regione) есть отдельная церковь, а на видном месте находится храм в честь богородицы девы, славный своим строением и величиною; его воздвиг шестьдесят лет тому назад Аристотель Болонский, удивительный художник и знаменитый мастер.

У самой главной части города впадает в реку Москву речка Неглиная, которая приводит в движение зерновые мельницы. При впадении эта речка образует полуостров, на краю которого воздвигнута искусством итальянских зодчих удивительно красивая крепость с башнями и стрельницами. В прилежащих к городу полях водится невероятное количество диких коз и зайцев, но на них никому нельзя охотиться ни с сетями, ни с собаками, и на это удовольствие государь соизволяет разрешение только самым приближенным к нему лицам или иноземным послам. Почти три части города омываются реками, остальная же часть окружена очень широким рвом, обильно наполненным водою, проведенною из тех же самых рек. И с противоположной стороны город защищен другою рекою, которая называется Яузой; она также вливается в Москву немного ниже города.

Павел Иовий. „Книга о Московит. посольстве“.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОСКВА

б) XVII в.

...Что касается до Москвы (Musscow), стольного и главного города во всем Великом Княжестве, то она весьма заслуживает того, чтобы подробнее поговорить здесь о ней.

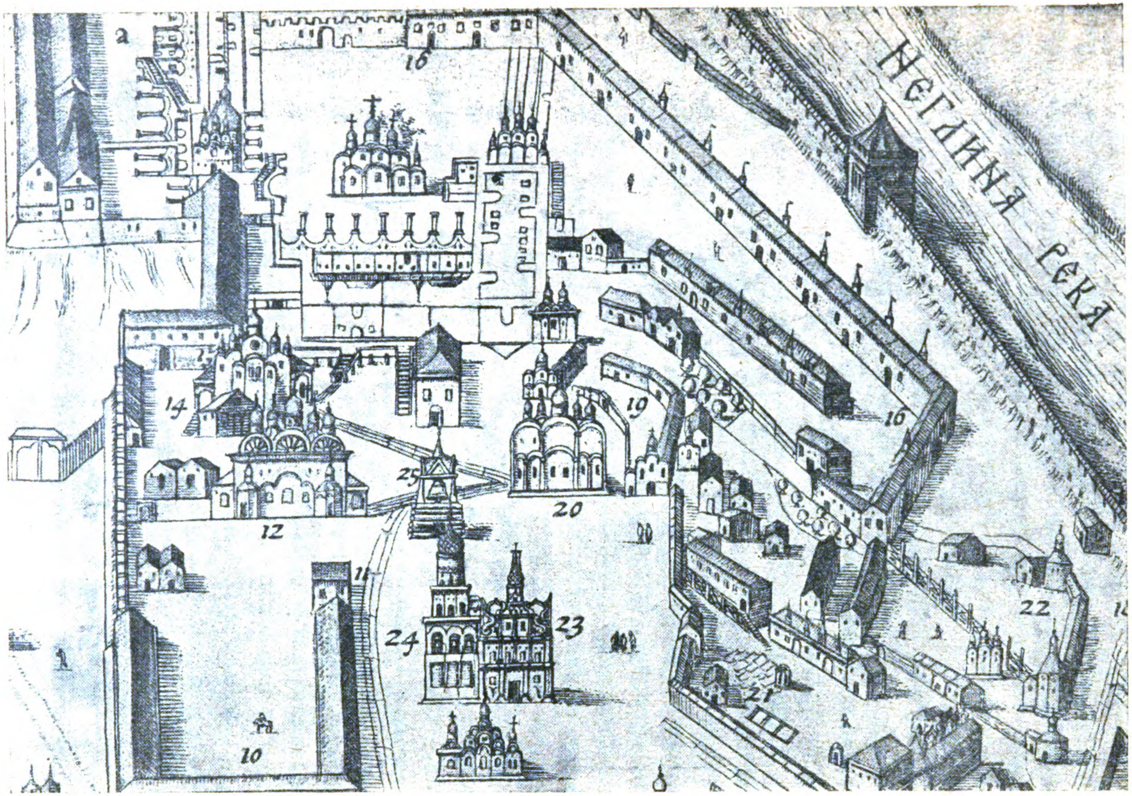
Имя свое получила она от реки Москвы (Mussca), которая течет через город в южной его части и обтекает красную стену...

Город лежит в середине, как бы в сердце страны, и москвитяне полагают, что он отстоит от границ во все стороны на 120 миль, но мили эти, впрочем, не во всех местах одинаковы. Величина его в окружности считается до 3 немецких миль, но в прежние времена он был, должно быть, вдвое больше. Матфий из Мехова (Matthias a Michovia) пишет, что в его время Москва была вдвое больше, чем Флоренция в Тоскане, или Прага в Чехии. Но в 1571 году, во время великого нашествия крымских или перекопских татар, и в другой раз, в 1611 году, поляками она была совершенно выжжена до самого Кремля.

Жилые городские дома (за исключением принадлежащих большим боярам и богатейшим из купцов и немцев, которые на дворах своих имеют каменные палаты) все построены из дерева, из положенных друг на друга (на концах крестообразно) сосновых и еловых балок. Крыши на домах делаются из тесу, поверх которого настилается березовая кора (береста), а иногда и дерн, от чего бывают частые большие пожары, так что не проходит не только месяца, но даже недели, чтобы не сгорело несколько домов, а иногда при сильном ветре, и целых улиц.

Улицы в Москве довольно широки, но осенью и вообще в дождливую погоду ужасно грязны, и грязь там глубокая; поэтому лучшие улицы выложены деревянной мостовой, состоящей из положенных одно подле другого бревен, по которым ходят и ездят, как по мосту.

Весь город москвичи разделяют на 4 главные части (округа): первый из них называется Китай-город, т.-е. средний город, потому, что он занимает самое среднее место города; он обведен толстою красною каменною (из красного кирпича?) стеною, которая и называется „Красная стена“ (Crasna stenna). С южной стороны, как выше сказано, он замыкается рекою Москвою (Musska), а с северной — рекою Неглинной (Neglina), которая позади Кремля соединяется с рекою Москвою. Почти половину этой части города занимает Великокняжеский замок Кремль (Schloss Krämelin), который величиною с порядочный город, обведен тройной толстой каменной стеною и глубоким рвом и достаточно

Москва XVII в.

снабжен отличным оружием и воинами. Внутри стен находится много богатых каменных зданий, палат (дворцов) и церквей, занимаемых и посещаемых великим князем, патриархом, важнейшими государственными советниками и боярами. Хотя прежний великий князь, Михаил Федорович, бывший еще в живых тогда, когда мы были в Москве и выстроил хорошие каменные палаты, а для сына своего, теперешнего Великого князя, великолепнейший дворец и палаты в итальянском роде, но сам, как говорили нам, ради здоровья, жил в деревянном дворце. Нынешний патриарх тоже выстроил, для помещения своего, великолепнейший дворец, который разве немного чем будет похуже великокняжеского.

Кроме двух монастырей, мужского и женского, насчитывается в нем до 50 каменных церквей, из которых замечательнейшие и самые большие: Троицы, Марии (Успения), Михаила (в нем погребаются великие князья) и Николая. В одной из этих церквей, находящейся в левой стороне (мимо которой мы проходили на представление), есть огромной величины двери, о двух сторонах, все обитые толстым листовым серебром.

Все эти, равно как и все другие каменные церкви по всей стране, имеют по 5 белых башен (глав), на вершинах которых водружены тройные кресты. Но в Кремле церковные главы покрыты гладкою крепко золоченою жестью, которая при солнечном свете ярко блестит и тем придает всему городу снаружи великолепный вид, так что некоторые из нас, когда въезжали в город, говорили: „Снаружи город кажется Иерусалимом, внутри же он Вифлеем“.

На самой середине площади в Кремле стоит чрезвычайно высокая колокольня, называемая Иван Великий (Gross Hans), глава которой обита упомянутой сейчас золоченой жестью, а на самой колокольне множество колоколов. Рядом с этой стоит другая колокольня, на которой вылит самый большой колокол, весом в 356 центнеров, при великом князе Борисе Годунове (Boris Gudenow). В этот колокол звонят только во время больших торжеств или в праздники (Brasnick), как называют их русские, а также при встрече великих послов и при шествии их на торжественное представление.

...В этом же **Кремле находятся великокняжеские казнохранилища, продовольственные и пороховые дома.**

Вне Кремля, в части Китай-город, с правой стороны больших Кремлевских ворот, стоит искусно построенная церковь Троицы (S. Trois), строитель которой, по окончании ее, был ослеплен, по приказанию тирана, с той целью, чтобы он уже не мог сделать другой подобной.

Недалеко от этой церкви находится упомянутая мною площадь, на которой прямо на земле лежат несдвигаемо два огромных металлических куска, по направлению к большой улице, через которую татары обыкновенно делали свои вторжения. Перед Кремлем находится самый большой и лучший рынок во всем городе, полный по целым дням торговцев, мужчин и женщин, рабов и праздношатающегося народу: недалеко от площади торговки имеют свои лавочки с полотняным товаром; некоторые из торговок, стоя, торгуют мелкими вещами, держат во рту перстни, обыкновенно с бирюзою, продают их, при чем, как сообщали мне, некоторые из них торгуют еще и кое чем другим.

На рынке и в соседних с ним улицах устроены известные места и лавки для всякого рода товаров и промышленных изделий, так что в одном месте можно найти только одинаковые товары. Продавцы шелковых, суконных товаров, золотых дел мастера, седельники, сапожники, портные, скорняки (Bundmacher oder Körszner) шапочники и другие, каждый имеют свои особые улицы, в которых и торгуют своими товарами. Такой порядок очень удобен, потому что каждый знает, куда ему итти и где он может купить то или другое. Недалеко же от Кремля, в улице, идущей направо, находится их иконный ряд, где исключительно продаются писанные образа их древних святых. Русские, впрочем, куплю икон не называют куплею, а говорят, что они выменивают их на деньги, и при этом большого запроса не бывает.

Далее направо, когда пойдешь от Посольского двора в Кремль, есть особая площадка, на которой русские во время хорошей погоды сидят под открытым небом, бреются и стригутся. Рынок этот называемый у них вшивый (Lausemarckt),

до такой степени устлан толстым слоем волос, что ходишь по нем точно по подушке.

В этой части живут также лучшие и знатнейшие гости или купцы, а равно и некоторые из московских князей.

Другой округ города, называемый Царьгород (Zaar gorod), лежит в форме полумесяца, окружен также крепкой каменной стеной, которую русские называют Белая стена (Biela stenna), и посреди его течет река Неглинная. Здесь живут многие бояре и московские князья, боярские дети (Sinbojaren), или благородные люди (Edelleute), важнейшие граждане и купцы, которые ведут торговлю в разных местах по всей стране; кроме того, здесь живут всякого рода промышленники, преимущественно же хлебники. Тут же находятся семянные и мучные лавки, мясные, скотный рынок, кабаки с продажею пива, меда и водки. В этом округе находятся и конюшни его царского величества, а равно и Монетный или Литейный двор, стоящий на месте, называемом Поганый Пруд (Poggana brut), при речке Неглинной, на котором выливается множество пушек и большие колокола...

Третья часть города Москвы называется Скородом (Skorodom), самая крайняя простирающаяся на север, восток и запад около Царьгорода; она имела некогда, до сожжения города татарами, как говорят, до 25 верст или 5 немецких миль в окружности: Река Яуза (Jagusa) протекает эту часть города и впадает в реку Москву. В этой же части города находится дровяной и, упомянутый выше, домовой рынок, на котором можно купить дом и в два дня выстроить его совершенно готовым на другом месте города, потому что продающиеся бревна все заготовлены, пригнаны друг к другу, и их стоит только сложить на новом месте и проконопатить мхом.

Четвертая часть города называется Стрелецкая Слобода (Streilitza Slawoda) она лежит в южной части, за Москвой рекой, в сторону к татарской земле, окружена заборами на подобие частокола или изгороди из кольев и деревянными больверками. Часть эта построена отцом тирана, Васильем, для иноземных воинов: поляков, литовцев и немцев.

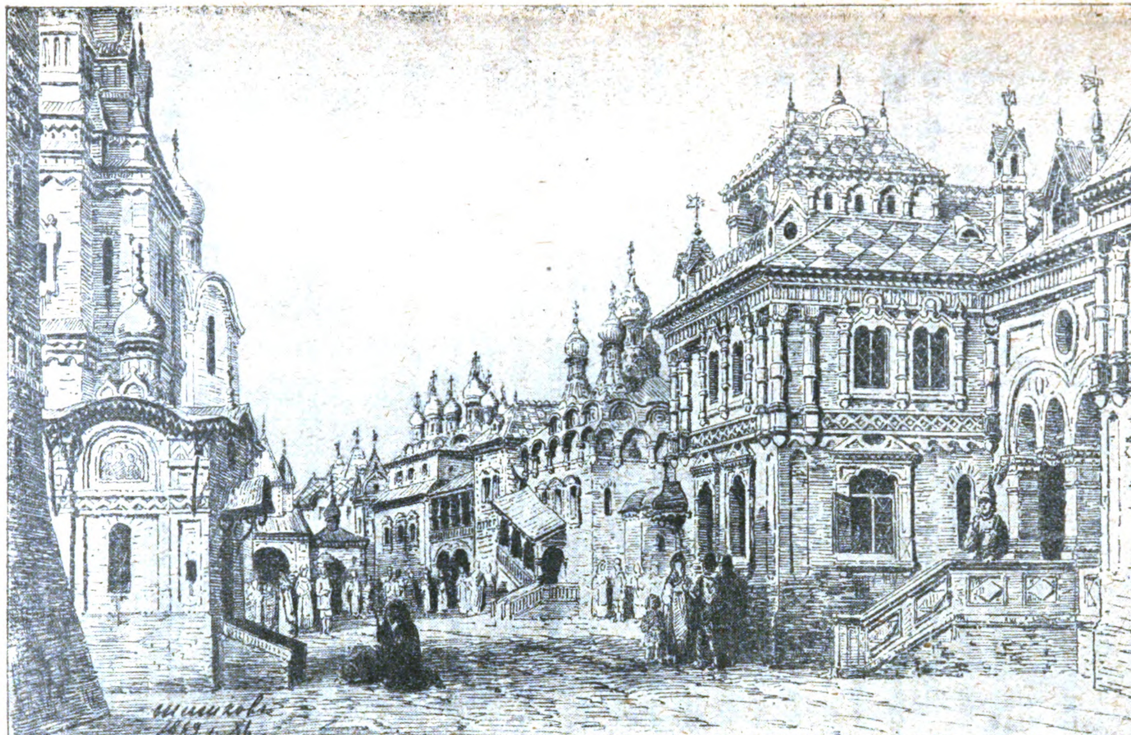
Олеарий. „Путешествие в Московию“.

ДЕНЬ В СТАРОЙ МОСКВЕ.

Попробуем перенестись воображением за триста, четыреста лет назад и проследим то, что подскажут нам мысль и чувство в воссозданном смутном образе того, что когда-то было. Центр средневекового уклада жизни города сосредоточивался в Кремле. Здесь были главные храмы, жил царь, митрополит и самые богатые и властные мужики-бояре; здесь находились приказы на Ивановской площади, где шли суды и расправы. Окруженный со всех сторон водой и рвами, он имел вид неприступного „замка“ — как его и называли иностранцы. С юга его замыкала река Москва и двойная стена, со стороны Красной площади — глубокий ров, обложенный кирпичем и наполненный водой по подземной трубе из верхнего Неглинного пруда, находившегося за Воскресенским мостом, там, где теперь площадь перед думой; с запада, на месте теперешнего Александровского сада, — глубокие Неглинские нижние пруды с мостами и мукомольными мельницами при них. Взглянув на Годуновский план Кремля, еще более убеждаешься в том, какая громадная разница в характере построек между пригородами и собственно городом-кремлем. Там — дерево, солома, здесь же белокаменные златоверхие храмы, крепкие двойные и тройные стены с высокими башнями, каменные дворцы-терема и даже водопровод. По тем незначительным остаткам Кремля, какие уцелели от вандализма честолюбивых чиновников, и судя по гравюре Пикара начала XVIII века, можно до некоторой степени представить все богатство и красоту тогдашнего Кремля. Если бы он оставался нетронутым даже в том виде, какой имел в начале XVIII века, то это был бы единственный архитектурный памятник средневековья, не уступавший по цельности впечатления острову Сен-Мишель в Бретани. Кремль прежде всего казался буквально битком набитым каменными зданиями. Огромнейший дворец, начинавшийся под горой запасным дворцом и взбиравшийся на гору грудой теремов со всевозможными надстройками и пристройками, имел не одну тысячу комнат. Соборы, церкви, приказы, частные дома, башни, кото-

рых внутри Кремля находилось три, и все они в царском дворце, занимавшем юго-западный угол Кремля — это был отдельный, собственно царский кремль-замок. Эти башни: Гербовая — над Колымажными воротами, ведущими на площадь у Спаса на Бору перед теремами; круглая—в нижнем набережном саду и третья — над воротами в конюшенном дворе, с часами. Золотой купол, изразцы, сверкающие яркими цветами, черепичные поливные кровли на башнях, узорчатые золотые кресты, как жар горящие в небе, ряды слюдяных окон в замысловатых переплетах—как это все было оригинально и красиво.

Кремль был продукт векового народного творчества: здесь вылилось в осязательную форму все то, что могло создать оно. Складывались про него былины, сказки; он принимал облик сказочного жилища Жар-птицы. Что такое эти архитектурные фантастические мотивы, постоянно встречающиеся на древних иконах московских писем в виде башен, теремов, чудных каких-то фронтонов вроде закомар и кокошников, как не отголоски сказочного современного им Кремля? Не удивительно после этого, что Кремль во все времена был центром города — Москва жила им. Отсюда волны народной жизни растекались по Красной площади и по улицам и переулкам Китай-города. На Красной площади с утра и до вечера толпился праздный и деловой народ, по пути узнавая новости и слушая бирючей, возвещавших царские указы. Отсюда вести разносились по всему городу: то о войне, то о казнях и новых налогах и поборах. Отсюда же, вероятно, волны народной жизни, взбудораженные кознями бояр и насилием тиранов, ударялись о кремлевские твердыни, порождая смуты, бунты и крамолу. Красная площадь для Москвы была и Великий торг, и то же, что Форум для старого Рима. Здесь стояла трибуна „ростра" или как у вечевиков „степень" — Лобное место. Отсюда по Москворецкой улице — рукой подать — был калачный и рыбный ряд или, как называют теперь в провинции „обжорный ряд". За грош — за два здесь был сыт обыватель. А в Китай-городе — кружала и харчевни, и погреба в Гостином дворе с фряжскими винами, продаваемыми на вынос в глиняных и медных кувшинах и кружках. Тут же брадобреи, стри

Дом Бориса Годунова (Постановка Шишкова 1869 г.).

гуны для желающих, прямо на открытом воздухе занимавшиеся своим ремеслом, отчего за многие годы накопился на улице такой слой человеческих волос, что по нему ходили и ездили, как по войлоку; поэтому и название ряда было „вшивый". Здесь же на Крестцах, перекрестках улиц, неожиданно раздавшийся вопль и причитания о покойнике, говорили о том, что родственники узнали в выставленном на показ божедомами покойнике своего сродника... Здесь же с бирюзовыми колечками во рту зазывали прохожих в кружала и притоны словоохотливые веселые женщины. Слышен был плач детей-подкидышей, вынесенных сюда в корзинах все теми же божедомами, собирающими добровольные приношения на их пропитание... Пройдет толпа скоморохов с сопелями, гудками и домрами... Раздастся оглушительный перезвон колоколов на низкой деревянной на столбах колокольне... Склоняются головы и спины перед проносимой чтимой чудотворной иконой... Раздается захватывающая разгульная песня пропившихся до последней нитки бражников... Гремят цепи выведенных сюда для сбора подаяния колодников... Крик юродивого, песня калик перехожих... Смерть, любовь, рождение, стоны и смех, драма и комедия — все завязалось неразрывным непонятным узлом и живет вместе, как проявление своеобразного уклада жизни средневекового народного города.

Но вот, день клонится к вечеру, пустеют улицы и площади: народ разошелся кто по домам, кто по церквам к вечерне и всенощной, а кто в бани. Насколько москвичи любили бани, можно судить по тем подробностям, с какими они изображены на всех планах старой Москвы: у Олеария, Мейерберга, на Сигизмундовском и других. Они помещены у Пушечнолитейного двора направо от длинного охотнорядского моста, на месте современного метрополя, где они существовали вплоть до постройки этого дома. Серебрянские — у Яузского моста; они существуют и по сие время, и гравюра XVIII века, изображающая эти бани, вполне передает их вид, какой они имели и в XVII веке. Бани на Москве реке у Москворецкого моста и у Каменного; в последнем случае, повидимому, на том самом месте, где они существуют и в наше время. Характерная особенность, с какой все они изображены, — это отсутствие

крыш. Подобные бани можно встретить и теперь по деревням: крыша заменена у них толстым слоем дерна, наваленного на бревенчатую настилку потолка, вероятно, для большей сохранности тепла. Затем все бани помечены с журавцами для подъема воды в банные желоба из Москвы реки или прудов. Подобные журавцы встречаются и теперь по всей Руси для подъема воды из колодцев. На миниатюре в одном синодике половины XVII века изображен пресвитер в предбаннике с банщиком, снимающим с ноги его сапог; между ними, видимо, идет мирный разговор; на фоне этой жанровой картины над крышами зданий изображен журавец и банщик при нем, подымающий воду. У бояр, именитых купцов бани, баньки и мыленки стояли по дворам и в садах и были часто липовые со всеми удобствами и комфортом. В таких банях парились в душистом пару от брошенных на каменицу мяты или зори, которые можно встретить и теперь в провинции, растущими у бань большими кустами.

Но вот вышли последние посетители из общественных бань, отошли даже всенощные. Заскрипели на все лады тяжелые городские по башням ворота, окованные железом, — и в Деревянном городе и в Белом, и Китай-городе, и Кремле, и у царя на дворе — день кончился. Теперь ни в город никому не пройти, не проехать, ни из города: всюду решеточные сторожа, привратники, крепкие засовы и замки, а где и подъемные мосты. Догорают последние огни в слюдяных, паюсных и брюшинных окнах; закрывают ставни, закрепляют оконные заслоны изнутри, настает ночь, — тревожная, темная, чреватая бедами и напастями. Кто хочет пробраться к сродникам или кто запоздал, засидевшись в гостях, бери фонарь и крепкую охрану с сулицами и кистенями, а то быть на утро неосторожному у божедомов. Выползут из-под мостов, из землянок с окраин московские темные люди; идут крадучись возле уснувших домов... Лай собак стоит над городом, постукивание в била сторожей и их оклики, да слышно, как шумят мельницы у мостов. Спят серебреники, не стучат молоты в кузнецком конце, замолкли Гончары, Хамовники безмолвны, и пусты их улицы. Где-то крик о помощи... Вдруг набат, завыли псы... всколыхнуло зарево над Москвой! Ревет, сзывает сполошный

колокол на кремлевской башне, что у Фроловских ворот. Отвечает ему тревожным криком какая-то маленькая деревянная церковка, ярко освещенная заревом сверху до низу. А тати не дремлют; им пожива. Крепче замкнули решеточные сторожа уличные решетки, участилась дробь колотушек караульщиков: того и гляди пожаром воспользуются грабители и выкрадут казну из амбаров. Так и случилось в 1595 году. Несколько головорезов с какими-нибудь типичными прозвищами вроде Онипко Беспалый да Ондрейко Сухота затеяли ограбить великую казну бояр и купцов, хранившуюся в кладовых под Василием Блаженным, воспользовавшись для этого темной бурной ночью и пожаром, который они хотели произвести, запалив Москву с четырех сторон. Но замысел был открыт, и они поплатились за него своими буйными головами, сложив их где-нибудь на болоте или „у той же лужи поганой". Но вот еле заметный свет утра крался на небе. Загудели колокола на Иване, пошли перезвоны по всей Москве к заутрене и ранней обедне — начался день, опять заскрипели городские ворота, впуская мужиков из деревень с провизией и запоздалых с вечера приезжих гостей, ночевавших за городом по постоялым дворам и дожидавшихся рассвета. Загремели замки и цепи в Гостином дворе, застучали молоты в кузнецком конце, и в Серебрениках, и у Котельников, заскрипели банные журавцы, пошли по площадям блинники, кисельники, сбитенщики, вывалил московский народ на улицы — пошел чередою шумный день.

Ап. Васнецов. „Облик старой Москвы".

ЧАСТЬ III.

Города Востока и Америки во время образования новых торговых путей.

а) Азия.

Несколько слов разъяснения надо сказать относительно особенностей материала по средневековому Востоку. Средневековая Индия мало известна. Быть может отрывки, привлеченные нами покажутся короткими и мало пригодными для обобщений и заключений. Но ценность их главным образом в том, что это подлинные документы глубокой древности. Отрывок из индийского поэта Асвагоши, конечно, не дает картины средневекового Бенареса. Всего лишь несколькими штрихами очерчивает он тишину и сельскую прелесть этого и тогда уже полного священными воспоминаниями города — храма. Современное описание его (см. кн. II) докончит эту картину и скажет нам, что она осталась в общих чертах той же, что и была на протяжении всех веков, отделяющих нас от Асвагоши. Описание индусских городов XV в. данное нашим русским купцом-путешественником, Афанасием Никитиным, полное наивного удивления, наметить образы двух столиц в эпоху междоусобий и деспотизма, — городов пышных и укрепленных естественно и искусственно...

Города Китая представлены у нас двумя отрывками из М. Поло. Первый из них Кинсаи, мы берем как город по преимуществу китайской культуры; город же Пекин взят в эпоху монгольского владычества — это столица завоевателей на туземной территории, место встречи двух культур. Мы основывались в данном случае на старой традиции комментаторов М. Поло. Китаисты последнего времени склонны скептически относится к точности сведений М. Поло. Но думается, что образ города, воспроизведенный знаменитым путешественником XIII века имеет интерес и сам по себе.

СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД В КИТАЕ

(XIII в.).

...Величавый город Кинсаи, а по французски это значит „Небесный город". Пришли мы вот сюда и расскажем вам все о величии этого города; поговорить о нем следует, без спору это самый лучший, самый величавый город в свете... Говорилось в том писании прежде всего, что город в округе около ста миль, и двенадцать тысяч каменных мостов в нем, а под сводами каждого моста или большей части мостов суда могут проходить, а под сводами иных суда поменьше. Не удивляйтесь, что мостов тут много; город, скажу вам, весь в воде, и кругом вода: нужно тут много мостов, чтобы всюду пройти. Говорилось еще в том писании, что было там двенадцать ремесел и для каждого ремесла было двенадцать тысяч домов:, в каждом доме было по меньшей мере десять человек, а в ином пятнадцать, а то тридцать или сорок, не все, конечно, мастера, но и работники, что по указанию мастера работают; и всем было дело, потому что отсюда снабжаются многие другие города в области.

Много здесь богатых купцов, и шибко они торгуют; и никто об этом истинной правды не знает, так тут много купцов. Скажу вам еще, знатные люди и их жены, и те мастера, о которых вам рассказывал, собственными руками ничего не делают, живут в таком довольстве и так чисто, словно цари; и жены их тоже в довольстве и такие красавицы. По велению царя, всякий занимался отцовским ремеслом, и хоть бы у него было сто тысяч безантов, заниматься другим ремеслом он не мог. — К югу есть озеро, добрых тридцать миль в округе; по берегам много прекрасных дворцов и красивых домов; выстроены они на славу; богаче и лучше их и придумать нельзя, и то дома знатных и именитых людей. Много тут еще аббатств и языческих монастырей; идолов там многое множество. А посреди озера, скажу вам еще, два острова, и на каждом по дворцу роскоши изумительной; выстроены они на славу, а убраны словно императорские. Когда они свадьбы играют или пиры задают,

так ездят в те дворцы и там пируют; тут все нужное для пира, и посуда, и ножи, и блюда. Домов хороших в этом городе всюду много. Есть там большая каменная башня; когда случится в городе пожар, жители сносят туда свое добро; а пожары там частые, оттого что деревянных домов много. Живут здесь идолопоклонники, подданные великого хана. Деньги у них бумажные. Едят они всякое мясо, и собачье, и всяких диких зверей, и вообще всех животных. Христианин ни за что на свете не стал бы этого есть.

Скажу вам еще, днем и ночью, каждый мост сторожат десять человек, чтобы не было в городе бесчинства и шума. И вот еще что: есть в городе гора, а на ней башня, а в башне той деревянная доска, и приставлен к ней человек с молотом, и всякий раз, как ударит он молотом по доске, слышно это далеко. Случится ли в городе пожар или шум какой, доска гудит. Крепко стережет этот город великий хан, и много тут его войска; город этот самый главный в области Манги. Богатства тут много, и доход великого хана большой; коль порассказать о нем, так и веры не дадут. Боится еще великий хан, что город взбунтуется, а потому и велит большому войску крепко сторожить его. В этом городе, знайте по истине, все улицы вымощены камнем и кирпичем, так точно все дороги в области Манги; и верхом ездить и пешком ходить по ним хорошо. В этом городе, скажу вам, добрых четыре тысячи бань; есть и ключи, где люди нежатся; по нескольку раз в месяц ходят туда, потому что чистоту в теле соблюдают; бани эти самые красивые, самые лучшие и самые просторные в свете; они так просторны, что зараз тут могут мыться сто мужчин или сто женщин. В двадцати пяти милях от этого города на северо-восток и восток — море-океан. Есть тут город Гань-фу, славная там пристань; приходят сюда из Индии и других стран большие суда с разными дорогими товарами. От города к пристани течет большая река; по ней суда поднимаются до самого города и далее в другие места, за городом.

Марко Поло. „Путешествие в Азию“.

ПЕКИН — СТОЛИЦА ВЕЛИКОГО ХАНА.

...Три месяца в году, декабрь, январь и февраль, великий хан живет в главном городе Китая Кабалуте: там его большой дворец, и вот он каков прежде всего: квадратная стена; каждая сторона миля в длину, а в округе, значит, четыре мили; стена толстая, в вышину добрых десять шагов, белая и кругом зубчатая; в каждом углу по красивому, богатому дворцу; в них хранится сбруя великого хана, луки, колчаны, седла, конские узды, тетивы, все, что нужно на войне; есть еще по дворцу у каждой стены, такие же как угольные; всего по стенам восемь дворцов, и во всех сбруя великого хана; в каждом, знайте, одно что-нибудь: в одном луки и ничего иного, в другом — только одни седла, и так в каждом дворце одно что-нибудь. В стене, на юг, пять ворот; по середине большие, открываются только, когда великий хан выезжает или въезжает; подле них с двух сторон по воротам; ими входят все прочие люди; а по углам есть еще по большим воротам, ими входит всякий.

За этой стеной есть другая, в поперечнике поменьше, нежели в длину; и тут восемь дворцов, таких же, как и первые, и в них также хранится сбруя великого хана. На юг в этой стене, как и в первой, пять ворот; и по углам ворота так же, как и там; посредине дворец великого хана, выстроен он вот как: такого большого нигде не видано; второго этажа нет, а фундамент над землею десять пядей; крыша превысокая. Стены в больших и малых покоях покрыты золотом и серебром, и разрисованы по ним драконы и звери, птицы, кони и всякого рода звери; и так-то стены покрыты, что кроме золота и живописи ничего не видно. Зало такое просторное, более шести тысяч человек может там обедать.

Диву даешься, сколько там покоев, просторных и прекрасно устроенных, и никому на свете не выстроить и не устроить покоев лучше этих. А крыша красная, зеленая, голубая, желтая, всех цветов; тонко да искусно вылощена, блестит как кристальная и светится издали, кругом дворца.

Крыша эта, знайте, крепкая, выстроена прочно, простоит многие годы. Между первой и второй стеной — луга и прекрасные дерева, и всякого рода звери; есть тут и белые олени, и зверьки с мускусом, антилопы и лани и всякие другие красивые звери, и за стенами только по дорогам, где люди ходят, их нет, а в других местах и там много красивых зверей. В северо-западном углу большое озеро, и много там разных рыб. Великий хан приказал напустить туда рыб, и всякий раз, когда захочется ему рыбы, сколько нужно там и есть. Берет там начало и вытекает из озера, скажу вам большая река, рыбе выход железными и стальными сетями загорожен. От дворца на север, скажу вам, на один выстрел из лука великий хан приказал устроить холм. Холм в вышину сто шагов, а в округу тысячу; весь он покрыт деревами; они всегда в зелени, никогда не бывают без листьев. Когда кто великому хану расскажет о каком-нибудь красивом дереве, он приказывает вырыть то дерево с корнями и с землею и на слонах привезти к тому холму; как бы велико не было дерево, его привозят, и самые красивые в свете дерева тут. Холм этот великий хан приказал покрыть лазуриком зеленым; и дерева тут зеленые, и гора зеленая, и все зеленое, и зовется возвышенность зеленым холмом. На вершине, посередине — дворец, большой красивый и весь зеленый. Так это все, и гора и дерева, и дворец — с виду прекрасно, смотришь, и сердце веселится. Оттого-то и устроил все это великий хан, чтобы было на что порадоваться.

... Рассказал вам о дворцах и описал их, теперь расскажу о великом граде Китая, где эти дворцы; расскажу зачем он был выстроен и как тут стоял большой и знатный старый город, назывался он Канбалу, а по нашему царский город.

Узнал великий хан чрез звездочетов, что поднимается этот город и станет бунтовать против него, и велел он выстроить по близости к нему другой город; между двумя городами была только река; из старого города великий хан выселил жителей в новый и назвал его Тайду. А величиною этот город вот какой: он квадратный, в округи двадцать четыре мили; все четыре стороны равны; обнесен он земляным валом, в вышину шагов двадцать, а в толщину внизу шагов десять; наверху

стена не так толста, как внизу; чем выше, тем тоньше, на самом верху шага три в ширину. Стена зубчатая, белая; в ней двенадцать ворот, и у каждых ворот по большему и красивому дворцу; на каждой стороне по трое ворот и по пяти дворцов, потому что тут на каждом углу еще по дворцу. В дворцах большие покои, куда складываются оружия городской стражи. Улицы в городе, скажу вам, широкие, прямые, из конца в конец все видно, из одних ворот в другие. Много там прекрасных дворцов, отличных гостиниц, и много славных домов. Посреди города большой дворец с великим колоколом; звонит тот колокол ночью, чтобы никто не смел ходить по городу после третьего бою; пробьет колокол, по указанному, три раза, никто и не смеет ходить по городу, разве только те, кто к роженицам, да к больным идут, да и те идут с фонарями. Каждые ворота, скажу вам, указано сторожить тысяче людей, не потому, чтобы народа боялись, а ради почета великому хану, когда он там живет, да чтобы воры не бесчинствовали в городе.

М. Поло. „Путешествие в Азию".

САМАРКАНД — СТОЛИЦА „МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ" ТАМЕРЛАНА [1]).

...Город Самарканд лежит на равнине и окружен земляным валом и глубокими рвами; он немного больше города Севильи (т.-е. то, что внутри вала), а вне города построено много домов, присоединяющихся к нему как предместья с разных сторон. Весь город окружен садами и виноградниками, которые тянутся в иных местах на полторы лиги, а в иных на две, и стоит посреди них; промежду этими садами есть улицы и площади очень населенные, где живет много народу и продается хлеб, мясо и многое другое; так что то, что выстроено вне вала гораздо больше того, что внутри. В этих садах находящихся вне города, есть много больших и важных домов,

---

[1]) Тимуря.

и у самого царя там есть дворцы и главные кладовые. Кроме того у многих знатных горожан есть в этих садах дома и помещения. Сколько этих садов и виноградников, что когда приезжаешь к городу, то видишь точно лес из высоких деревьев, и посреди его самый город. По городу и по садам идет много водопроводов. Промежду этими садами разведено много дынь и хлопка. Дыни в этой стране очень хороши и обильны. Около рождества у них бывает столько дынь и винограду, что удивительно: каждый день приезжают верблюды, нагруженные дынями, в таком количестве, что нельзя не изумляться, как они продаются и потребляются.

...Эта земля богата всем, и хлебом, и вином, и плодами, и птицами, и разным мясом; бараны там очень большие и с большими хвостами: есть бараны с хвостами весом в двадцать фунтов, столько, сколько человек может удержать в руке. И этих баранов столько, и они так дешевы, что когда царь был там со всем своим войском пара их стоила дукат. Другие товары были тоже так дешевы, что за одно мери, которое стоит пол реала, давали полторы фанеги ячменю. Хлеб так дешев как нельзя больше, а рису просто нет конца. Так изобилен и богат этот город и земля, окружающая его, что нельзя не удивляться; а за это богатство он и был назван Самаркандом. Настоящее имя его Симескинт, что значит богатое селенье, так как симес у них значит большой, а кинт селенье; и отсюда взялось имя Самарканд. Богатство его заключается не только в продовольствии, но и в шелковых тканях, атласе, камокане, сендале, тафте и терсенале, которых там делается очень много, в подкладках из меха и шелка, в притираньях, пряностях, красках золотой и лазоревой и в разных других произведениях. Поэтому царь так хотел возвеличить этот город, и какие страны он ни завоевывал и ни покорял, отовсюду привозил людей, чтобы они населяли город и окрестную землю; особенно старался он собирать мастеров по разным ремеслам. Из Дамаска привез он всяких мастеров, каких только мог найти: таких, которые ткут разные шелковые ткани, таких, что делают луки для стрельбы и разное вооружение, таких, что обрабатывают

стекло и глину, которые у них самые лучшие во всем свете. Из Турции привез он стрелков и других ремесленников, каких мог найти: каменщиков, золотых дел мастеров, сколько их нашлось; и сколько их привез, что каких угодно мастеров и ремесленников можно найти в этом городе. Кроме того, он привез инженеров и бомбардиров и тех, которые делают веревки для машин; они посеяли коноплю и лен, которых до сих пор не было в этой земле. Сколько всякого народу со всех земель собрал он в этот город, как мужчин, так и женщин, что всего, говорят, было больше полутораста тысяч человек. Между ними было много разных племен: турок, арабов и мавров и других народов, армянских христиан, и греков католиков, и наскоринов, и якобитов, и тех христиан, которые совершают крещение огнем на лице, и имеют некоторые особые понятия. Этого народу было столько, что он не мог поместиться ни в городе, ни на площадях, ни на улицах, ни в селениях; и даже вне города, под деревьями и в пещерах его было удивительно как много. Кроме этого город изобилует разными товарами, которые привозятся в него из других стран: из Рушии и Татарии приходят кожи и полотна, из Китая шелковые ткани, которые в этой стране приготовляются всего лучше, особенно атласы, считающимися лучшими в мире, а самые лучшие те, которые без узоров. Кроме того привозятся мускус, которого нет нигде на свете кроме Китая; рубины и брилльянты, так что большая часть тех, которые есть в этой стране, привозятся оттуда; жемчуг, ревень и много разных пряностей. То, что идет в этот город из Китая, дороже и лучше всего, что привозят из других стран. Жители Китая считают себя самыми искуссными людьми во всем мире; они говорят, что у них два глаза, что мавры слепые, а у франков один глаз; и что во всем, что они делают, они превосходят все народы в свете. Из Индии в этот город идут мелкие пряности, т.-е. самый лучший сорт: мускатные орехи, гвоздика, мускатный цвет, корица, инбирь, цвет корицы, манна и разные другие, которые не отправляются в Александрию. В городе есть много площадей, где продают мясо, вареное и приготовленное разным образом, и кур и птиц, очень чисто приготовленных, также

хлеб и плоды, все в большой чистоте; эти площади и днем и ночью полны и на них идет постоянно большая торговля. Также есть много мясных, где продают мясо, и кур и куропаток, и фазанов, и все это можно найти днем и ночью. В конце города стоит замок, с внешней стороны как будто на плоском пространстве, но окруженный очень глубоким рвом, который образуется ручьем, и от этого рва замок делается неприступным. В нем царь хранил свою казну, и туда не входил никто, кроме алькада и его людей: в этом же замке царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы, и круглый год работали для него.

Клавихо. „Дневник путешествия ко двору Тамерлана".

БИБИ-ХАНЫМ.

(Мечеть в Самарканде).

Было воздвигнуто 480 колонн, отесанных из камня, каждая из которых имела в длину семь гязов. Высокий потолок и прекрасный пол ее (мечети) весь сложен из каменных отесанных плит, так что высота (от пола) до потолка равна 9 гязам. Если ты ищешь сравнения для арки и купола ее максуры, ничего нельзя сказать кроме как: млечный путь и небесный свод. Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением, и единственной была бы арка, если бы млечный путь не оказался ей парой.

Шерир-ад-дин-ал-Язды. „Книга о победах"[1]).

СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД БЕНАРЕС.

...До Бенареса дошел он,
До превосходной страны.
Два там, в середине, потока,
Реки сливались мерцая
Варана — имя прохладной,
Имя пленительной — Ганг.

[1]) Перев. А. Ю. Якубовского. См. его статью „Образы старого Самарканда". Журнал „Восток", кн. 5-я.

Светлые пажити, рощи,
Много цветов разноцветных,
Много плодов золотистых,
Мирно пасутся стада.
Тихая это обитель,
Нет в ней докучного шума,
Старые Риши там жили,
Чтя невозбранный покой,
Это блестящее место
Сделалось вдвое светлее,
Воспринимая сиянье
Вновь воссиявших лучей [2]).

Асвагоша. „Жизнь Будды".

ГОРОДА ИНДИИ В ОПИСАНИИ РУССКОГО КУПЦА

(XV в.).

а) Бидар—столица мусульманской Индии.

... Бедерь же их стол Гундустану Бесерменьскому, а град есть велик, а людей много велми. ... В Султанове же дворе семеры ворота, а в воротех сидит по сту сторожев да по сту писцев Кафаров: кто поидет и они записывают, а кто выидет и они записывают; а Гарипов не пускают в град. А двор же его чуден велми, все на вырезе да на золоте, и последний камень вырезан да златом описан велми чудно; да во дворе у него суды розные. Город же Бедерь стерегут в нощи тысяща человек кутоваловых, а ездят на конех в доспесех, да у всех по светычу. ... В Бедери же змеи ходят по улицам.

б) Биджапур — столица индусская.

... А Индийский же Салтан Кадам велми силен и рати у него много, а сидит в горе Бичинегере. А град же его велми велик, около его три ровы, да сквозе его река течет: а с одну его страну женьгель злый, а с другую страну пришел дол, и чудна места велми угодно все, на ону же страну притти не-

---

[1]) Появление Будды.

куды, сквозе град дорога, а града же взяши некуды, пришла гора велика да деберь златикень [1]).

Путешествие Афанасия Никитина.

б) Америка.

ПАНОРАМА ТЕНОХТИТЛАНА.

...Город Тенохтитлан стоял среди соленого озера, к нему можно подойти по трем каменным проходам шириною — как говорили испанцы — в два копья, т.-е. вероятно, от 20 до 30 футов. Эти проходы были чрезвычайно опасны для врагов, которые вздумали бы напасть на город, так как они были от 4 до 5 миль в длину и были с обеих сторон доступны для лодок защитников города. Близ самого города эти проходы прерывались подъемными мостами; дальше они продолжались в самом городе и составляли главные его улицы, сходившиеся к одной большой площади, на которой стоял храм. Город соединялся с сушей каменным водопроводом, идущим от Шепультепека. Улицы могли напомнить Венецию, так как некоторые из них представляли из себя каналы, по которым плавали лодки, а другие были тропинками, мощеными твердым камнем; через неко-

---

а) Бидар — столица мусульманской Индии.

[1]) Бидар же их столица Бусурманского Индостана, и город большой и людей много... В Султанове же дворце семь ворот, а в воротах сидит по сто сторожей, да по сто писцов индуссов: кто входит они записывают и кто выходит записывают; а иноземцев не пускают в Кремль (или крепость). А дворец его великолепен, все в резьбе и золоте, последний камень вырезан и вызолочен великолепно; во дворце у него утварь разная. Город Бидар ночью сторожит тысяча человек городовых; ездят они на конях в доспехах и у всех по факелу... А в Бидаре змеи ходят по улицам...

б) Биджапур — столица индусского княжества.

А Индусский Султан Кадам очень силен и рати у него много: сидит он на горе Биджапур. А город его очень велик, около него три рва и через него течет река: с одной стороны дикие джунгли, с другой подошла долина, там чудные места и очень плодородные, но на другую сторону некуда пройти: дорога идет сквозь город, а город взять неоткуда — там гора большая и дремучая дебрь.

торые каналы были перекинуты во многих местах мосты. Эти тропинки и каналы шли между громадными домами из красного камня, причем некоторые из домов были выложены белыми гипсовыми барельефами. В середине домов были большие дворы; сами дома, не смотря на их величину, редко имели три этажа. Низкие плоские крыши, часто покрытые цветниками, защищались каменными парапетами с небольшими башенками, так что каждый дом представлял собою крепость. Общий вид города должен был быть чрезвычайно живописным. На каждом шагу заметны были военные предосторожности. Мосты через каналы во всякое время могли быть подняты, окна представляли из себя простые бойницы и они так же, как и двери, были открытыми. Вход в дома можно было забаррикадировать, но дверей еще не выдумали. Иногда над входом вешали бамбуковый щит, придерживаемый запором иногда же, особенно двери нижних этажей, завешивались бумажными тканями.

Джон Фиске. „Открытие Америки".

ПРОГУЛКА ПО ТЕНОХТИТЛАНУ.

...Мы же с Кортесом, все больше верхом, отправились сперва на Тлателулко, т.-е. главный рынок, сопровождаемые множеством касиков. Сильно мы удивились и громадной массе народа, и неслыханными грудами всякого товара, и удивительному порядку всюду и во всем. Касики давали нам очень точные объяснения.

Прежде всего, нужно сказать, каждый товар имеет свое особое место. И вот, в первую очередь, мы попали к ювелирам, золотых дел мастерам, продавцам дорогих тканей, а также рабов и рабынь; рабский рынок был нисколько не меньше португальского рынка гвинейских негров; невольники имели на себе ошейники, которые прикреплены были к длинным гибким шестам, очень немногие лишь могли двигаться свободно.

Затем следовали ряды более грубого товара: бумажной пряжи и материи, ниток, какао, плетеной обуви, сладких местных корешков, всяких шкур и кож, сырых и дубленых, и т. д.

и т. д., точно на ярмарке в Медина-дель-Кампо, моем родном городе. А там, смотришь, теснятся лари со съестными припасами — овощами, салатами, разной живностью, фруктами, колбасами, сладкими пирожками, медом. Совсем близко стояли горшечники, разный щепной товар, затем столы, скамьи, колыбели. А дальше, шел, говорят, дровяной и угольный рынок... Но глаза наши уже устали, да и немыслимо было все обозреть без остатка. Ведь достаточно сказать, что в Мексике ничто не пропадало и все считалось товаром: даже человеческие отбросы собирались и перевозились куда нужно, ибо употреблялись в производстве, например, кожевенном. Вижу, что читатель улыбается, но это именно так, как я говорю: недаром в Мексике всегда были уборные, особо для этого построенные, укромные. Да, ничто в этом городе не пропадало даром!..

Впрочем, всего не перечтешь, что было на этом величайшем в мире рынке. Достаточно указать еще, что в особом месте продавался „аматл“, т.-е. здешняя бумага, в другом — искусные изделия для особого курения, „табаки“, далее—благовония разные, пахучие мази и притирания, далее—великое множество семян, отдельное место для продажи соли, отдельный ряд для изготовителей кремневых инструментов, для инструментов музыкальных и т. д. и т. д.—без конца. Все битком набито народом, но везде порядок, да и на самом рынке был суд с тремя судьями и многими подсудками; суд этот наблюдал за качеством товаров, а также решал все распри.

Наконец, чтобы не забыть, еще одно: уже близко к большому храму, на краю рыночной площади, помещалось множество продавцов золотого песку, который хранился в костяных, весьма тонких, почти прозрачных трубках. Трубка определенной величины и являлась здешней единицей обмена...

Наконец, мы покинули рынок и вошли в громадные дворы, окружавшие главный храм. Каждый из них много больше рынка в Саламанке, окружен двойной стеной, выложен большими гладкими плитками. Всюду величайшая чистота, нигде ни соринки, ни травки.

У начала лестницы Кортеса встретили 6 жрецов и два высоких сановника посланные Мотекусумой [1]). Они хотели подхватить Кортеса под мышки, чтобы облегчить ему восхождение—всего ведь было 114 ступеней,—но Кортес отказался от их помощи.

Взобравшись на самый верх, мы увидали площадку с несколькими крупными камнями, на которые кладутся жертвы. Подле стоял громадный истукан, вроде дракона, окруженный столь же отвратительными изваяниями, и весь полукругом был забрызган свежей еще кровью. Сам Мотекусума, в сопровождении двух жрецов, вышел из какой-то часовенки, где также стояли проклятые идолы, и принял нас весьма милостиво. „Восхождение, конечно, утомило тебя Маличе?". Но Кортес ответил, что ничто на свете не может нас утомить. Затем Мотекусума взял Кортеса за руку и стал ему показывать раскрывающуюся кругом картину: не только столицу и многие другие города на озере, но и самый рынок, по которому мы только что проходили.

Действительно, это дьявольское капище господствовало над всей округой. Ясно видны были три дамбы, ведущие в Мексику, с их перерывами и мостами — через Истапалапан, по которой мы четыре дня тому назад вступили в столицу, чрез Тлакупу, по которой нам суждено было через целых 6 месяцев спасаться ночной порой, и через Тепеакилу. Ясно виден был и водопровод Чапультепекский, снабжавший весь город питьевой водой. Все озеро было, как на ладони; множество лодок сновало туда и сюда, доставляя людей и продукты в любой дом; а над домами повсюду высились, точно крепости, пирамиды храмов с часовнями и башенками на вершине. Внизу под ними кишел рынок с его многочисленной толпой, и шум его был слышен на далекую округу. Некоторые из нас, побывавшие в Константинополе и даже исходившие всю Италию, уверяли, что нигде они не встречали столь большого и доброустроенного рынка.

---

[1]) Имя царя.

Картина была поистине величественная, и мы на нее загляделись. Но Кортес шепнул патеру Ольмедо: „Не начать ли именно теперь разговор с Мотекусумой, чтоб он уступил этот храм для нашего бога“. Ольмедо ответил, что это было бы не плохо, но что сейчас говорить об этом преждевременно. Тем не менее, Кортес обратился к владыке Мексики: „Воистину, Вы великий монарх и достойны стать величайшим! Сущее удовольствие обозревать все эти Ваши города! А сейчас дозвольте мне обозреть еще Ваших богов“.

Мотекусума ответил, что должен сперва посовещаться с жрецами, а пока нас провели в покой, расположенный в одной из башенек на вершине. Середину занимали два алтаря, на которых высились два идола громадных размеров и неуклюжей формы. Один из них представлял бога войны с широким лицом, безобразными свирепыми глазами; в одной руке был лук, в другой, оттопыренной, связка стрел; тело чудовища было опутано какими-то змеями, а подле был изображен малый бес, как бы паж бога войны, державший короткое копье и богато изукрашенный щит; все было густо покрыто золотом, драгоценными камнями и жемчугом. На шее главного идола висело несколько человеческих масок, а также сердец из золота и серебра. Перед идолом стояли курительницы с местным ладоном „копалем“, на них—три сердца только что замученных индейцев. Стены и пол чернели от человеческой крови и распространяли отвратительную вонь.

На самой высшей точке всего храма была еще и другая капелла, изукрашенная чудной резьбой; там тоже был идол, получеловек-полуящерица, наполовину закрытый; эта закрытая часть, говорили нам, изображает землю, произрастительницу всех семян и растений, а само божество—бог плодородия. Но и тут была ужасная вонь от той же ужасной причины — запекшейся, гниющей крови.

Здесь же хранится колоссальный барабан, обтянутый кожей какой-то исполинской змеи; звук этого адского инструмента, слышимый на целую милю, нагоняет несказанную тоску. Тут же помещалось и множество других храмовых принадлежностей — большие и малые трубы, всякие жертвенные ножи из камня,

множество обгорелых, сморщенных человеческих сердец. И всюду кровь и кровь!

...**Весь храм, как мне кажется, занимал огромную площадь, на которой могло бы поместиться сот пять обычных домов.** Все здание имело форму пирамиды с усеченной вершиной, на которой помещались башенки с идолами; ступени, идущие уступами, не имели перил. Впрочем, внешний вид хорошо известен, потому что он много раз изображался, например, на „коврах завоевания“ (мексиканские гобелены, не сохранившиеся доныне), один экземпляр которых находится и у меня. Зато сообщу, что я сам видел и слышал о построении его.

Все жители города должны были участвовать в постройке, жертвуя золото, серебро, драгоценные камни, каковые дары и клались в фундамент совместно со всевозможными местными семенами, и все это обильно орошалось кровью множества пленных. А узнали мы об этом следующим образом. Когда, уже после завоевания, на месте этого храма решили воздвигнуть церковь св. Якова нашего хранителя и вождя, и стали для этого разбирать часть храма, то в основании его нашли великую массу драгоценностей; соседние засельщики хотели их забрать, но власти воспротивились и начался даже громкий и долгий процесс.

О громадных дворах, окружающих пирамиду храма, я уже говорил. Следует упомянуть лишь о небольшом здесь здании в виде башни. Вход в него охранялся двумя разинутыми каменными пастями с огромными клыками, и воистину это был вход в адскую пасть: ибо внутри было множество идолов, а в соседнем помещении много посуды для варки жертвенного мяса, всякие ножи, и топоры, точно у мясников. Вблизи же были заготовлены штабеля дров, а также водоемы чудесной чистой воды, прямо из общего городского водопровода.

Вокруг одного из дворов шли жилища „пап“ и прочей храмовой челяди, а в особом большом доме находилось множество знатных девушек, живших здесь в строгом затворе вроде монашек, с особым даже своим небольшим храмом.

Берналь Диаз. „Записки солдата“.

ЧАСТЬ IV.

Города в эпоху развития океанических путей мировой торговли.

А. Города колониальных держав Северной Европы.

НОВЫЙ ЦЕНТР МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ.

Город Антверпен имеет 22 площади, как больших, так и маленьких. Главная из них площадь Синьории или Ратуши. Самая прекрасная площадь купечества, которую называют Новой Биржей, имеющая две башни и двое часов; она так прекрасно приспособлена для собрания купцов, что вероятно подобной нигде нет, ибо она избавлена от экипажей, лошадей и всяких других помех; в ней имеется прекрасная галлерея и она запирается со всех сторон четырьмя воротами. Над этой галлереей находится другая такой же величины, хорошо крытая и со всех сторон уставленная лавками. Ее называют картинной галлереей потому, что там продают главным образом картины всех сортов...

В Антверпене есть также площадь, называемая Английской Биржей потому, что с 1550 года город предоставил ее английским купцам, с прекрасным портиком и галлереей.

Гвичиардини.

Цитируем по

Gens Histoire de la
Ville D'Anvers.

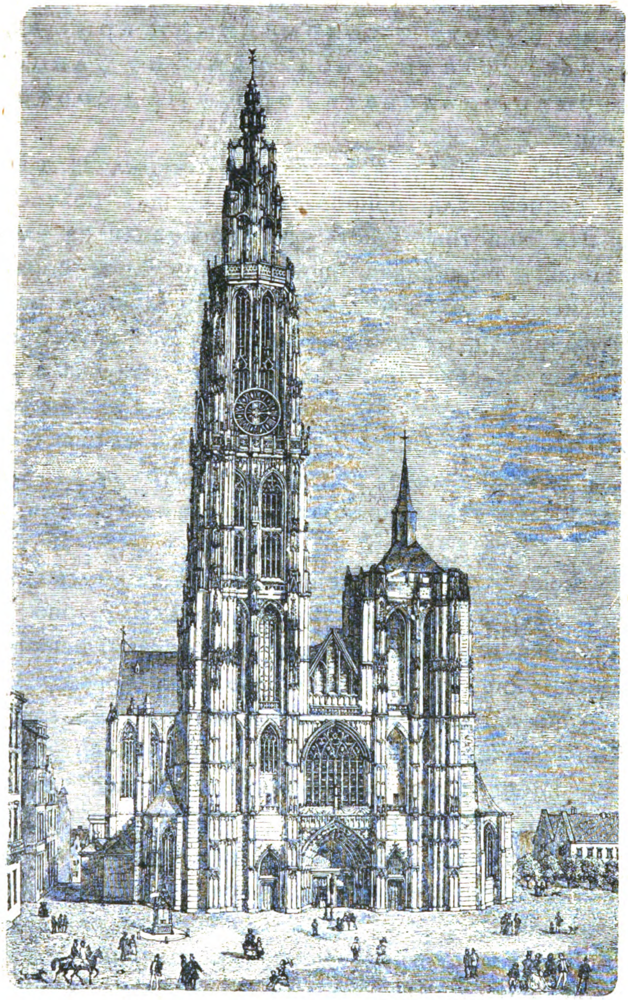
АНТВЕРПЕН в XIV и XV в.

Бург (крепость), в это время все еще оставался отделенным от остального города своими толстыми стенами и рвами. В 1410 году герцог Антуан реставрировал его укрепления; в части еще существующей за домами Fosse-aux-Anguilles можно разглядеть следы этих поправок, сделанных из кирпича. В следующем году герцог разрешил антверпенцам пользоваться воротами выходящими наверх для переноски товаров. В 1477 году четвертые ворота были открыты в глубине улицы Sac и третий мост переброшен через мост Бурга.

Новые улицы, проложенные с конца XIV века, обычно более прямы и широки, чем в других городах средних веков. Антверпенский магистрат, во-время понял неудобство улиц узких, извилистых и плохо проветриваемых. В то время как всюду в эту самую эпоху, каждый строился на своем участке или даже на городской земле, как ему заблагорассудится, в Антверпене новые постройки были подчинены строго́му регламенту. Никто не мог строить, не известив об этом эшевена [1]). Ослушники подвергались штрафу в 6 гро, и принуждены бывали разрушить все, что было выстроено без разрешения. Все навесы и выступы должны были быть покрыты черепицей или шифером. С 1391 года, было запрещено крыть дома соломой, впрочем, кажется, этот приказ соблюдался не слишком строго, ибо в XV и даже XVI веках попадается порядочное число домов крытых соломой.

Повышение домов посредством этажей, выступающих один над другим, явилось результатом роста населения. Благополучие горожан читалось в высоте пиньонов (pignons), украшенных скульптурными арабесками и окаймленных орнаментом в готическом стиле. Введено употребление стекол в оконных рамах и дымоходов. Эти улучшения проникли в дома горожан в XIV веке и очень медленно получали распространение. Раньше дымоходы только встречались в замках или каменных домах городской знати.

[1]) Члены судебной коллегии.

Антверпенский собор.

Горожане и крестьяне предоставляли дыму от единственного очага выходить через двери или окна лишенные рам, или же через дыру устроенную вверху...

Большинство фасадов, те по крайней мере, расположение которых этому благоприятствовало, были покрыты виноградными лозами; вместе с соломенными крышами, курами и поросятами бродящими по улицам, это должно было придавать городу вид совершенно сельский.

В XIV веке почти каждая семья откармливала одну или несколько свиней, для приобретения запаса соленого мяса на зиму. Эти животные часть дня проводили на улицах, валяясь в грязи и обшаривая своим рылом кучи сора. Чтобы уменьшить несколько их число, издали следующее распоряжение: с этих пор ни один булочник и ни кто другой не может держать более 12 свиней. И их должны выпускать утром до восхода солнца и после солнечного восхода загонять домой. И вечером их после заката снова должны выпускать и загонять до наступления ночи, под страхом штрафа по XX статье.

Мы встречаем также прекрасные правила для соблюдения чистоты улиц.

С XIV века было запрещено, как и в наши дни, выбрасывать сор — навоз, золу, мусор, — в каналы, в рвы, на кладбища, на рынки и улицы. Каждые две недели, всякий должен был очищать улицу перед своей дверью и убирать сор. Специальное лицо следило за чистотой рынков и мостов. Для вывоза мусора можно было реквизировать телеги частных лиц (за исключением телег мельников). За телегу платили поденно по одному су с каждой.

Так как почти все дома были из дерева, пожары были частые и опустошительные; в несколько часов, целые кварталы становились добычей пламени. Но это случалось не по недостатку мер предосторожности со стороны магистрата... В 11 часов звонил колокол. Это был знак тушить огонь. Все кабачки и гостинницы закрывались, все жители гасили очаг и свет... Как только прозвонит колокол, улицы начинают обходить ночные сторожа. Они останавливаются на перекрестках и призывают граждан остерегаться пожара. Если

они замечают где-нибудь огонь или свет, они стучат в двери до тех пор, пока разбудят обитателей.

E. Gens. „Histoire de la Ville D'Anvers".

БИРЖА.

Она состояла из четыреугольного двора $51^1/_2$ м. длины и 40 ширины, вокруг которого шел портик шириной 6 м., с низкими сводами, образуемый 38 цилиндрическими колоннами из голубого камня. Колонны очень тонкие в диаметре, на 8-ми угольных базах, со стволами покрытыми скульптурными украшениями, с особым рисунком для каждой колонны, несут 44 тройных полуциркульных аркады, как на старой бирже [1]). Над этим портиком помещается очень простой этаж, прорезанный рядом квадратных окон и который с внутренней стороны образует галлерею, окаймленную лавками и освещаемую сверху. Во двор входят через четыре входа, расположенных в середине четырех фасадов и состоящих каждый из двух аркад подобных аркадам портала. Снаружи этого строения, подымаются с двух противоположных сторон две башни, одна круглая, другая восьмиугольная.

E. Gens. Op. cit.

ПРАЗДНИК В АНТВЕРПЕНЕ.

В воскресенье, после праздника Петра во узах (4 Авг.) мой хозяин сводил меня в дом бургомистра в Антдорфе (Антверпен), недавно построенный, чрезвычайно большой и почти безукоризненно устроенный, с огромными и прекрасными покоями, к этому нужно прибавить богато украшенную башню и обширный сад; в общем это столь великолепный дом, подобного которому я нигде в немецких землях не видал.

...Собор Антверпенской божьей матери столь велик, что в нем одновременно можно петь несколько служб, так что одна другой не мешает. Алтарь украшен весьма богато, музыка так хороша, что лучшей достать невозможно. Богослужение в церкви отправляется весьма благолепно; ее каменные

[1]) Новая биржа построена в 1531 г.

изваяния и в особенности ее башня весьма хороша. Был я еще в богатом аббатстве св. Михаила. В нем из камня сделаны великолепные хоры, подобных я нигде не видал и на хорах дорогие сиденья.

В Антверпене не жалеют средств на подобные вещи, так как здесь денег достаточно много!...

...Видел я так же в воскресенье, после вознесения пресвятой богородицы (19 Авг.) великий обход храма Антверпенской божьей матери куда собрался весь город, что было в нем от всех цехов и сословий, каждый был одет, согласно своему положению, самым роскошным образом. Кроме того, каждое сословие и каждый цех явились со своими знаками, по которым их можно было распознать. Там в промежутках несли свечи в больших драгоценных подсвечниках и длинные, серебряные трамбоны старо-франкского вида. Там, согласно немецкому обычаю было много труб и барабанов. Во все это крепко трубили и старались использовать с наибольшим шумом.

Так видел я их идущими рядами по улице на большом расстоянии друг от друга. Теснее шли: золотых дел мастера, художники, каменщики, вышивальщики, ваятели, столяры, плотники, корабельщики, рыбаки, мясники, кожевники, ткачи, пекаря, портные, сапожники и всякие другие ремесленники и представители ручного труда, а так же торговцы, обслуживающие нужды пропитания, из этих последних тут были лавочники и купцы и их подручные. За ними следовали стрелки из аркебуза, из лука и самострела, на конях и пешком. За ними шла большая толпа служащих сеньера. Далее шествовала целая вереница людей весьма отважного вида, пышно и богато одетых. Впереди них выступали все ордена и некоторые учредители (stifte) весьма торжественно в своих особых облачениях. В этой процессии принимает участие большая толпа вдов, которые питаются от своих трудов и следуют особому уставу, все в белых холщевых шалях, которые их покрывали от ног до головы, весьма трогательного вида. Среди других особ, весьма почтенных, я видел и причт собора божьей матери со всеми священнослужителями; ученики и церковные сокровища замыкали шествие.

Человек 20 несли деву Марию с господом Иисусом, роскошно убранных во славу божию. В этой процессии находилось множество вещей сделанных весьма богато и вызывавших радость. Ибо везли множество колесниц, игрушек в кораблях, и другие развлечения. Среди них хор и чин пророков, за ними Новый Завет представленный сценой благовещенья, трех волхвов верхом на больших верблюдах и на других заморских диковинах, сделанные весьма искусно; представлено было так же весьма благолепно бегство божьей матери в Египет и много других вещей, которые я ради краткости опускаю. Напоследок влачился большой дракон, который влекла поясом св. Маргарита со своими девами. За ней следовал св. Георгий со своей свитой, рыцарь весьма красивый. В этой процессии участвовали мальчики и девочки, изящно и весьма пышно одетые в костюмы разных стран, изображавшие различных святых. Это шествие тянулось мимо нашего дома, от начала до своего конца в течение двух часов с лишним. Всего было так много, что я не в состоянии описать и в целой книге, а поэтому здесь опускаю.

Albrecht Dürer. „Tagebuch der Reise in die Niederlande".

БАЗАР В БРЮГГЕ.

...Между тем, Уленшпигель был со своими удалыми товарищами на субботнем базаре в Брюгге.

Там назначали себе свидания сапожники и башмачники, торговавшие в отдельных балаганах, продавцы готового платья, пропойцы, занимающиеся по ночам вместе с совами ловлей синиц, торговцы битой птицей, бродяги, люди, занимающиеся продажей кошачьих кож для перчаток, нагрудников и фуфаек, и самые разнообразные покупщики, мещане и мещанки, лакеи и горничные, пекаря, ключники, шуты и шутихи; одним словом, торговцы и продавцы всевозможных сортов и разрядов, зазывающие в свою лавочку и отбивающие покупателя у соседа, набиватели и сбиватели цены.

В одном месте на рынке была устроена хорошая холщевая палатка на четырех подставках. При входе в нее крестьянин

из Алоста, в сопровождении двух монахов преследовавших исключительно цели наживы, показывал за один патар любопытным ханжам кость из плеча св. Марии Египетской, выкрикивая разбитым голосом добродетели угодницы.

...Присутствовавшие при этом два монаха кивали головами в знак того, что крестьянин говорил истину. Рядом с ними находилась толстая краснощекая женщина, дующая изо всей мочи в очень скверную флейту; возле этой женщины маленькая девочка пела, заливаясь, словно птичка-славка. Но ее никто не слушал. Над входом в палатку к двум шестам был подвешен чан, наполненный освященной в Риме водой.

Ш. де Костер. „Уленшпигель".

УВЯДАНИЕ БРЮГГЕ [1]).

...Почему эта роскошь золота и пышных тканей города Брюгге сменилась упадком и он словно дрожит теперь от холода в своих обнаженных каменных одеждах?

Вот подробности его драмы: некогда город соединялся с морем, посредством канала Цвина, который, проходя через Дамме, катил до Брюгге свои голубые воды, как царственная река, на которой могли разместиться 1.700 кораблей, снаряженных Филиппом-Августом против фламандцев и англичан. В то время корабли со всего мира прибывали в Брюгге и останавливались в его порту.

Однажды, в 1475 году, Северное море совершенно неожиданно отошло; мгновенно Цвин обмелел, и никогда уже никто не мог избавить его от песка или наполнить новым притоком воды; Брюгге, отныне отдаленный от этого обширного морского питания, которое насыщало его сынов, начинал хиреть, и вот, в течение четырех веков он угасает!

Сколько потрясающего в этой вековой, безнадежной болезни, когда город приговоренный к смерти, словно харкает постоянно своими камнями, точно кровью, — в особенности,

[1]) Описание относится к нашему времени, но старый Брюгге в ней получил ясное отражение.

сколько трогательного в этом в какое-нибудь осеннее, ноябрьское утро, под небом, бледность которого тождественна с бледностью города!..

Местами осталось несколько золоченых и многоцветных, точно чеканная ювелирная работа дворцов, напоминающих обширные каменные ларчики, которые сохранила царица, нисвергнутая с престола. Затем суровая башня Беффруа, оттенка дрожжей, ржавчины, крови и заката, без веселых украшений скульптуры, трагическая и воинственная, как бы направляющаяся в высь, как на бой, со стрелками своих остриев и обширным щитом своего циферблата!

...Ах, старинные и редкие фасады, со скульптурными, увядающими букетами, каменными украшениями, где сатиры из-за отбитых камней, словно отстраняются от женских головок, лишенных уст, по милости дождя и пыли.

Повсюду находятся балконы с баллюстрадами; повсюду остроконечные крыши, которые поднимаются, точно лестницы с разными ступеньками, и по которым наши взоры берут, как бы приступом, какую-нибудь, находящуюся наверху птицу или какой-нибудь одинокий флюгер. На стенах виднеются якори из цифр, которые подтверждают их подлинную обветшалость; сохранившиеся барельефы наполовину источены; кирпичи, исцарапанные бесчисленными ранами, отличаются оттенком запекшейся крови; затем виднеются еще монеты в виде герба с изображением льва или полумесяца, раскачивающиеся на проржавленных железных прутах у дверей старинных гостинниц. А на окнах, цветные стекла какого-то печального сероватого оттенка, скрытые в свинцовых ромбах; таким образом, ничто не выходит наружу из внутренней жизни домов, точно покинутых и умерших!

В Брюгге сурдинка звуков отождествляется с сурдинкою красок, так как все фасады сливаются в оттенках бледно-желтого, темно-зеленого, поблекшего розового цветов, которые нежно исполняют молчаливую мелодию поблекших красок.

Какое-то непонятное впечатление, полученное от восковых свечей и ладана, преследует вас через весь лабиринт мирных улиц; на каждом перекрестке виднеются мадонны, в стеклян-

ных шкапчиках, одетые в бархат и кружева, украшенные серебряной короной, цветами и ex-voto [1]). Затем встречаются распятия, часовни, молельни, где выставляются для поклонения реликвии, зажигаются свечи на железных черных с разветвлением, подсвечниках, — и, наконец, обширные церкви с высокими башнями, над которыми кружатся жалкие вороны, — соборы Христа и богоматери, с их едва заметными украшениями, мрамором, богатой деревянной резьбой, цветными окнами, нагромождением произведений искусства, среди которых царит Мадонна работы Микель-Анжело.

...Заключенная как в темницу, этими каменными набережными, стоячая вода каналов не имеет больше на своей поверхности ни кораблей, ни лодок, никаких отблесков, кроме отражения неподвижных остроконечных крыш, ступени которых представляются мрачными лестницами, идущими в пропасть. А над неподвижной водой, нависшие балконы, с деревянными перилами, решетки заброшенных садов, таинственные двери, целая амфилада неясных и ненужных предметов, с каким-то видом нищего, под разноцветными лохмотьями листвы и плюща, как бы присосались к берегу реки...

...Только одни, большие лебеди, легендарные лебеди, на этих каналах, оживляют этот вековой траур, — божественные птицы, прилетевшие сюда неизвестно откуда, точно спустившиеся с герба, если верить легенде, по которой город, чтобы искупить несправедливое обезглавление одного вельможи, на гербе которого были изображены лебеди, принужден был постоянно содержать лебедей на своих каналах.

...Среди городских валов, несколько меланхолических мельниц вертят свои утомленные крылья. На расстоянии кажется, что они медленно мелят уголок бледного неба.

Жорж Роденбах. „Агонии городов“.

---

[1]) Подношение по обету.

АМСТЕРДАМ В НАЧАЛЕ XVIII в.

25 октября 1705 г.

Город Амстердам стоит при море в низких местах и во всех улицах пропущены каналы, так велики, что можно корабли вводить, и по сторонам тех каналов так улицы широки, что в две кареты, в иных местах можно ехать. И по улицам посажены деревья, однако ж много писать не буду, что многих бытность здесь была и ныне есть и сами видели, а и напреть сами будут видеть, а не видимые, от тех слышать; для того нынешних времен обычай имеют, каждый желает свету видеть, то пишу не всем посполить персонам — тем, которым принадлежит как принцам, графам и каждому шляхетству...

И все те улицы в Амстердаме первые и дома палаты на них лучшие, и по обе стороны великие деревья при канале на берегу и между теми фонари, только ж тот обычай всегда имеют во всем Амстердаме по всем улицам фонари, и на всякую ночь повинен каждый, против своего дому, ту лампаду жечь. А на тех помянутых улицах плезир или гулянье людям великое.

Ратуша, которая сделана вся из камня белого, и великая и в ней резные штуки так, которая в свете первая считается, а что в ней буду некоторое описать.

Купечество великое, которое в Европе больше всех считается и народ все живет торговый и вельми богатый — так, сподеваюся, что нигде, и, сказывают будто в день приходит в ратушу денег по 50 тысяч ефимков и так бы было в год 18 миллионов и 250 тысяч, и то ординарий, а ежели положить с накладами — для войны могут взять втрое столько или вчетверо — на надобность десятой деньги.

Суд их отправляется четырьми бургомистры; один из них сидит четверть года президентом, а в другой год бургомистрым другие садятся, только из старых один остается.

Видел один дом в Амстердаме, птиц индейских — вельми хороши и одного попугая маленького, так что с скворца, весь зелен, а кругом глаз желтое, а хвост вельми долог.

Шпиталь гораздо хорош, где приют старых баб, которых обычайно держат — 900 человек...

Всего 5 часы, которы играют, а из тех все лучшее на кирхе, что возле ратуши, называется — Старая церковь.

Народ все под публичными кирхами — реформиры и потом лютори — имеют церкви. Третьим квакори в домах, а церкви не имеют. Жидовский есть — публичной; католицкая — инкогнито; многие костелы, только есть разные — иные которые папу не признают Министен — в домах, а не церковь. Церковь персидская — инкогнито — в доме; церковь армянская — в доме ж.

А министы есть, деференты — первое и другие антенисты, также иных много. Дом, где воров держат, которые, сидя в тюрьмах, трут сандал. Дом-два — богодельни, женской и мужской.

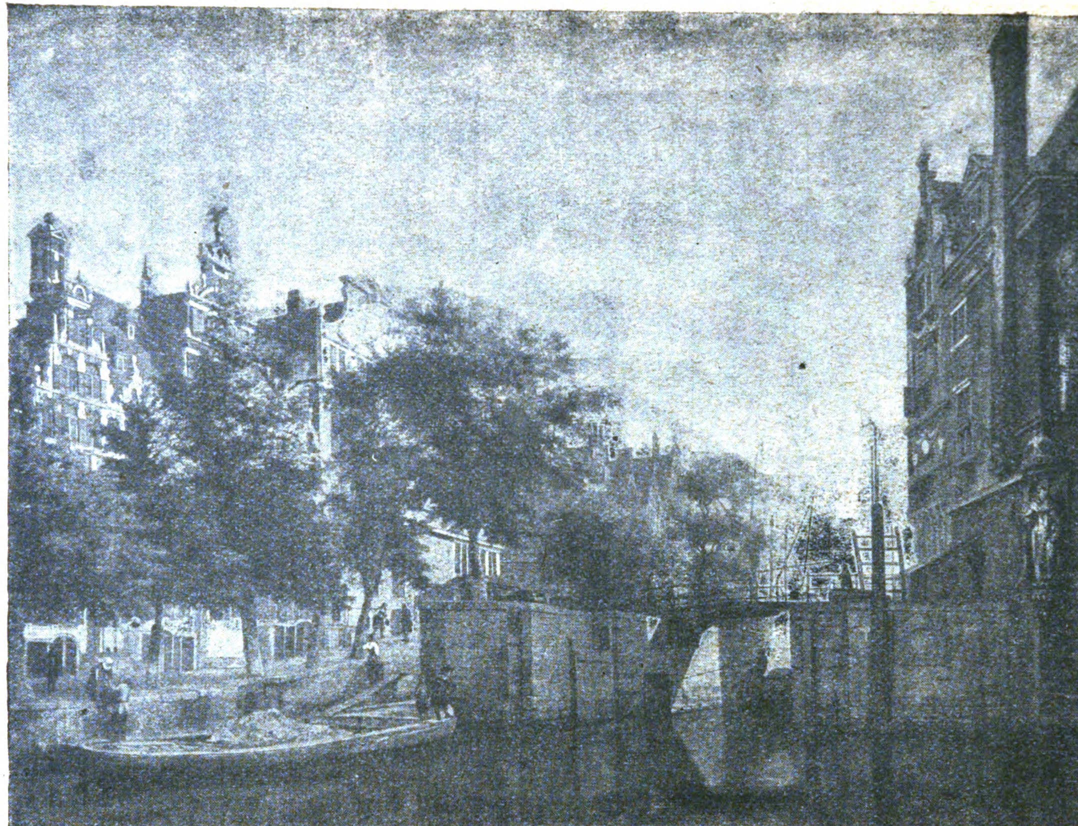
Дом, где безумных людей держат. Дом прядильной, где прядут, сидя, бабы, которые виновны в таких винах.

Ратуша гораздо хороша, сподеваюся, что нигде такой нет, и внутри вся нарезана алебастром, и из алебастра штуки вырезаны, и одна штука вырезана, которая огорожена балясами, где вырезана скрипка и другие фигуры, работы гораздо хорошей.

Двор Остинской, другой Вестинской, где корабли делают. Гораздо заводы хороши и велики и артиллерию имеют великую, только не прибрано в одном месте, так как и в других краях.

Бирж или такая сделана площадь, где сходятся торговые люди каждого дня своей повинности для торговых дел, договариваться и тут имеют всегда свод или соединение торгов и так всегда бывает людей много, что на всей той площади люди ходят с великою теснотою. Не сподеваюся — нигде такого сходбища торгового — как тут, и бывает часа три или два, а сходятся зимним временем о двенадцати часов, а расходятся, полтора часа по-полудню или два часа, а летним временем сходятся десять, а расходятся 12 часов, то-есть в самые полдни...

Б. Куракин. „Дневник путешествия".

Гейде-Ян-Амстердам.

УЛИЦА СТАРОГО КОПЕНГАГЕНА.

...В Копенгагене есть улица с забавным названием „Хюсхенстрэде“. Почему она так называется и что означает это название? Слывет она немецким, но, право, немцы тут ни при чем. Следовало бы выговаривать „Häuschen“, выговаривают Хюсхен; Häuschenstraede же значит: „Улица маленьких домиков“. В ней и, правда, ютились домишки, вроде деревянных ярмарочных балаганчиков, разве чуть побольше, да с окошками. Но стекол в окнах не было; их заменяли роговые пластинки или бычачьи пузыри, — в то время стекло было еще так дорого, что не всем по карману было вставлять его в окна. Давно, ведь, это было, так давно, что даже прадедушкин прадед, рассказывая о тех временах, называл их „старыми временами“. Не одно столетие прошло с тех пор.

В Копенгагене вели в те времена торговлю богатые купцы из Бремена и Любека, разумеется, не сами, а через своих приказчиков. Последние-то и занимали эти деревянные лачуги в улице „Маленьких домиков“; в нижнем этаже каждого домика находилась лавочка, где шла торговля пивом и пряностями. Немецкое пиво в те времена славилось, и сколько сортов его было! И Бремер-Прусское, Эмское и Брауншвейгское. Из пряностей же бойко торговали шафраном, анисом, имбирем, а бойчее всего перцем. Перец являлся главным предметом торговли, оттого и немецких приказчиков прозвали в Дании „перечными молодцами“. Хозяева брали с них обязательство не жениться на чужбине, они и не женились, доживали до старости холостяками [1]).

... В те времена в улице „Маленьких домиков“ не было мостовой, и люди попадали из колдобины в колдобину, словно на изрытой проезжей дороге. А что за теснота там была! Домишки лепились один к другому, и между двумя противоположными рядами их оставался такой узенький проход, что летом с одного домика на другой перекидывали парусину;

---

[1]) По-датски старый холостяк — „Pebersvend“, т.-е. перечный молодец.

над всей улицей образовывался навес, под которым так славно пахло перцем, шафраном, имбирем. За прилавком мало попадалось молодых приказчиков, больше все старики.

...Старые приказчики не часто виделись друг с другом, каждый держался в своем уголке. Запирались лавочки рано, и домишки сразу погружались в мрак; лишь из крошечного рогового окошечка чердачной коморки, ютившейся под самой крышей, чуть светился огонек; старичек — обитатель коморки чаще всего сидел в это время на своей постели, с немецким молитвенником в руках и напевал вечерний псалом, или же далеко за полночь хлопотал по хозяйству, прибирая то одно, то другое. Не сладко-то жилось ему: чужой всем, на чужбине — что уж за житье! Никому до него нет дела, разве станет кому поперек дороги.

Улица в глухую, темную, ненастную ночь смотрела такою пустынною, мрачною; на всю улицу приходился один фонарь, да и тот висел в самом конце ее, перед нарисованным на стене образом божьей матери. Слышался лишь плеск воды, сбегавшей по деревянной обшивке набережной,—другой конец улицы выходил на канал. Таким вечерам и конца не бывает, если не займешься чем-нибудь...

Андерсен. „Ночной колпак".

ЛОНДОН XVIII в.

...Если великолепие состоит в огромных зданиях, которые, подобно гранитным утесам, гордо возвышаются к небу, то Лондон совсем не великолепен. Проехав двадцать или тридцать лучших улиц, я не видал ни одних величественных палат, ни одного огромного дома. Но длинные, широкие, гладко-вымощенные улицы; большими камнями устланные дороги для пеших; двери домов, сделанные из красного дерева, натертые воском и блестящие как зеркало; беспрерывный ряд фонарей на обеих сторонах; красивые площади (Squares), где представляются вам или статуи или другие исторические монументы; под домами богатые лавки, где, сквозь стеклянные двери, с улицы видите множество всякого рода товаров; редкая чистота, опрятность в одежде людей самых

простых, и какое-то общее благоустройство во всех предметах — образуют картину неописанной приятности, и вы сто раз повторяете: Лондон прекрасен!

Едва только закатилось солнце, а все фонари на улице были уже засвечены; их здесь тысячи, один подле другого, и куда ни взглянешь, везде перспектива огней, которые вдали кажутся вам огненною, беспрерывною нитью, протянутою в воздухе. Я ничего подобного не видывал, и не дивлюсь ошибке одного немецкого принца, который, въехав в Лондон ночью и видя яркое освещение улиц, подумал, что город иллюминован для его приезда.

...Ошибаюсь или нет; но мне кажется, что первый взгляд на город дает нам лучшее, живейшее об нем понятие, нежели долговременное пребывание, в котором, занимаясь частями, теряем чувство целого. Свежее любопытство ловит главные, отличительные знаки места и людей: то, что собственно называется характером, и что при долгом повторительном рассматривании затемняется в душе наблюдателя. Таким образом, если бы я прожил в Лондоне года два, уехал и захотел себе представить его в картине, то мне надлежало бы оживить в памяти своей сильные впечатления нынешнего дня.

Кто скажет вам: шумный Лондон! тот, будьте уверены, никогда не видал его. Многолюден, правда; но тих удивительным образом, не только в сравнении с Парижем, но даже и с Москвою. Кажется, будто здесь люди или со сна не разгулялись, или чрезмерно устали от деятельности, и спешат отдыхать. Если бы от времени до времени стук карет не потрясал нерв вашего слуха, то вы, ходя по здешним улицам, могли бы вообразить, что у вас залегли уши. Я входил в разные кофейные дома: двадцать, тридцать человек сидят в глубоком молчании, читают газеты, пьют красное Португальское вино; и хорошо если в 10 минут услышите два слова — какие же? your health gentleman! ваше здоровье! Мудрено ли что англичане славятся глубокомыслием в философии? Они имеют время думать. Мудрено ли, что ораторы их в парламенте, заговорив не умеют кончить? Им наскучило молчать в домах и в публике.

...В каждом городе самая примечательнейшая вещь есть для меня... самый город. Я уже исходил Лондон вдоль и поперек. Он ужасно длинен, но в иных местах очень узок; в окружности же составляет верст пятьдесят. Распространяясь беспрестанно, он скоро поглотит все окрестные деревни, которые исчезнут в нем как реки в океане. Вестминстер и Сити составляют две главные части его: в первом живут по большей части свободные и достаточные люди, а в последнем купцы, работники, матросы; тут река с великолепными своими мостами, тут биржа; улицы теснее и везде множество народу. Тут не видите уже той приятной чистоты, которая на каждом шагу пленяет глаза в Вестминстере. Темза, величественная и прекрасная, совсем не служит к украшению города, не имея хорошей набережной (как, например, Нева в Петрограде, или Рона в Лионе), и будучи с обеих сторон застроена скверными домами, где укрываются самые бедные жители Лондона. Только в одном месте сделана на берегу терраса (называемая Адельфи), и к несчастию в таком, где совсем не видно реки под множеством лодок, нагруженных земляными угольями. Но и в этой неопрятной части города находите везде богатые лавки, магазины, наполненные всякого рода товарами, индейскими и американскими сокровищами, которых тут запасено на несколько лет для всей Европы. Такая роскошь не возмущает, а радует сердце, представляя вам разительный образ человеческой смелости, нравственного сближения народов и общественного просвещения! Пусть город богач, окруженный произведениями всех земель, думает, что услаждение его чувств есть главный предмет торговли. Она, питая бесчисленное множество людей, питает деятельность в мире, переносит из одной части его в другую железные изобретения ума человеческого, новые идеи, новые средства утешаться жизнью.

Нет другого города столь приятного для пешеходцев, как Лондон, везде подле домов сделаны для них широкие тротуары, которые по-русски можно назвать намостами;

их всякое утро моют служанки (каждая перед своим домом), так что и в грязь и в пыль у вас ноги чисты. Одно только не нравится мне в этом намосте; а именно то, что беспрестранно видишь у ног отверстия, которые ночью закрываются, а днем не всегда; и если вы хотя мало задумаетесь, то можете попасть в них, как в западню. Всякое отверстие служит окном для кухни, или для какой-нибудь таверны; или тут ссыпают земляные уголья; или тут маленькая лестница для схода вниз. Надобно знать, что все лондонские дома строятся с подземною частью, в которой бывает обыкновенно кухня, погреб и еще какие-нибудь, очень не светлые горницы для слуг, служанок, бедных людей. В Париже нищета взбирается под облака, на чердак; а здесь опускается в землю. Можно сказать, что в Париже носят бедных на головах, а здесь топчут ногами.

Дома лондонские все малы, узки, кирпичные, не беленые (для того, чтобы вечная копоть от угольев была на них менее приметна), и представляют скучное, печальное единообразие; но внутренность мила: все просто, чисто и похоже на сельское. Крыльцо и комнаты устланы прекрасными коврами; везде светлое красное дерево; нигде не увидишь пылинки; нет больших зал, но все уютно и покойно. Всех приходящих к хозяину или хозяйке вводят в горницу нижнего этажа, которая называется parlour; одни родные или друзья могут войти во внутренние комнаты. Ворот здесь нет: из домов на улицу делаются большие двери, которые всегда бывают заперты. Кто придет, должен стучаться медною скобою в медный замок: слуга один раз, гость два, хозяин три раза. Для карет и лошадей есть особливые конюшенные дворы; при домах же бывают самые маленькие дворики, устланные дерном; иногда и садик, но редко, потому что места в городе чрезмерно дороги. Их по большей части отдают здесь на выстройку: возьми место, построй дом, живи в нем 15 или 20 лет, и после отдай все тому, чья земля.

Что, если бы Лондон при таких широких улицах, при таком множестве красивых лавок, был выстроен как Париж? Воображение не могло бы представить ничего великолепнее.

...Лондонская биржа есть огромное, четыреугольное здание, с высокою башнею (на которой вместо флюгера, видите изображение сверчка [1]) с колоннадами, портиками и с величественными аркадами над входом. Вошедши во внутренность, прежде всего встречаете глазами статую Карла II, на высоком мраморном подножии, и читаете в надписи самую грубую лесть и ложь: отцу отечества, лучшему из королей, утехе рода человеческого и проч. Кругом везде амуры, не без смысла тут поставленные: известно, что Карл II любил любить. Стоя на этом месте куда ни взглянете, видите галлерею, где, под аркадами, собираются купцы, всякий день в 11 часов, и ходя взад и вперед, делают свои дела до трех. Тут человек человеку даром не скажет слова, даром не пожмет руки. Когда говорят, то идет торг, когда схватятся руками, то дело решено, и кораблю плыть в Новый Иорк или за мыс Доброй Надежды. Людей множество, но тихо, кругом жужжат, а не слышно громкого слова. На стенах прибиты известия о кораблях, пришедших или отходящих; можете плыть, куда только вздумаете: в Малабар, в Китай, в Нутка-Соунд, в Архангельск. Капитан всегда на бирже; уговоритесь — и бог с вами! Тут славный Лойдов кофейный дом, где собираются лондонские страховщики, и куда стекаются новости из всех земель и частей света; тут лежит большая книга, в которую они вписываются для любопытных, и которая служит магазином [2]) для здешних журналистов. Подле биржи множество кофейных домов, где купцы завтракают и пишут.

Н. М. Карамзин. „Письма русского Путешественника".

ЖИЗНЬ СТАРОГО ЛОНДОНА.

В описываемую нами эпоху — хотя она от нас не дальше семидесяти лет, большей части теперешнего Лондона еще не существовало. Даже более: в умах самых смелых предпринимателей не зарождалось еще и мысли о бесчисленном мно-

[1]) Сверчок был гербом Архитектора биржи.

[2]) Название периодических изданий в конце XVIII в. и начале XIX-го.

жестве бесконечных улиц, соединяющих Гайгет с Вайтчапелем, о дворцах-громадах, воздвигнутых на осушенных и засыпанных болотах, о маленьких городах, рассеянных по чистому полю. Хотя и тогда, как и в наши дни, в этой части города были густо населенные улицы, но их вид был совсем иной, чем теперь. Возле большинства домов имелись садики, вдоль тротуаров шли аллеи деревьев, воздух был так свеж, как нигде в Лондоне в наше время. Тотчас за домами начинались поля, по которым, извиваясь, бежала Новая Речка. Летом эти поля кипели оживленной работой, когда на них шла веселая уборка сена. Природа была гораздо ближе к столице, чем в наши дни, и хотя Клеркенвель был уже и тогда оживленным промышленным местом с десятками лавок золотых дел мастеров, но все же он был гораздо здоровей, гораздо ближе к деревне, чем может быть думает большинство жителей нового Лондона. Это было очень удобное местечко для уединенных прогулок влюбленных, для прогулок, которые заменились нынешними отвратитительными гуляньями, раньше чем успели появляться на свет сами влюбленные нашего поколения, или, как говорится, тогда, когда о них еще никто и не думал.

...Ряд картин, изображающих улицы Лондона ночью, приблизительно в период времени, относящийся к нашему рассказу, имел бы в наши дни до того несходный с действительностью характер, что зритель, на расстоянии истекшего полувека, положительно затруднился бы признать в них наиболее излюбленные им места прогулок.

Все эти улицы с первой и до последней, от самой широкой и красивой и до самой узенькой и пустынной, были очень темны. Масленые фонари, аккуратно подправляемые по два, по три раза в долгие зимние ночи, в лучших случаях еле мерцали и в поздние часы, когда к их свету не примешивался свет из магазинов, отбрасывали на тротуар лишь неясные, смутные, светлые пятна, оставляя подъезды и фасады домов в полном мраке. Множество переулков и дворов были погружены в полную тьму. В улицах поплоше, где один фонарь освещал десяток—другой домов, и этот источник света считался уже истинным великолепием. Впрочем, в таких кварталах

жители часто имели свои уважительные причины тушить и эти немногие фонари, как только их зажигали, и так как стража была бессильна помешать им в этом, то они и продолжали действовать по своему усмотрению. В улицах с наилучшим освещением на каждом углу, на каждом повороте были темные опасные местечки, где вору было удобно укрываться от погони и где никому бы и в голову не пришло преследовать его. Кроме того, город в те времена был отделен от предместий целым поясом полей, зеленых аллей, пустырей и пустынных дорог (все это с тех пор застроилось) — очень удобных для мошенников и негодяев: здесь они всегда имели возможность скрыться от самого ярого преследования.

Нечего удивляться, что при столь благоприятных условиях на улицах, в самом центре Лондона и его оживленной и беспрерывной деятельности, чуть не каждую ночь происходили грабежи, разбои и убийства, и что мирные граждане выходили на улицы со страхом, лишь только закрывались лавки. Те, кто поздно возвращался домой, имели обыкновение держаться середины улицы, чтобы быть настороже и избежать засады возле домов, и вряд ли нашелся бы такой смельчак, который отважился бы вернуться в поздний час в Кентиш-Таун и Гемпстед, или даже в Кенсингтон и Чельси безоружным и без провожатого. Самые отчаянные храбрецы и трактирные забулдыги не брезгали нанять себе факельщика в провожатые, когда к этому представлялась возможность.

В те времена можно было отметить на улицах Лондона немало и других характерных подробностей (правда, не столь приятных) — подробностей, с которыми в те времена давным давно свыклись. Некоторые лавки, преимущественно с восточной части Темпль-Бара, держались еще старинного обычая вывешивать наружу вывески, которые, в ветреные ночи, со скрипом раскачиваясь в своих железных рамах, задавали оглушительный, дикий концерт, поражавший уши запоздалых прохожих и несчастных обитателей, страдавших бессонницей. Длинные вереницы извозчиков и группы носильщиков, в сравнении с которыми наши нынешние кучера — образцы вежливости и учтивости, загромождали улицы, наполняя воздух

криком и гвалтом. Ночные погребки, местопребывание которых выдавали полосы света, пересекающие тротуар вплоть до половины улицы, и вырывающийся откуда-то снизу глухой гул голосов, — стояли открытыми целые ночи, привлекая к себе погибших созданий обоего пола. Под каждым навесом, в каждой нише зданий кучки мальчишек факельщиков проигрывали друг другу свой дневной заработок; иной раз кто-нибудь из них тут же падал и засыпал от усталости, выронив из рук факел, который с шипением потухал в грязи.

Были в то время и сторожа с палками и фонарями, выкрикивающие часы и состояние погоды, — и те, кого будили их голоса, поворачивались на другой бок, с удовольствием думая о том, что лежат в теплой постели, когда там, на дворе, идет дождь или снег, дует ветер или морозит. Одинокий прохожий вздрагивал от крика: „Берегись!“ и его рысью нагоняли и обгоняли носильщики, спешившие на ближайшую стоянку с откинутыми назад носилками, в знак того, что они не заняты. Частные, закрытые носилки с красивыми дамами в чудовищных фижмах и фалбадах, со скороходами-факельщиками впереди (гасильники от этих факелов и до сих пор еще висят у дверей некоторых аристократических домов) на минуту оживляли улицу, которая погружалась затем в еще больший мрак. В те времена не редкостью были ссоры этой, высоко державшей свое знамя, скороходной знати где-нибудь в прихожей в ожидании господ, — ссоры кончавшиеся часто потасовкой или тут же, в прихожей, или на улице, при чем поле битвы покрывалось слоем пудры, клочьями париков и изорванными букетами. Возникали эти ссоры обыкновенно из-за игры—порока, распространенного во всех слоях общества (разумеется, он вошел в моду по примеру высших классов). Карты и кости в прихожих царили также открыто и, возбуждая людские страсти, порождали столько же зла, как и в салонах. Между тем, как подобные сцены происходили на вечерах, маскарадах или партиях „кадрили“ (карточная игра), в восточной части города тяжелые повозки и дилижансы медленно катились со всех сторон из окрестностей по направлению к столице, а их кучера, стража и пассажиры были вооружены с головы до ног. Дилижансы часто опаздывали на день и на

два, но к этому все давно привыкли. Это значило только, что на дилижанс было сделано нападение. В те времена разбойники отличались храбростью и часто нападали в одиночку на целый караван людей и товаров; иной раз им приходилось убить одного, двух путешественников, иногда случалось и самим быть убитыми, — смотря по обстоятельствам. На другое утро рассказ о новом дерзком нападении на большой дороге облетел весь город, давая на несколько часов новую пищу для разговоров. Затем публичное шествие красивого (полупьяного) джентльмена, одетого по последней моде, в отборных выражениях проклинающего тюремного духовника, — шествие к Тибурну — давало черни приятное развлечение и в то же время служило для нее великим, поучительным примером.

Чарльз Диккенс. „Барнеби Редж".

Б. Старые города центральной Европы.

ПАРИЖ НА ЗАКАТЕ СТАРОГО РЕЖИМА.

...Париж кажется вам великолепнейшим городом, когда вы въедете в него по Версальской дороге. Громады зданий впереди, с высокими шпицами и куполами; на правой стороне река Сена с картинными домиками и садами; на левой, за пространною зеленою равниною, гора Мартр, покрытая бесчисленными ветреными мельницами, которые, размахивая своими крыльями, представляют глазам вашим летящую станицу каких-нибудь пернатых великанов, страусов или Альпийских орлов. Дорога широкая, ровная, гладкая как стол, и ночью бывает освещена фонарями. Застава есть небольшой домик, который пленяет вас красотою архитектуры своей. Через обширный бархатный луг въезжаете в поля Елисейские, не даром названные сим привлекательным именем: лесок, насажденный самими Ореадами, с маленькими цветущими лужками, с хижинками в разных местах рассеянными, из которых в одной найдете кофейный дом, в другой лавку. Тут по воскресеньям гуляет народ, играет музыка, пляшут веселые мещанки. Бедные люди, изнуренные шестидневною работою, отдыхают на свежей траве, пьют вино и поют водевили. Вошедши в сад, не

знаете чем любоваться: густотою ли древних аллей, или приятностью высоких террас, которые на обеих сторонах простираются во всю длину сада; или красотою бассейнов, цветников, ваз, групп и статуй. Художник ле-Нотр, творец сего, конечно, искуснейшего сада в Европе, ознаменовал каждую его часть печатью ума и вкуса. Здесь гуляет уже не народ, так как в полях Елисейских, а так называемые „лучшие люди", кавалеры и дамы, с которых пудра и румяна сыплются на землю. Взойдите на большую террасу; посмотрите направо, налево, кругом: везде огромные здания, замки, храмы — красивые берега Сены, гранитные мосты, на которых толпятся тысячи людей, стучит множество карет — взгляните на все, и скажите, каков Париж? Мало, если назовете его первым городом в свете, столицею великолепия и волшебства. Останьтесь же здесь, если не хотите переменить своего мнения; пошедши далее, увидите тесные улицы, оскорбительное смешение богатства с нищетою; подле блестящей лавки ювелира кучу гнилых яблок и сельдей; везде грязь и даже кровь, текущую ручьями из мясных рядов — зажмете нос и закроете глаза. Картина пышного города затмится в ваших мыслях, и вам покажется, что из всех городов на свете через подземельные трубы сливается в Париж нечистота и гадость. Ступите еще шаг, и вдруг повеет на вас благоуханье счастливой Аравии, или, по крайней мере, цветущих лугов Прованских: значит, что вы подошли к одной из тех лавок, в которых продаются духи и помада, и которых здесь множество. Одним словом, что шаг, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты — так, что вы должны будете назвать Париж самым великолепным и самым гадким, самым благовонным (потому что нигде не продают столько ароматических духов, как в Париже) и самым вонючим городом. Улицы все без исключения узки и темны от громадности домов; славная Сент-Оноре всех длиннее, всех шумнее, и всех грязнее. Горе бедным пешеходцам, а особливо, когда идет дождь! Вам надобно или месить грязь на середине улицы (мостовая делается в Париже скатом с обеих сторон улицы: отчего в середине бывает всегда

страшная грязь), или вода, льющаяся с кровель через дельфины, не оставит на вас сухой нитки. Карета здесь необходима, по крайней мере для нас иностранцев; а французы умеют чудесным образом ходить по грязи не грязнясь, мастерски прыгают с камня на камень, и прячутся в лавки от скачущих карет. Славный Турнфор, который объездил почти весь свет, возвратился в Париж и был раздавлен фиакром от того, что он в путешествии своем разучился прыгать серною на улицах: искусство необходимое для здешних жителей!

Подите городом прямо, в которую сторону вам угодно, и вы очутитесь, наконец, в тени густых аллей, называемых Булеварами; их три: одна для карет, а две для пешеходцев; они идут рядом и образуют магическое кольцо, или самую прекраснейшую опушку вокруг всего Парижа. Тут городские жители собирались некогда играть в шары (á la boul) на зеленой траве: отчего и произошло название булевер или буле-вар. Сначала, на месте аллей, был только один вал, который защищал столицу Франции от неприятельских набегов; дерева посажены гораздо после. Одна часть булеваров называется старыми, а другая новыми; на первых видите: предметы вкуса, богатства, пышности; все вымышленное праздностию для занятия праздности — здесь комедия, тут опера; здесь блестящие палаты, тут Гесперидские сады, в которых недостает только золотых яблок; здесь кофейный дом, обвешанный зелеными гирляндами; тут беседка, украшенная цветами и подобная сельскому храму любви; здесь маленький приятный лесочек, в котором гремит музыка, прыгает на веревке резвая Нимфа, или какой-нибудь фигляр забавляет народ своими хитростями; тут показываются вам все редкие произведения животного царства природы: птицы американские, звери африканские, колибрии и страусы, тигры и крокодилы; здесь под каштановым деревом сидит Цирцея, смотрит на вас томными глазами, кладет руку на сердце, и видя, что вы с равнодушием идете мимо, говорит со вздохом: нечувствительный! жестокий! Тут молодой растрепанный франт встречается с пожилым, нежно-напудренным петиметром, смотрит на него с усмешкою, и подает руку оперной певице;

здесь длинный ряд карет, из которых выглядывают юность и древность, красота и безобразие, ум и глупость в самых живых характерных чертах — и наконец... марширует отряд национальной гвардии. Целый день употребил я на то, чтобы обойти эту шумную часть бульваров.

Так называемая новая часть представляет совсем другое зрелище: там дерева тенистее, аллеи красивее, воздух чище, но мало бывает гуляющих; не слышите ни стука каретного, ни топота лошадиного, ни песней, ни музыки; не видите ни французских, ни английских щеголей, ни распудренных голов, ни разрумяненных лиц. Здесь в густой тени отдыхает добрый ремесленник со своею женою и дочерью: тут по аллее медленными шагами прохаживается сын его с молодою своею невестою, там поля с хлебом, сельские работы, трудящиеся земледельцы; словом, все просто, тихо и мирно.

Возвратимся опять в городской шум. Карл V говаривал: Lutetia non urbs sed orbis (Лютеция, т. е. Париж, есть не город, а целый мир): чтож бы он сказал теперь, когда Лютеция его вдвое увеличилась своим пространством, и вдвое умножилась числом своих обитателей? Вообразите себе 25.000 домов в 4 и 5 этажей, которые сверху до низу наполнены людьми! Вопреки всем географическим календарям, Париж многолюднее Константинополя и Лондона, вмещая в себе по новому исчислению: 1.130.450 жителей, между которыми полагается 150.000 иностранцев и 200.000 слуг. Ступай здесь из конца в конец города: везде множество идуших и едущих, везде шум и гам, — на больших и малых улицах, а их в Париже около тысячи! Ночью в 10, в 11 часов все еще живо, все движется и шумит; в первом, во втором часу встречается еще много людей; в третьем и четвертом слышите изредка каретный стук — однако ж сии два часа можно назвать самыми тихими в сутках. В пятом показываются на улицах работники, савояры, поденщики, — и мало-по-малу весь город снова оживляется.

Н. Карамзин. „Письма русского путешественника“.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ УГОЛОК.

...Было десять часов утра. Апрельское солнце обливало светом нежные листья деревьев. Освеженный ночной грозою воздух был неизъяснимо приятен. Время от времени всадник, проскакав по аллее Вдов, нарушал тишину безлюдия. В конце тенистой аллеи, против хижины „Лилльская Красавица“ сидел на деревянной скамейке Эварист и поджидал Элоди.

...В то время во всех английских садах и во всех модных местах для прогулок были построены учеными архитекторами хижины, которые льстили сельским вкусам горожан. Хижина „Лилльская Красавица“, в которой продавали лимонад, примыкала своим деланным убожеством к артистически построенным развалинам старой башни, и таким образом соединялись прелесть деревни и меланхолия руин. И словно недостаточно было для чувствительных душ хижины и разрушенной башни; продавец лимонада воздвиг под ивой гробницу-колонну, увенчанную погребальной урной с надписью: „Клеописа своему верному Азору“. Хижины, развалины, могилы! Накануне своей гибели аристократия возводила в своих наследственных парках эти символы бедности, уничтожения и смерти. А в настоящее время горожане-патриоты находили удовольствие в том, чтобы пить, плясать и любить в поддельных хижинах, в тени поддельных монастырей, мнимо разрушенных, и среди поддельных могил; ибо и те и другие любили природу, были учениками Жан-Жака и одинаково обладали сердцами чувствительными и склонными к философии.

А. Франс. „Боги жаждут“.

РИМ В XVIII ВЕКЕ.

...Город представлялся ему, соответственно погоде, то мягким и туманным, окутанный жидким, словно струившимся воздухом, то четким и словно скульптурным, под ясным, прозрачным небом. Соборы, колокольни и кампаниллы поднимались из смутной громады домов. Высокие развалины,

дикие и обнаженные словно показывали остов старого Рима и обрисовывали каменный скелет его древнего величия.

...У этих остатков, то полувросших в землю, то всегда поднимавшихся над нею, была различная судьба. Время придумало для них новое употребление: внутри древнего храма поместилась церковь; к подножию его фундамента прислонилась лавочка. Обелиски среди площадей были увенчаны крестом; барельефы, врезанные в стены, связывали их своими скульптурными кусками. Исполинские термы, обрушившись, покрывали своими обломками многие десятины, гигантский цирк отдавал каменоломам в добычу свои глыбы и пласты. Колонны, по горло засыпанные поднятием почвы, превратились в невысокие тумбы. Землею были закупорены пролеты триумфальных арок. Целые кварталы, некогда густо населенные, обратились не более как в сады. Виноградники покрывали холм на правом берегу Тибра.

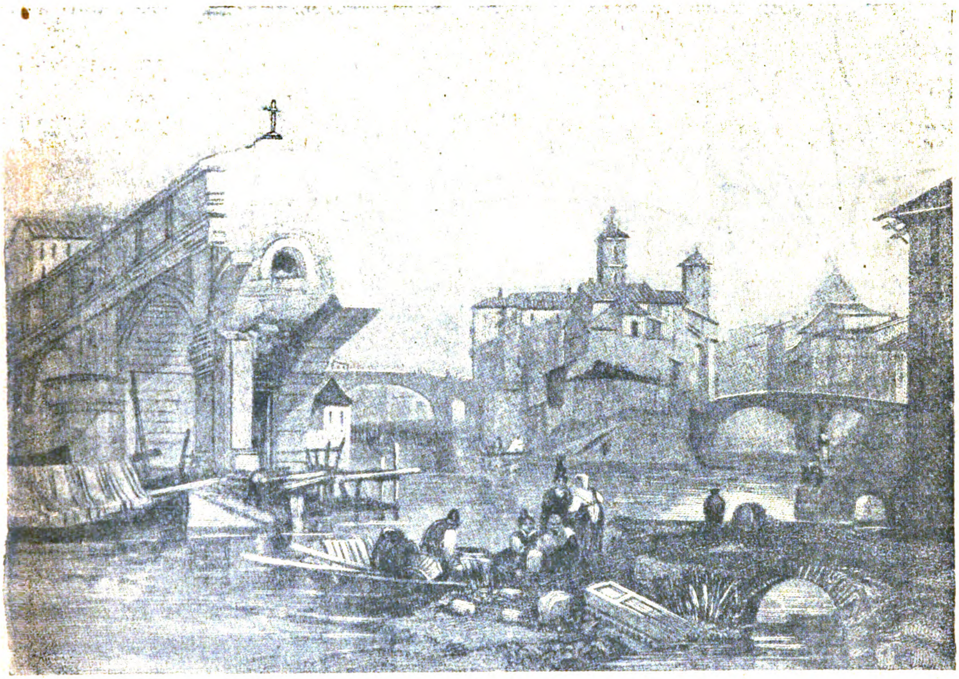
Эта зелень была великим очарованием Рима, на ряду с его водами, которые водопроводы разносили по резервуарам. Они били вверх бесчисленными фонтанами.

Фонтаны были всех видов, они образовывали то скатерть, то каскад, то струйку. Из раковины Тритонов они обрызгивали бронзовые спины морских коней, или изо рта какойнибудь фантастической головы наполняли водоем со щербатыми краями. Между ними были скромные и пышные, гулкие, которые шумели, и тихие, которые плакали, одинокие, уединенные и почти молчавшие. Фонтан на площади Навонской оживлен огромным сооружением статуй, скал и зверей; фонтан Павла изображает триумфальную арку, у которой вместо дверей хрустальный водопад из трех отвесно падающих скатертей. Иные изображают черепах; но это именно из фонтана Треви, следует напиться, покидая город. На дне его бассейна видны монеты, которые перед отъездом бросают в него путешественники, чтобы обеспечить себе возвращение.

Г. де-Галандо любил посещать их; он останавливался перед ними и вслушивался в их разнообразное журчанье, и никому в голову не приходило мешать ему в этом невинном занятии,— до такой степени привычное любопытство иностранцев при-

учило прохожих к манерам, которые в другом месте могли бы показаться странными.

Рим, вообще, изумительно поощряет склонность к прогулкам и к уединению. Рим двойствен. В нем, по желанию, можно уединиться от всех, и можно вмешаться в гущу людей и событий; можно жить в центре дел или же вне всяких често-

Тибр в Риме.

любий. Там все и знают и не знают друг друга. В нем можно обходить прихожие и ризницы, равно как можно свободно блуждать среди развалин и садов.

...В довольно уединенном уголке Рима находилось здание, которое полюбилось г-ну де-Галандо. То была тяжелая и круглая масса, сложенная из камней и окруженная колоннами с капителями, подпиравшими крышу в виде гриба. Небольшая и неправильная площадь растилалась там, вымощенная круп-

ными каменными плитами, поросшими травою. На ней в стороне журчал фонтан. Он состоял из круглого бассейна, откуда поднимался камень, на котором два морские чудовища сплетали свои чешуйчатые хвосты и, обнаженные, на поднятых руках высоко держали раковину. Обе бронзовые фигуры были изящны и гибки, без напряжения в их двойном и недвижном жесте. Вода ниспадала вокруг них с высокого водоема. Голуби прилетали и садились на его края, чтобы напиться. Их шеи с разноцветными отливами вспухали от наслаждения, потом они плавно улетали, садились на теплую черепичную крышу маленького храма и там ворковали.

Г. де-Галандо присаживался на край бассейна или на одну из окружавших его неравных тумб. Он следил за полетом голубей и прислушивался к шуму фонтана. Засоренные трубы фонтана издавали мягкий и хриплый звук; он перемежался то слабея, то усиливаясь, с неравными промежутками. Г. де-Галандо так хорошо изучил этот привычный шум, что порою он слышался ему ночью, во сне. Он приходил сюда, предпочтительно на склоне дня. Мало-по-малу спускался вечер. Бронзовые фигуры словно коченели. Очертания верхней раковины чернели на светлом еще небе. В последний раз проворкует последняя голубка. Тогда Г. де-Галандо вставал, чтобы итти домой; его день был окончен.

Анри де Ренье. „Дважды любимая".

ФРАНКФУРТ ИМПЕРСКИЙ ГОРОД.

...Около этого времени я в первый раз собственно начал узнавать мой родной город, получив постепенно свободу беспрепятственно бегать по улицам, то один, то в компании моих веселых товарищей. Чтобы изобразить впечатление, какое произвели на меня его строгие и почтенные окрестности, я сделаю прежде описание места моего рождения в том порядке, в каком различные его части постепенно мной узнавались. Более всего любил я прогулку по большому мосту через Майн. Длина, прочность и красивый вид заставляют причислять его к числу замечательнейших построек; он и является единственным памятником попечения о нуждах жителей, кото-

рое составляет обязанность светского правительства. Прекрасная река привлекала мое внимание и вверх, и вниз по течению; когда же глаза мои встречали золотого петуха, посаженного на мостовой крест и сиявшего на солнце, я испытывал постоянно особое удовольствие. Прогулявшись через Саксенгаузен, можно было переехать реку всего за один крейцер. А на этой стороне было что посмотреть на винном рынке и поглазеть на механизм кранов, выгружавших товары; в особенности привлекало наше внимание прибытие базарных барок, на которых можно было встретить такие интересные физиономии. Гуляя по городу я с почтением останавливался перед Саальгофом, зная, что это было место, где стоял замок императора Карла Великого и его наследников. В старом городе, и особенно в рыночные дни, весело было теряться в толпе, окружавшей церковь святого Варфоломея. Здесь испокон веку было отведено место для разносного ручного торга, а потому толпа была постоянно страшная, так что в позднейшее время не было найдено возможности расширить и очистить это место. Лавки мелочных торговцев привлекали особенное внимание детей, и зачастую тащили мы туда крейцеры, чтобы купить какую-нибудь картинку с изображением раскрашенных и раззолоченных зверей. Пробраться, однако, через толпу, запружавшую ограниченный по пространству, загроможденный и грязный рынок, удавалось не всегда. Так я помню, что ощущал всегда ужас, когда проходя, наталкивался на отвратительные лари мясников. Площадь Рёмера была местом тем более приятных прогулок. Дорога в новый город, через новый рынок, была интересна и весела; но мы жалели лишь о том, что не было пробито улицы, которая соединяла бы церковь богоматери с Цейлем, вследствие чего приходилось делать большой крюк через Заячью улицу или Катеринины ворота. Но более всего нравились мне, ребенку, маленькие городки в городе, крепости в крепости — именно, окруженные стенами монастыри и многие, уцелевшие от средних веков, постройки в форме замков, как, например, Нюрнбергская гостинница, Компостель, Браунфельс, фамильный дом Штальбургов и многие другие, приспособленные впоследствии для жизни частных людей или ремесленных заведений, крепостные

строения. Построек, особенно замечательных по архитектуре, во Франкфурте тогда не было. Все говорило только о давно прошедшем и об очень беспокойном, пережитом страною и городом времени. Ворота и башни, обозначавшие границы старого города, а затем далее опять ворота, башни, стены, мосты, валы и рвы, окружавшие новый город — все явственно повторяло, что здания эти были возведены по необходимости, в беспокойные времена, для ограждения общественной безопасности, и что при разбивке площадей и улиц, даже новых и более широких и красивых не было никакого правильного плана, а руководились исключительно случаем и произволом. Страсть к изучению древностей овладела моим детским воображением, будучи подкрепляема еще более чтением старых хроников и рассматриванием резанных на дереве гравюр, например, работы Граве, изображавших осаду Франкфурта. К этому присоединилось и другое желание: изучить жизнь и быт людей такими, каковы они есть на деле, без всякой их идеализации в качествах и красоте. Поэтому одной из любимейших прогулок, которую мы повторяли по несколько раз в год, стала для нас улица, проходившая вдоль внутренней стороны городских стен. Сады, дворики, здания, строения тянутся до Цвингера, и многие тысячи жителей представляются глазам в их обыденной мелочной житейской обстановке. Переходя от парадных садов богачей к огородам, возделанным для собственной потребности жителей, оттуда к фабрикам, белильням и другим подобным заведениям и, наконец, к кладбищу, так как тогда кладбище существовало в пределах города, мы, дети, не могли довольно налюбоваться и довольно насытить наше молодое любопытство, которому все виденное представлялось в каком-то особенном, ежеминутно-изменяющемся фантастическом виде. Можно с уверенностью сказать, что известный хромой бес, снимавший для своего друга по ночам крыши мадридских домов, показал ему меньше интересного, чем было сделано для нас здесь, под этим вольным небом и ярким дневным солнцем. Ключи, которыми запирались встречавшиеся на этой дороге башни, лестницы и ворота, и без которых нельзя было

обойтись, хранились у арсенальных начальников, и потому нам не раз случалось для их добычи всячески льстить их подчиненным.

Еще более значительное и в ином смысле более плодотворное влияние оказало на нас знакомство с городской ратушей, называемой Рёмером. Мы очень любили блуждать под сводами ее огромных зал нижнего этажа. Мы добыли также позволение посещать и большую, крайне простую убранную залу заседаний совета. Стены ее, обитые до некоторой высоты панелями, были на остальном пространстве вместе со сводчатым потолком просто окрашены белой краской; нигде не было ни следа живописи или фигур. Только на средней стене высоко красовалась краткая надпись:

Eines Manns Rede
Ist Keines Manns Rede:
Man soll sie billig hören Beede [1]).

По очень старинному обычаю, для членов этого собрания были устроены вдоль стен скамьи, приделанные к панелям и возвышенные над полом на одну ступень. Тут мы легко поняли причину распределения членов нашего сената по различным семьям. Скамья по левую руку от дверей до противоположного угла считалась первою: тут сидели судьи; в углу помещался главный из них, и исключительно перед ним был поставлен маленький столик; по левую от него руку, вдоль до стены с окнами, сидели именитые граждане второй скамьи; вдоль окон была третья для ремесленников; в середине же залы помещался стол для протоколиста.

Зайдя в Рёмер, мы обыкновенно смешивались с толпой, ожидавшей открытия заседания. Но больший для нас интерес представляло то, что касалось избрания и коронации императоров. Мы успели добыть разрешение преддверника, посмотреть новую, светлую, разрисованную фресками лестницу, всегда запиравшуюся решеткой. Зала избрания, украшенная пурпурными обоями и чудными золотыми арабесками, вызвала в нас чувство глубокого уважения. С ве-

[1]) Т.-е. „речь одного человека не есть речь, надо всегда выслушать обе стороны“.

личайшим вниманием осматривали мы створки дверей, на которых очень курьезное зрелище представляют собой занятые какой-то чудной игрой маленькие дети или гении, одетые в императорское платье и при императорских регалиях.

...Бродя, таким образом, повсюду, мы не забывали посещать и собор, где находится гробница почтенного, равно друзьями и врагами, храброго Гюнтера. Замечательный камень, которым гробница эта была прежде покрыта, вделан нынче в хоре церкви. Дверь, находящаяся возле, и ведущая в залу конклава, оставалась долгое время для нас запертой, пока, наконец, не удалось нам, помощью просьб, обращенных к высшему начальству, добиться разрешения посетить и это важное место. Однако, оказалось, что, пожалуй, было бы лучше, если бы наше представление о нем осталось попрежнему плодом одной фантазии, вследствие того, что это, столь интересное в истории Германии место, где собирались для такого важного дела, как избрание императора, многие могущественнейшие князья, явилась нашим глазам в далеко неприглядном убранстве, загроможденная сверх того балками, лесами и тому подобным хламом, который предполагали убрать в другое место.

...Едва успело протечь полгода в подобном патриотическом настроении, как подоспело время ярмарок, оказывающих всегда на детские головы невероятно ошеломляющее действие. Постройки множества лавок, похожих на новый город, возникший внутри старого, толкотня и сумятица, выгрузка и распаковка товаров, — все это возбуждало с первой минуты деятельное любопытство и вместе с тем непреодолимую жажду приобретения, которую удовлетворить то тем, то другим способом старался я с годами, сообразно со средствами своего убогого кошелька. Вместе с этим росло и крепло в голове представление о том, что производит мир, в чем он нуждается и чем меняются друг с другом обитатели его различных стран.

Гете. „Правда и вымысел“.

В. Возникновение нового города мирового значения.

НАЧАЛО ПЕТЕРБУРГА.

...Около Петербурга царь укрепил берега реки, устроил платины и шлюзы, прорыл каналы, для того, чтобы лишняя вода, нагоняемая бурею с моря, нашла, куда расходиться: — если бы этого не было, волны залили бы строения. Шлюзы сверху покрыты досками, так что по ним можно ездить на лошади. Чем ближе к морю, тем более широким руслом течет Нева и разделяется на несколько рукавов, которые расходятся в разные стороны. По берегам этих рукавов вколачивают теперь сваи, в иных местах берега ровняют; чтобы могли подходить суда, расширяют, поднимают и углубляют дно, где понадобится.

Город этот раскинут на громадное пространство, где всякий сенатор, министр и боярин должен иметь дворец; иному пришлось выстроить и три, когда приказали. Счастлив был тот, кому отведено сухое место; но, кому попалось болото и топь, тот порядком нагрел себе лоб, пока установил фундамент, вырыл лес, так как чем ближе к морю, тем почва низменнее и более болотиста. Еще и теперь, хотя дома и отстроены, но они трясутся, когда около них проезжает экипаж, а это — вследствие непрочного фундамента. Эта часть уже имеет вид города: есть там дома, шлюзы и громадные строения с флигелями и всеми удобствами. Далее по направлению к Кронштадту не мало еще места, где уже начинают строить, и где уже поселилось несколько тысяч мещан у самого моря.

Есть здесь церкви, коллегии, дворцы и так называемые лавки, где можно все получить — это четыреугольное строение, в котором, как по одну, так и по другую сторону, живут купцы. Дворцы — громадные каменные, с флигелями, кухнями и удобствами; только они наскоро построены зимою, так как здесь лето непродолжительно. Еще половина этого города не выстроена.

На этой стороне Невы по берегам реки расположены дома, тянущиеся до царских дворцов, которых три: два летних и

один зимний. Сады красивы. Я слыхал от самого царя, который сказал: „Если проживу еще три года, буду иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля“. И в самом деле сюда привезена морем из Венеции, Италии, Англии и Голландии масса мраморных статуй, колонн; даже целая беседка, из алебастра и мрамора, привезена из Венеции для сада, расположенного у самой реки, между каналами. Здесь множество замечательных вещей, беседок, галлерей, насосов и удивительно красивых деревьев. Со стороны реки около сада подведена каменная стена; к реке ведут галлереи, где можно сесть на ботик, галеру, яхту или буер, чтобы ехать на море или гулять по каналам и большой широкой реке. На реке находится остров, на котором строят дома, куда переведут анатомию (кунсткамеру).

На другом острове находится пороховой завод; на третьем, который называется „Васильевский остров“, расположены дворцы, летний и зимний князя Меньшикова, а также и другие дома до самого моря. Есть также места, где строят корабли, — преимущественно в адмиралтействе; тут находятся башни с пушками, равно, как и дома, в которых живут англичане и голландцы, строящие корабли. Далее место, где стоят галеры. Я слыхал от царя: „у меня много кораблей, но я уменьшу число судов, и останется их 30, на каждом по 100 пушек, да 200 галер, на каждой по 40 пушек“. И в самом деле этого у него уже слишком много. Имеются здесь большие четыреугольные суда, на которых перевозят корабли в море, так как по этой реке, а даже и по здешнему морю, не везде могут ходить корабли, потому что во время бурь море засыпает реки песком. С этой целью миль на 7 отсюда построена крепость, где останавливаются военные корабли. Галеры мне нравятся, так как на них можно ездить по водам; и безопасно, как у берега, так и по самому глубокому морю, притом ими можно управлять как угодно, и в какую угодно сторону, а также стрелять в неприятеля, вращаясь на месте.

На другом берегу реки, против царских дворцов, строят большой укрепленный замок. Посредине него находится церковь с башнею, на которой помещены часы, играющие фран-

цузские куранты; здесь вообще во дворцах и коллегиях много таких часов, которые разыгрывают псалмы. В упомянутом замке множество пушек, и со стороны моря постоянно развевается красно-белый флаг. Здесь есть такой обычай: когда адмиральский фрегат выйдет на воду под особенным флагом, то должны выходить все фрегаты — под страхом штрафа. Адмиральский фрегат идет впереди, а все прочие идут за ним, не опережая его. На фрегатах обыкновенно находятся сенаторы, министры и другие баре, которые веселятся при звуках музыки. Минуя один другого, пьют за здоровье, стреляют из пушек и обязаны быть на воде до тех пор, пока адмирал не причалит к берегу. В этом месте живет много ремесленников — французов, англичан, голландцев и мануфактуристов других национальностей, которых царь выписал для того, чтобы они учили русских людей; для работ у них свой дом.

Также много зданий для корабельного провианту, соленой рыбы, ветчины, муки; есть здания с конюшнями, где останавливаются конные полки, а также для пехоты со всеми удобствами. Есть здания, где останавливаются гости, а для их удобства и трактиры. По берегам, куда привозят хлеб или провиант, устроены амбары; сюда немедля переносят привезенное с кораблей. Выстроены также каменные солодовни для пива — для кораблей; пока пиво свежее, его не пьют — так оно горько; а горько потому, чтобы могло дольше стоять, не скиснув.

Неподалеку от царских дворцов находятся здания, выстроенные в квадрат для ремесленников, которые строят фрегаты и яхты. Внутри сделан канал, куда на зиму приводят суда, чтобы их не испортил ледоход. В других зданиях выделывают пушки, колокола, чугунные и железные мортиры; в третьих — колесники делают лафеты и колеса для пушек.

На другой стороне реки, за дворцом князя Меншикова, находится французская улица, где живут одни ремесленники, как-то: скульпторы, плотники, рабочие, делающие фонтаны, а также и те, которые выделывают разные вещи из олова и других металлов; но все это для царя. В лавках есть такса,

по которой продают все предметы. Есть здесь также меха и товары из меди и железа; здесь много полотна, но оно узко, а между тем его здесь нужно много, так как стены и потолки обивают полотном, местами даже восченым; обивают также полотном балконы и башни в итальянских садах, и даже заборы вокруг садов. Ткани, даже весьма красивые, привозят из Москвы.

На берегу Невки есть длинный, двухэтажный каменный дом, в котором шесть комнат внизу и столько же наверху. С одного берега до самого дома проложен мост, на котором находится избушка и балкон столярной работы. В каждой нижней комнате этого дома есть 5 станков для выделывания полотна; в угловых же комнатах работают столяры и токари, которые приготовляют станки, мычки, веретена, прялки, мотальницы, утки, челноки и другие снаряды. В комнатах верхнего этажа много женщин, под присмотром англичанки, которая наблюдает за их работами. В одних комнатах прядут, в других — разматывают; здесь множество людей, есть и смотритель, который всем управляет.

На противоположной стороне, на той же реке, есть другое здание, где выделывают крахмал; есть здесь мочильные чаны, а также несколько втулок, по вынутии которых вытекает вода; вода, и при том весьма хорошая, проведена трубами, и посредством труб же отводится. На другой стороне реки находится большая и широкая белильня; здесь вырыты каналы, в которых мочат и поливают полотно.

Есть здесь также два стрельбища, одно за Невою, за каменными солодовнями, другое за двором г. Головкина; там учат стрелять из пушек, которых в каждом по десяти.

Река Нева укреплена плотинами, особенно один берег, на расстоянии 12 миль до Шлиссельбурга, так что суда везде могут причаливать к берегу и сейчас выгружать то, что желают. Деревьев сплавляют этою рекою громадное количество, как в город, так и на море, к различным крепостям. Около города нельзя и розги срезать, хотя там на пространстве нескольких миль растет множество березы, пихты и сосен, но это мелкое дерево. Дуб, необходимый для постройки кораблей, яхт, фрегатов, галер, буеров, шлюпок и гондол, привозят рекою частью

из Москвы. Все это царь имеет, так что может обойтись без вывоза из чужих стран, и если еще найдет минералы, для чего уже выписал в нынешнем году из Саксонии рудокопов, то справедливо его можно будет назвать: „Владыка земли и моря".

Краткое описание СПБ. в 1720 г.

ВЕЛЬМОЖНЫЙ ОСОБНЯК СЕВЕРНОЙ ПАЛЬМИРЫ [1]).

Пространное и великолепное здание, в котором было празднество, не из числа обыкновенных. Кто хочет иметь о нем понятие, прочти, каковы были загородные дома Помпея и Мецената. Наружность его не блестает ни резьбою, ни позолотою, ни другими какими пышными украшениями: древний изящный вкус—его достоинство; оно просто, но величественно. Возвышенная на столпах сень покрывает вход и составляет его преддверие. Торжественные врата с надписью: „Екатерине Великой", сооруженные из двух огромных гранитных и четырех яшмовых столпов, с позлащенными подножиями и надглавиями, ведут из притвора в кругловатый чертог, подобный афинскому одеуму.

Любопытство остановило бы здесь осмотреть печи из лазоревого камня, обширный купол, поддерживаемый осмью столпами, стены представляющие отдаленные виды, освещенные мерцающим светом, который вдыхает некий священный ужас; но встречающаяся внезапно из осмнадцати столпов сквозная преграда, отделяющая чертог сей от последующего за ним, поражает взор и удивляет. Наверху вкруг висящие хоры с перилами, которые обставлены драгоценными китайскими сосудами и с двумя раззолоченными великими органами разделяют внимание и восторг усугубляют. Что же увидишь, вступая во внутренность? При первом шаге представляется длинная овальная зала, или, лучше сказать, площадь, пять тысяч человек вместит в себя, удобная и разделенная в длину в два ряда еще тридцатью шестью столпами. Кажется, что исполинскими силами

[1]) Здесь описан памятный в Истории Таврический дворец, ныне дворец Урицкого.

вмещена в ней вся природа. Сквозь оных столпов виден обширный сад и возвышенные на не малом пространстве здания. С первого взгляда усомнишься и помыслишь, что сие есть действие очарования, или, по крайней мере, живописи и оптики; но, приступив ближе, увидишь живые лавры, мирты и другие благорастворенных климатов древа, не токмо растущие, но иные цветами, а другие плодами обремененные. Под мирною тению их, инде как бархат, стелется дерн зеленый: там цветы пестреют, здесь излучистые песчаные дороги пролегают, возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просеки, блистают стеклянные водоемы. Везде царствует весна, и искусство спорит с прелестями природы. Плавает дух в удовольствии. За обелиском, в самой глубине вертограда, зеркальная пещера. Внутри оной водный кладезь и купель резная из паросского мрамора, выше роста человеческого. Такие же две стоят по концам залы перед двумя возвышениями, из коих на одном помещается многочисленный хор музыки, а на другом избраннейшая беседа. Для прочих гостей устроены между столпов ложи. Везде виден вкус и великолепие; везде торжествует природа и художество; везде блистает граненый хрусталь, белый мрамор и зеленый цвет, толико глазам приятный. По приличности висят цветочные вазы и венцы, и по надобности лампады и фонари. Невероятной величины зеркала! Все они инде предметы усугубляют, инде увеличивают, а инде удаляют и умаляют. Притом сладкогласное пение птиц, приятное благовоние ароматов, соделывая сие жилище некоею новою поднебесностию или волшебною страною, заставляют каждого в восторге самого себя вопрошать: не се ли эдем? Кроме торжественных врат, еще четырьмя большими дверями проходят из сего чертога, одними во внешний сад, а другими в прочие покои. Хотя по множеству оных, пространству и богатым приборам, приличным более роскоши, нежели земному раю, забудешь красоты его, воображая их в единой токмо блаженной природе; однако, в изумлении своем чаешь быть в цветущей Греции, где одеум, лицея, стадии, экседры и театры из разных городов и мест собрались в одном сем здании воскресли. Там отделено довольное пространство, где мужественная юность может упражняться в военных телодви-

жениях и прочих гимнастических играх; здесь любящие музыку, пение и пляску найдут себе место для увеселения. Там пленяющиеся живописью могут заниматься творениями Рафаэля, Гвидо-Рени и иных славнейших художников всея Италии; здесь эстампы с оных взоры привлекают. Там азиатской пышности мягкие софы и диваны манят к сладкой неге; здесь европейские драгоценные ковры и ткани внимание на себя обращают. Там уединенные покои тишиною своею призывают в себя людей государственных беседовать о делах, им порученных; здесь обсаженная древами прямовидность представляет гульбище, где бы и Платон с удовольствием мог собирать академию и преподавать философию. Словом, для всякого возраста, пола и состояния находятся чертоги, в которых, по склонностям каждого с приятностию время препроводить можно. Везде достаточная и пристойная услуга, редкая утварь, всего обилие; и если бы какой властелин всемощного Рима, преклоня под руку свою вселенную, пожелал торжествовать звуки своего оружия или отплатить угощения своим согражданам: то не мог бы для празднества своего создать большего дома или лучшего великолепия представить. Казалось, что все богатство Азии и все искусство Европы совокуплено там было к украшению храма торжеств Великой Екатерины. Едва ли есть ныне где такой властитель, которому бы столь обширное здание жилищем служило.

Великолепные чертоги
На столько расстоят локтях,
Что глас в трубы, в ловецки роги
Едва в их слышится концах.
Над возвышенными стенами,
Как небо, наклонился свод;
Между огромными столпами
Отворен в них к утехам вход.

Если дом по сему описанию заслуживает внимания, то празднество, бывшее в нем, еще более.

Державин. „Описание Потемкинского Праздника“.

ПРОГУЛКА ПО СТАРОМУ ПЕТЕРБУРГУ.

...Вчерашний день поутру, сидя у окна моего с Винкельманом в руке, я предался сладостному мечтанию, в котором тебе не могу дать совершенно отчета; книга и читанное мною было совершенно забыто. Помню только, что, взглянув на Неву, покрытую судами, взглянув на великолепную набережную, на которую, благодаря привычке, жители петербургские смотрят холодным оком, любуясь бесчисленным народом, который волновался под моими окнами, сим чудесным смешением всех наций, в котором я отличал англичан и азиатцев, французов и калмыков, русских и финнов, я сделал себе следующий вопрос: что было на этом месте до построения Петербурга. Может быть, сосновая роща, сырой, дремучий бор или топкое болото, поросшее мхом и брусникою; ближе к берегу — лачуга рыбака, кругом которой развешены были мережи, невода и весь грубый снаряд скудного промысла. Сюда, может быть, с трудом пробирался охотник, какой-нибудь длинновласый финн.

За ланью быстрой и рогатой,
Прицелясь к ней стрелой пернатой.

Здесь все было безмолвно. Редко человеческий голос пробуждал молчание пустыни дикой, мрачной; а ныне? Я взглянул невольно на Троицкий мост, потом на хижину великого монарха, к которой по справедливости можно применить известный стих:

„Souvent un faible gland recéle un chêne immense“ [1]). И воображение мое представляло мне Петра, который в первый раз обозревал берега дикой Невы, ныне столь прекрасные!

...И в самом деле время было прекрасное: ни малейший ветерок не струил поверхности величественной, первой реки в мире, и я приветствовал мысленно богиню Невы словами поэта:

Обтекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова.

---

[1]) Часто ничтожный жолуд таит в себе могучий дуб

Великолепные здания, позлащенные утренним солнцем, ярко отражались в чистом зеркале Невы, и мы оба единогласно воскликнули: „Какой город, какая река!“

„Единственный город!“ повторил молодой человек. — „Сколько предметов для кисти художника! Умей только выбирать. И как жаль, что мои товарищи мало пользуются собственным богатством; живописцы перспективы охотнее пишут виды из Италии и других земель, нежели оные очаровательные предметы. Я часто с горестью смотрел, как в трескучие морозы они трудятся над пламенным небом Неаполя, тиранят свое воображение и часто — взоры наши. Пейзаж должен быть портрет. Если он не совершенно похож на природу, то что в нем? Надобно расстаться с Петербургом“, продолжал он, — „надобно расстаться на некоторое время, надобно видеть древние столицы: ветхий Париж, закопченный Лондон, чтобы почувствовать цену Петербурга. Смотрите, какое единство, как все части отвечают целому, какая красота зданий, какой вкус, и в целом какое разнообразие, происходящее от смешения воды со зданиями! Взгляните на решетку Летнего сада, которая отражается зеленью высоких лип, вязов и дубов! Какая легкость и стройность в ее рисунке. Я видел славную решетку Тюльерийского замка, отягченную, раздавленную, так сказать, украшениями — пиками, касками, трофеями. Она безобразна в сравнении с этой“.

Энтузиазм, с которым говорил молодой художник, мне весьма понравился. Я пожал у него руку и сказал ему: „Из тебя будет художник!“ Не знаю понял ли он мои пророческие слова, но, посмотрев на меня с улыбкою удовольствия, продолжал: „Взгляните теперь на набережную, на сие огромные дворцы — один другого величественнее, на сие домы — один другого красивее! Посмотрите на Васильевский остров, образующий треугольник, украшенный биржею, ростральными колоннами и гранитною небережною, с прекрасными спусками и лестницами к воде. Как величественна и красива эта часть города. Вот произведение, достойное покойного Томона, сего неутомимого иностранца, который посвятил нам свои дарования и столько способствовал к украшению северной Пальмиры. Теперь от биржи с каким удовольствием взор мой следует

вдоль берегов и теряется в туманном отдалении между двух набережных, единственных в мире!".

Разговаривая таким образом, мы подходили к адмиралтейству. Помню, скажешь ты, — помню эту безобразную длинную фабрику, окруженную подъемными мостами, рвами глубокими, но не чистыми, заваленными досками и бревнами. Остановись, почтенный мой приятель. Кто не был двадцать лет в Петербурге, тот его, конечно, не узнает. Тот увидит новый город, новых людей, новые обычаи, новые нравы. Вот, что я повторяю тебе ежедневно в моих записках. И здесь то же превращение. Адмиралтейство, перестроенное Захаровым, превратилось в прекрасное здание и составляет теперь украшение города. Прихотливые знатоки недовольны старым шпицем, который не соответствует, по словам их, новой колоннаде, но зато колоннада и новые павильоны или отдельные флигели прелестны. Вокруг сего здания расположен сей прекрасный бульвар, обсаженный липами, которые все принялись и защищают от солнечных лучей. Прелестное, единственное гульбище, с которого можно видеть все, что Петербург имеет величественного и прекрасного: Неву, Зимний дворец, великолепные домы Дворцовой площади, образующей полукружие, Невский проспект, Исаакиевскую площадь, конногвардейский манеж, который напоминает Партенон, прелестное строение г. Гваренги, сенат, монумент Петра I и снова Неву с ее набережными.

К. Н. Батюшков. „Прогулка в академию художеств".

МОЛОДАЯ СТОЛИЦА НОВОЙ ИМПЕРИИ.

Прошло сто лет — и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там,
По оживленным берегам,

Нева и Петропавловская крепость.

Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
Ее покрылись острова —
. . . .
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменит другую
Спешит, дав ночи полчаса.
..Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой —
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красивость
В их стройно зыблемом строю,
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою...

А. Пушкин. „Медный Всадник“.

ПРИМЕЧАНИЯ.

К стр. 31. Отрывок взят из дневника французского художника Гогена (род. в 1848 г. — ум. 1903 г.) Жил долгие годы на острове Таити и вел пропаганду среди туземцев против миссионеров. Его проклятие капиталистическому городу весьма характерно для многих интеллигентов Западной Европы, разуверившихся в своей культуре и не видящих выхода из тупика.

К стр. 32. Отрывок взят из нашумевшей после войны книги „Закат Европы", в которой О. Шпенглер возвещает близость конца европейской культуры и смену ее русской. Читатель должен учесть чуждость автора классовой точки зрения на исторический процесс.

К стр. 75. Объяснения известного автора „Жизнь Христа" причин нравственного упадка Антиохии носит весьма субъективный характер. Совершенно не учитывается роль социальных контрастов и классовых противоречий этого „мирового" центра.

К стр. 81. Вергилий, римский поэт первого века, пострадавший во время гражданской войны, впоследствии сделался горячим сторонником императора Августа. Его „пророчество" ярко характеризует империалистическую претензию Рима на власть над миром, свойственную привилегированным „римским гражданам".

К стр. 82. В этой картине, как и во всех предыдущих, отсутствует оценка городов древностей с классовой точки зрения. Историки прошлого, в особенности историки культуры, описывают города: 1) на основании литературных памятников, отражавших психологию господствующих классов; 2) на основании уцелевших памятников материальной культуры. Нужно помнить, что сохранились преимущественно остатки храмов, дворцов, крепостей... Однако, при этом следует учесть и классовые симпатии авторов. Фридлендер указывает, что в Риме хорошо жилось низшим слоям населения, но в том же труде сообщает „крайняя нищета и нужда господствовали в огромном городе, при страшной дороговизне". Отмеченные здесь пробелы относятся к большинству собранных отрывков и должны быть учтены во избежание идеализации городской культуры. В описаниях ландшафта городов нет отражений жизни пролетариата.

К стр. 134. Этот отрывок, а также последующие принадлежат Ларрета, который, по словам известного арабиста академиия И. Ю. Крачковского, один из немногих европейцев, который сумел передать „отцвет былого величия и мощь арабского духа". В приведенных отрывках испанские города даны в преломлении испанского фанатика. Их хорошим дополнением является описание ауто-да-фе на улицах Толедо.

К стр. 168. Описание столицы царства ацтеков взято из записок испанского участника похода Кортеса — Покорение Мексики. В них ярко сказался дух нетерпимости свойственной конквистадорам. Испанские завоеватели, возмущаясь человеческими жертвоприношениями, вполне сочувствовали ауто-да-фе, с которыми читатель познакомился выше.

К стр. 195. Отрывки из Карамзина, написанные в господствовавшем тогда сентиментальном вкусе, несмотря на свои недостатки, помещены в этой книге, так как отрывок о Лондоне хорошо выясняет его капиталистическую физиономию, а отрывок о Париже дает некоторое представление о социальных контрастах.

К стр. 211. Отрывки, описывающие „Северную Пальмиру" XVIII века взяты из авторов, увлеченных внешним блеском нового города и совершенно неинтересовавшихся жизнью тех, чьим трудом был создан город. Об этих безымянных строителях, на чьих костях возник Петербург, заговорят лишь в эпоху социального кризиса в XIX веке.

РУКОВОДЯЩИЕ ВОПРОСЫ.

1) Патриархальная родовая община и город-село.
2) Отражение классовой борьбы на плане и облике города.
3) Что дает город как выразитель культуры?
4) Встреча двух культур в городе.
5) Облик города в зависимости от его назначения: военного центра, центра торгового, административного, центра дух. жизни страны — в наши дни и в древнем мире.
6) Черты феодального города.
7) Город и деревня в средние века по особенностям городского быта.
8) Характерные черты средневекового Азиатского города и сравнение его с городами древнего мира.
9) Сплетение восточной и западной культур в городах ближнего востока и на Руси.
10) Умирающая дворянская феодальная культура и ее центры XVIII в.
11) Что ценили в городах до развития капитализма?
12) Города торгового капитала.
13) Возникновение и характерные черты городов мирового значения.
14) Сравнительная характеристика городов мирового значения древнего мира и нового времени.

КНИГА I.

Город, как выразитель сменяющихся культур.

ЧАСТЬ I.

Города Средиземноморской культуры древнего мира.

А. ДРЕВНИЙ ВОСТОК.

Б. ЭЛЛИНСКИЙ ПОЛИС.

В. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОРОДА.

Иерусалим — город храма Иагве	Ренан. Жизнь Иисуса.
Столица эллинистического Востока	Ренан. Апостолы.
Александрия (Новая столица Египта)	Кузьмин. Александрийск. песни.
Христианский аскет в Александрии	Анатоль Франс. Таис.

Г. РИМ.

Основание Рима	Тит Ливий.
Пророчество о Риме	Вергилий. Энеида.
Синтетическая характеристика Рима.	Фридлендер. История нравов.
Триумфальный въезд в Рим	Ферреро. Величие и падение Рима.
Прощание изгнанника с Римом	Овидий. Скорби.
Воспоминание о Риме из ссылки	Овидий. Скорби.
Провинциальный город Римской Империи:	
а) в Италии — Пиза	Патер. Воображаемые портреты.
б) в Галлии V века. Бурдигала (Бордо).	Авзоний. Прославленные города.
Золотой Рим	Авзоний. Прославленные города.
Закат Рима	Аммиан Марцеллин.
Провинциал в Риме в эпоху упадка	В. Брюсов. Алтарь победы.
Destructio Romae	Mirabilia.

ЧАСТЬ II.

Эпоха возрождения городов в Европе XII—XVI вв.

(На торговых путях между Средиземноморским бассейном и морями Севера).

А. ГОРОДА ИТАЛИИ.

Столица средневекового папства	Грегоровиус. История г. Рима.
Достоинства города Милана	Бонвизин да-Рива.
Патриархальная Флоренция	Данте.
Силуэт Флоренции Кватроченто.	Мережковский. Леонардо да Винчи.
Морская торговая республика XV века	Ф. Комин. Воспоминания.
Venezia la bella.	Герцен. Былое и думы.
Силуэт Венеции.	А. Блок.

Б. НЕМЕЦКИЕ ГОРОДА.

Хвала Нюренбергу	Вакенродер. Размышления отшельника-любителя изящного.
Цеховой быт в Нюренберге.	Гофман. Мейстер Мартин и его подмастерья.
Прирейнский торговый город (Кельн)	В. Брюсов. Огненный ангел.

В. ГОРОДА ФРАНЦИИ.

Г. ИСПАНИЯ.

Д. ВОСТОК ЕВРОПЫ.

ЧАСТЬ III.

Города Востока и Америки во время образования новых торговых путей.

А. АЗИЯ.

Б. АМЕРИКА.

ЧАСТЬ IV.

Города в эпоху развития океанических путей мировой торговли.

А. ГОРОДА КОЛОНИАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ.

Б. СТАРЫЕ ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ.

В. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОГО ГОРОДА МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ.

р. 25 к.

...тельство БРОКГАУЗ-ЕФРОН

...енинград, Прачешный пер., 6. Тел. 553-92.

НОВЫЕ КНИГИ:

...Н. РОЗЕНТАЛЬ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ ЗАПАДА. Историко-беллетристический сборник, с 35 иллюстрациями. Цена 3 руб.

ДАЛТОН-ПЛАН В РУССКОЙ ШКОЛЕ. Под редакцией **И. С. Симонова и Н. В. Чехова.** Сб. II. (Год работы по Далтон-плану в трудовой школе II ступени). Цена 1 руб. 70 коп.

„Среди книг, посвященных Далтон-плану, едва ли не самой ценной в практическом отношении является книга, нами рецензируемая, только что вышедшая... Она является своего рода отчетом коллектива 98-й трудовой школы в Ленинграде... В предисловии Н. В. Чехов по справедливости называет опыт школы „блестящим разрешением основных задач лабораторного плана".

(**А. Липовский.** „Информац. Бюл." ЛГОНО, № 39, 1925 г.).

РАБОТЫ ПО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЮ НА ОСНОВАХ ДАЛТОН-ПЛАНА. („Задания" по истории классовой борьбы и др.). Сборник методических статей под редакцией **К. В. Сивкова.** Цена 70 коп.

И. П. ПЛОТНИКОВ, проф. РОДНОЙ ЯЗЫК В КОМПЛЕКСЕ. 2-ое исправленное, дополненное издание. Допущено ГУС'ом. Цена 70 коп.

ВОПРОСЫ КОМПЛЕКСНОГО ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ. Под ред. С. В. Иванова, Н. Н. Иорданского и И. С. Симонова. Сборн. III. (Практика опытно-показательных учреждений). Цена 2 руб.